

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В.В. Куделев

**«АРАБСКАЯ ВЕСНА»:
МАРОККАНСКИЙ ФЕНОМЕН**

Москва 2017

В.В. Куделев
«АРАБСКАЯ ВЕСНА»: МАРОККАНСКИЙ ФЕНОМЕН
М., 2017. 342 с.

ISBN 978-5-89394-289-7

ISBN 978-5-89394-289-7

© Институт Ближнего Востока, 2017
© В.В. Куделев, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. «АРАБСКАЯ ВЕСНА» В МАРОККО: ХРОНИКА СОБЫТИЙ.....	6
ГЛАВА 2. ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ	160
ГЛАВА 3. ПОЧЕМУ СТАБИЛЬНОСТЬ МАРОККО НУЖНА ВСЕМ.....	282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	296
ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ ПО ГЛАВАМ	298
БИБЛИОГРАФИЯ	301
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	302

ВВЕДЕНИЕ

Марокко оказалось одной из немногих стран обширного региона Ближнего Востока и Северной Африки, которой в целом удалось – по состоянию на начало июля 2017 г. – практически без последствий выйти из бурного периода, получившего в прессе название «арабская весна». Необходимо признать, что это произошло во многом потому, что «арабская весна» в королевстве началась не в 2011 г., а, как считает марокканский исследователь Али Амар, намного раньше. Он дал этому явлению название «марокканская весна», которая, по его оценке, началась задолго до кончины 23 июля 1999 г. короля Хасана II.

«В начале 90-х годов прошлого столетия под давлением международного общественного мнения и нового мирового порядка, менее благосклонного по отношению к безнаказанности диктаторов, Хасан II предпринял попытку сменить имидж режима. Он осторожно разжал деспотическое кольцо с тем, чтобы бесконфликтно гарантировать будущий переход власти к его сыну. Стареющий монарх был тонким стратегом, приведя в правительство тех, кто боролся против него в течение 40 лет, сопряженных с бесконечными заговорами. Долгое время ожидавшийся приход в правительство социалистов из партии Социалистический союз народных сил (ССНС) – наследников Бен Барки – стал синонимом большой надежды. Стало возможным свободно выражать свое мнение, свидетельство чему – заголовки газет того периода», – отмечал А. Амар /1/.

Он привел в пример еженедельник «Ле Журналь», соучредителем которого являлся и который не существует в настоящее время. «Мы стали детьми правительства

альтернативы (во главе с социалистом Абдеррахманом Юсуфи) и были воплощением энтузиазма того времени», – отмечал А. Амар. По его оценке, с приходом к власти короля Мохаммеда VI многое изменилось.

В данной работе предпринята попытка представить внутренние и внешние факторы, обусловившие относительную стабильность страны.

Говоря про первые, в ней показано, что король Мухаммед VI, столкнувшись с ростом протестных настроений, показал, что он в полной мере унаследовал многие достоинства своего отца короля Хасана II, в том числе главное из них – умение использовать в своих интересах политическую конъюнктуру.

Более того, он, как представляется, пошел на достаточно опасный эксперимент, подсказанный ему Хасаном II. Последний применительно к Алжиру начала 90-х годов прошлого столетия рекомендовал властям этой страны допустить к власти Исламский фронт спасения (ИФС) с тем, чтобы затем показать его несостоятельность в решении сложнейших социально-экономических проблем.

В Марокко Мухаммед VI не стал блокировать формальный приход к власти по итогам парламентских выборов 2011 г. исламистской Партии справедливости и развития (ПСР). Параллельно он ужесточил преследование радикальных сторонников исламизма.

В своей деятельности Мухаммед VI опирался на традиционную марокканскую элиту – махзен, который верой и правдой служит ему и трону. Именно махзен, по нашим оценкам, стал той закулисной силой, которая не позволила в Марокко развиваться ситуации по непредсказуемому сценарию.

Что касается внешних факторов, в работе показано, почему никому в мире не нужно нестабильное Марокко.

Книга охватывает более чем шестилетний период с января 2011 г. по июнь 2017 г.

ГЛАВА 1

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» В МАРОККО: ХРОНИКА СОБЫТИЙ

В Марокко в начале 2011 г. власти внимательно следили за тем, как развивались события в охваченных массовыми выступлениями населения Тунисе и Египте, и оперативно реагировали на них.

25 января 2011 г. министр информации Марокко Халид Насири заявил, что представляемое им правительство намерено и впредь поддерживать цены на продукты первой необходимости – хлеб, молоко, сахар и масло, а также на природный газ с тем, чтобы они оставались доступными для всех категорий населения. При этом он подчеркнул, что это намерение никоим образом не связано с событиями в Тунисе, где народные выступления начались именно на фоне повышения цен на товары первой необходимости.

В 2011 финансовом году марокканские власти намеревались израсходовать 17 млрд дирхамов (1,5 млрд евро) на поддержание относительно низких цен на указанные выше продукты первой необходимости. Однако, как отмечали эксперты, этой суммы могло оказаться недостаточно. Так, согласно Марокканскому центру конъюнктуры, правительство планировало в 2010 г. израсходовать на аналогичные цели 15 млрд дирхамов, а на деле потратило около 25 млрд.

Очевидно, что Рабат готовился к самому худшему развитию ситуации. Иначе как объяснить следующее: 30 января 2011 г. в МИД Марокко был вызван посол Испании в Рабате. Там ему был заявлен протест в связи с публикациями испанских СМИ, сообщивших о якобы

имевших место передислокациях боевых частей марокканской армии из сахарских провинций в районы Рабата и Касабланки с целью парирования угроз, связанных с возможными массовыми манифестациями в стране. По версии Рабата, эти публикации являлись «необоснованными измышлениями».

31 января со страниц испанской газеты «Эль Паис» в роли оракула выступил принц Мулай /1/ Хишам (двоюродный брат монарха, которого за периодическую критику дворца называют «Красный принц»). По его оценке, «пока Марокко не достигло того уровня социальной и политической напряженности», который привел к массовым выступлениям в Тунисе и Египте, однако «в будущем королевство может пойти вслед за ними».

Известно, что одной из движущих сил «жасминовой» революции в Тунисе были так называемые дипломированные безработные. Таких в этой некогда внешне вполне благополучной стране насчитывалось порядка 150 тысяч. В то же время известно, что ежегодно марокканские университеты выбрасывают на рынок труда 500 тысяч человек, и только 10% из них находят в первый год стабильную работу. Так что нетрудно заметить, какой могла быть «горючая масса» протестных выступлений в Марокко. Тем более, что речь шла не о каких-то люмпенах, а о людях, получивших пусть и обесцененное, но образование, к тому же хорошо знакомых с возможностями интернета и достаточно социально активных, поскольку в марокканских университетах исторически были сильны позиции левых и исламистов. Поэтому события не заставили себя долго ждать.

3 февраля 2011 г. группа молодых марокканцев призвала своих соотечественников через социальную сеть «Фейсбук» выйти 20 февраля на «мирную манифестацию» с требованиями проведения в стране «широкой политической реформы». «Мы призываем всех марокканцев выйти 20 февраля на манифестацию в защиту человеческого достоинства и за демократические реформы», – от-

мечалось в «платформе» этой группы, созданной через возможности «Фейсбук» и насчитывавшей, по их словам, 3,4 тыс. сторонников. В тексте содержались также требования проведения реформы конституции, отставки действующего правительства и роспуска парламента.

Реагируя на эти требования, названные «призывами, исходящими отсюда и оттуда», министр информации и официальный представитель правительства Х. Насири заявил, что «мы с огромным вниманием следим за ними». «Марокко уже давно следует необратимым путем демократии и открытости, – утверждал он на пресс-конференции. – Марокканцы могут выражать свое мнение свободно, главное, чтобы это происходило при полном уважении жизненных интересов страны». Понятно, что подразумевалось под последними в марокканских условиях (запрет на критику монарха, ислама и тезиса о марокканской принадлежности сахарских провинций – авт.) и что нашлось бы немало марокканцев, готовых возразить министру.

Одновременно власти воспользовались возможностями «Фейсбук» с тем, чтобы убедить пользователей не принимать участие в шествии, названном «манifestацией вандализма».

Кстати, следует рассказать про некоторые особенности марокканских дипломированных безработных. Уже многие годы, задолго до 2011 г., они практически ежедневно устраивали либо пикеты, либо массовые акции у здания Палаты представителей (нижняя палата марокканского парламента) в Рабате с одним требованием – получить доступ к теплым местам государственных чиновников и связанным с этими постами прочим благам. Другого применения они себе не видели.

Одновременно с пользователями «Фейсбук» выступило считающееся самым влиятельным среди исламистских организаций в Марокко движение «Аль-Адль валь-Ихсан» («Справедливость и благочестие»). Оно, приветствуя события в Тунисе и Египте, потребовало «срочных

демократических изменений» в Марокко. «Несправедливо, что основные богатства страны принадлежат меньшинству», – подчеркивали авторы заявления. При этом они не стали лишним раз напоминать, кто является одним из первых бизнесменов королевства.

3 февраля 2011 г. последовала и первая реакция официального Рабата на события в АРЕ. Как заявил Х. Насири, марокканское правительство убеждено в том, что Египет сможет «преодолеть текущие трудности» и «продолжить процесс демократизации». В этом заявлении, как в зеркале, отразилось то общее, что объединяло и объединяет большинство арабских стран, и не только их: каждая из них называет себя самой демократичной, но полагает, что другим такая демократизация не помешает. Именно в этом контексте прозвучало заявление Х. Насири от 24 февраля 2011 г., в котором выражалось «сожаление» в связи с «чрезмерным применением силы» в Ливии.

Уже 13 февраля, сразу после отказа Х. Мубарака от власти, Марокко приветствовало «очевидное обязательство» египетской армии обеспечить передачу власти «выбранным гражданским структурам».

Примерно в это же время вновь заговорил принц Мулай Хишам. По его оценке, «тунисский опыт не будет воспроизведен на 100% в других арабских странах». Что касается Марокко, то, по его оценке, и с ней отчасти можно было согласиться, «народный гнев не выбрал в качестве цели монархию». «Но молодежь, отчаявшаяся из-за отсутствия жизненных перспектив, политических игр без ее участия, произвола спецслужб и разгула коррупции, легко найдет мотивы для восстания, которое может быстро радикализироваться с учетом сложности страны», – полагал «Красный принц».

Похоже, что к такому же выводу пришли и во дворце. Там, как представляется, решили слегка ослабить «поводок». Полный анализ причин, способных толкнуть марокканцев на бунт, представил независимый еженедельник

«ТельКель». Таковых он насчитал по меньшей мере 10, поставив на первое место «абсолютную власть короля». По мнению еженедельника, найдется мало марокканцев, выступающих против монархии как таковой, но есть много тех, кто выступает за режим, при котором исполнительная власть была бы передана правительству, сформированному по итогам выборов, то есть за монарха, который царствует, но не правит. Пока что в существующих марокканских реалиях реализуется концепция «исполнительной монархии», при которой правительство и парламент являются лишь ее придатками. Как показали последовавшие события, похоже, Мухаммед VI не был намерен отказываться от своих прерогатив.

Среди других причин «ТельКель» назвал продворцовый характер подавляющего большинства политических партий, слабость экономики, во многом основанной на ренте, остроту социальных проблем, коррупцию и nepотизм, ограничения свободы прессы, нарушения прав человека.

10 февраля 2011 г. в своем репертуаре выступил представитель правительства Х. Насири. Он утверждал, что «уникальность» Марокко защищает страну от событий, похожих на те, что прошли в Тунисе и Египте. Это его выступление было как две капли воды похоже на аргументы представителей властей прошлых лет, утверждавших, что «радикальных исламистов в Марокко быть не может, потому что их не может быть». Тем не менее от имени правительства он пообещал сделать все возможное, чтобы ответить на социальные требования марокканцев.

Накануне 20 февраля с заявлениями выступили две партии, входившие в правительственную коалицию – ССНС и Народное движение (НД). Очевидно недовольные тем, что их среди прочих могут сделать «козлами отпущения», они указали на необходимость выработки четкого календаря политических реформ в Марокко.

20 февраля 2011 г. тысячи марокканцев в ряде городов страны вышли на улицы с требованиями политических

реформ, ограничивающих prerogative монарха. Большинство шествий были мирными. Тем не менее в нескольких городах они привели к столкновениям с полицией. В Эль-Хосейме погибли 5 человек. По официальным данным, все погибшие сгорели в отделении одного из банков, в которое они проникли в ходе беспорядков для ограбления. В столице шествие прошло без инцидентов под достаточно мирными лозунгами «Народ хочет изменений» и «Долой коррупцию». Общий результат «мирных» шествий по всей стране – были разграблены или сожжены 33 государственных здания, 24 банковских учреждения, 50 магазинов и 66 автомашин.

Надо отдать должное марокканским властям. Они все время стремились к тому, чтобы инициатива была у них. Уже 21 февраля выступил король Мухаммед VI, заявивший о своей «приверженности делу продолжения структурных реформ». Он подчеркнул, что его «высшей целью» является «обеспечение условий для достойной жизни всех марокканцев, и особенно – малоимущих, а также реализация всеобъемлющего развития, позволяющего создать продуктивные рабочие места для молодежи».

То, что было позволено 20 февраля, не было разрешено 21. В тот день марокканская полиция применила силу против группы молодых людей, попытавшихся организовать сидячую забастовку в центре Рабата.

Применительно не к Марокко стоит заметить, что с началом массовых протестных выступлений многие арабские правители – союзники США – пытались убедить Вашингтон прекратить поддерживать эти выступления. Так, 10 февраля 2011 г. посольство Саудовской Аравии в Рабате, где в тот момент находился на реабилитации после операции в США король Абдалла, было вынуждено резко опровергнуть слухи о кончине саудовского монарха. По версии некоторых электронных СМИ, она последовала в результате сердечного кризиса, ставшего следствием телефонного разговора на повышенных тонах с Барак Обама относительно событий в Египте.

Эти контакты привели к тому, что, испугавшись за будущее своих союзников на Ближнем Востоке, американская администрация решила изменить свою стратегию. С того времени США не сдавали, а поддерживали режимы своих давних союзников, одновременно требуя их согласия на проведение реформ институтов власти (именно это отказывались делать некоторые арабские правители). После февраля 2011 г. вместо того, чтобы призывать к уходу в отставку (как это было в случаях Египта и Туниса), американская администрация предлагала протестующим от Марокко до Омана сотрудничать с властями в деле продвижения реформ. Очевидно, что такое изменение позиции США произошло не без давления Израиля и Саудовской Аравии.

Как следствие – уже тогда представлялось, что Марокко ожидает достаточно спокойное будущее. Гарантией тому было сделанное 27 февраля 2011 г. в Рабате заявление помощника госсекретаря США по политическим делам Уильяма Бернса. По его оценке, Марокко являло собой «модель реформ и демократизации».

К тому же и марокканские власти спешили, чтобы не упустить инициативу. 9 марта 2011 г. король Марокко Мухаммед VI в первом обращении к нации после манифестаций 20 февраля объявил о предстоящем проведении важных демократических реформ, и в частности, увеличении полномочий премьер-министра и «расширении индивидуальных свобод». «Мы решили предпринять глобальную конституционную реформу», – сообщил монарх, подчеркнув его «твердое намерение придать сильный импульс динамике глубокого реформаторства».

Мухаммед VI назвал 7 направлений своих реформ, и в частности, признание берберской составляющей марокканского общества, становление «независимой» юстиции, предоставление больших прав регионам. Их конкретное содержание готовилось специальной комиссией, которую возглавил назначенец короля Абдельлатиф Менуни. Планировалось, что они будут объявлены в июне. До это-

го он должен был провести консультации с политическими партиями, профсоюзами и неправительственными организациями. Намечалось, что согласно новой конституции, премьер-министр больше не будет назначаться монархом. Его будет называть партия, победившая на парламентских выборах.

Предполагалось также, что основные направления реформы должны быть утверждены через несколько месяцев на референдуме.

В этой «революции сверху» каждый увидел то, что хотел увидеть. Продворцовые политики, включая руководство исламистской ПСР, заговорили о «революции» и даже отказе от абсолютной монархии. По оценке марокканского политолога Мухаммеда Дарифа, «это выступление порывает с исполнительной монархией». «Хотя оно не устанавливает режим парламентской монархии, оно предусматривает равновесную монархию с разделением власти между королем и правительством, сформированным на основе результатов парламентских выборов», – полагал он, вольно или невольно забывая, что тогда не было ясности относительно того, что будет с т.н. министрами суверенитета, то есть министрами, до тех пор назначавшимися монархом – МВД, МИД, юстиции, хабусов и по делам ислама.

Скептики же напомнили старую британскую поговорку: «дела говорят громче, чем слова». Так, Надия Ясин – дочь лидера исламистской организации «Справедливость и благочестие» Абдессаляма Ясина – заявила, что объявленные королем 9 марта реформы «недостаточны, так как они не ставят под сомнение абсолютный характер монархии».

В любом случае было понятно, что своим выступлением монарх попытался перехватить инициативу у марокканской «улицы» с тем, чтобы не допустить анархии.

Несмотря на выступление монарха, молодежные движения, организовавшие манифестации 20 февраля, назначили свои новые акции на 20 марта. Как и в первом

случае, роль организатора масс сыграла социальная сеть «Фейсбук». Один из организаторов сформировавшегося «Движения 20 февраля» 23-летний безработный из Сале Усама эль-Хлифи (он сразу же получил имя «Че (Гевара) из Сале») заранее объявил, что предстоящие шествия должны быть мирными. «Несколько ассоциаций, политических партий и профсоюзов поддерживают наше движение, которое является мирным и требует, в частности, принятия новой конституции», – заявил он 4 марта.

Появлению «Движения 20 февраля» во многом способствовало то, что марокканцы, прежде всего молодежь, были глубоко разочарованы неэффективностью традиционных политических партий и беспомощностью патронажа, оказавшихся в полной зависимости от дворца.

20 марта 2011 г. манифестации прошли в Рабате, Касабланке и ряде других городов королевства. В столице страны в шествии приняли участие до 6 тысяч человек. Манифестация проходила под лозунгами «Марокканцы требуют изменений», «Правительство – в отставку!». Среди участников шествия было заметно присутствие исламистов и активистов проберберских организаций. По официальным данным, всего по стране в акциях приняли участие до 35 тысяч человек. Организаторы шествий представили другие, более высокие данные. В ходе шествий не было зарегистрировано каких-либо происшествий.

В любом случае, инициированные монархом реформы, а также февральская и мартовская (2011 г.) манифестации создали новую динамику, которая могла подтолкнуть власти к приданию большей открытости марокканскому обществу. Однако этот процесс трудно сочетался с абсолютным характером «конституционной» монархии, которая вряд ли собиралась уступить свои прерогативы.

Тогда же было очевидно и намерение марокканской «улицы» – добиться трансформации монархии в парламентскую, при которой король царствует, не правя. Именно поэтому «Движение 20 февраля» сразу же заявило, что намерено продолжить практику массовых шествий

при том, что Марокко удалось избежать участи некоторых других арабских стран, где протестные движения привели к многочисленным жертвам.

Еще одним следствием мартовских событий стала быстрая радикализация берберского движения. Сразу после выступления монарха в экстренном порядке в Агадире собрались представители 46 проберберских общественных организаций. Они отвергли действовавшую Консультативную комиссию по регионализации и ее участников, заранее отвергли новую конституцию, если она не учтет требований берберов. Их первым требованием было признание в новой конституции берберского языка в качестве официального.

Несмотря на усилия властей по нейтрализации «Движения 20 февраля», последнее 13 апреля 2011 г. призвало марокканцев через социальную сеть «Фейсбук» выйти на мирные манифестации 24 апреля во всех городах страны. Это мероприятие стало третьим по счету из числа организованных движением с требованием проведения политической и конституционной реформ. Предыдущие манифестации прошли в марокканских городах 20 февраля и 20 марта. Среди требований участников этих акций было, в частности, ограничение власти монарха.

24 апреля 2011 г. несколько десятков тысяч марокканцев вышли на улицы ряда городов страны для того, чтобы потребовать большей свободы и социальной справедливости. По данным организаторов акции в Касабланке, им удалось вывести на улицы экономической столицы страны до 20 тысяч человек. Повсеместно одним из требований участников шествий было ограничение власти монарха.

Как уже упоминалось, «Аль-Адль валь-Ихсан» использовало «Движение 20 февраля» для того, чтобы вновь громко заявить о себе. Подобная ситуация, предсказали марокканские политологи, неминуемо должна была привести к конфликту между исламистами и левыми внутри «Движения 20 февраля», что было бы на руку

властям и в перспективе способствовало бы стабилизации ситуации в стране.

27 апреля марокканские власти предприняли еще один шаг, направленный на ослабление социальной базы протестного движения. В Рабате было объявлено об увеличении «чистых» зарплат чиновников начиная с 1 мая на 600 дирхамов (50 евро). Эта мера больше всего затронула многотысячную армию мелких чиновников, имевших жалование примерно в 200 евро в месяц. Кроме того, правительство и профобъединения договорились об увеличении минимального размера пенсии отставных чиновников с 600 до 1 тыс. дирхамов (примерно 90 евро).

Ранее, еще 14 апреля, монарх принял решение освободить из тюрем большую группу политзаключенных, в том числе исламистов и сторонников независимости сахарских провинций. Мухаммед VI помиловал около 190 человек, в том числе 6 исламистов, считавшихся «умеренными». Среди них был, в частности, Мустафа Моатассим, лидер партии «Аль-Бадиль аль-Хадари» («Цивилизационная альтернатива»), распущенной решением властей в феврале 2008 г. Эти политики были осуждены по делу Абделькадера Беллираджа – бельгийца марокканского происхождения, обвиненного в том, что он возглавлял террористическую группу, готовившую теракты на территории королевства. Последний в июле 2010 г. был осужден на пожизненное заключение.

Среди освобожденных был, в частности, один из лидеров экстремистской организации «Ас-Салафия аль-Джихадия» Мухаммед Физази. Он тут же умудрился вступить в идеологическую схватку с левым крылом в «Движении 20 февраля», призвав это движение «освободиться от атеистов». Ранее Физази провел 8 лет в тюрьме. Как отметил представитель руководства «Движения 20 февраля» Наджиб Шауки, «заявление Физази направлено на раскол нашей организации, все это позволяет предполагать наличие некоего пакта между властями и «Ас-Салафией».

Тем временем в Марокко продолжились протестные выступления молодежи. В воскресенье 8 мая 2011 г. примерно 5 тысяч человек вышли по призыву «Движения 20 февраля» на улицы Марракеша. Участники акции протестовали против теракта, произошедшего 28 апреля в этом городе, а также требовали скорейшего осуществления политических реформ, обещанных королем Мухаммедом VI. Шествие проходило под лозунгами «Нет – терроризму!», «Король должен властвовать, но не править», «За новую конституцию», «Нет – коррупции». Ряд лозунгов касался самых близких к монарху людей – его личного секретаря Мунира Маджиди и считающегося близким другом короля еще по совместной учебе в королевском колледже Фуада Али аль-Химмы. На огромном плакате под фотографиями этих людей было написано: «Откажитесь от денег и политики».

Несколько дней спустя ко всеобщему удивлению Фуад Али аль-Химма фактически исчез из политической жизни. Про него говорили, что либо он находился с частной поездкой в США, либо он скрылся в марокканской глубинке у себя на родине в Рамне. Все расставил на свои места сам аль-Химма, направив письмо в руководящие структуры созданной им незадолго до этого дворцовой «Партии истинность и модернизм» (ПИМ). В нем он попросил о своей отставке со всех постов в этой партии. Как отметил в этой связи марокканский еженедельник «ТельКель», письмо аль-Химмы стало «началом тотального отступления этой партии», которой прочили победу на предстоявших выборах.

Здесь стоит напомнить, что созданная сразу после выборов 2007 г. бывшим министром-делегатом при МВД ПИМ, благодаря близости аль-Химмы к монарху мгновенно стала первой политической силой в Марокко и фактически монополизировала политическую жизнь в стране. По мнению «ТельКель», отставка аль-Химмы могла быть фатальной для его партии, роспуска которой требовало «Движение 20 февраля».

11 мая 2011 г. «Движение 20 февраля» призвало своих сторонников собраться 15 мая в Темаре (городок рядом с Рабатом), где, согласно утверждениям правозащитников, якобы находился некий тайный центр заключения. В нем, согласно правозащитникам, якобы содержались противники режима, в частности исламисты. 15 мая на призыв «Движения 20 февраля» откликнулись несколько сотен человек, однако их попытка собраться в Темаре была жестко пресечена марокканскими спецслужбами. В результате применения силы ранения получили до 10 участников акции. Власти со своей стороны заявили, что организаторы этой акции не получили разрешения на ее проведение.

В тот же день полиция применила силу для разгона еще одной манифестации, которую попытались устроить у здания парламента в Рабате исламисты.

Уже 18 мая королевский прокурор при суде присяжных Рабата Хасан Эддаки посетил штаб-квартиру марокканской службы безопасности Direction de la surveillance du territoire (DST – контрразведка, занимающаяся также вопросами борьбы с терроризмом) в Темаре. После этого визита, осуществленного по указанию министра юстиции, он заверил, что там нет никакого тайного центра заключения. Понятно, что ничего иного от него ждать и не приходилось, равно как и от состоявшегося примерно в те же дни посещения штаб-квартиры DST делегацией официального Национального совета по правам человека (НСПЧ). Независимые организации не приглашались в Темару.

Применение силы против участников манифестаций в ряде городов страны повторилось 22 и 29 мая, что вынудило Еврокомиссию выразить «озабоченность» по этому поводу. За несколько дней до этого Евросоюз послал достаточно сильный сигнал Марокко, объявив, что марокканские власти могут рассчитывать на финансовую помощь при условии, если они будут способствовать созданию «прочной демократии и экономики, нацеленной на решение социальных задач».

Действия полиции вызвали у участников «Движения 20 февраля» опасения в том, что власти после продолжительных колебаний приняли решение подавлять протестные выступления силой. Как утверждал близкий к движению экономист Фуад Абдельмумни, «такое непропорциональное применение силы против молодежи, как представляется, показывает, что объявления о реформах, сделанные недавно официальными марокканскими лицами, вряд ли материализуются». «Использование репрессивного аппарата против мирного движения молодежи в очередной раз показывает, что Марокко не является исключением среди других арабских режимов», – утверждал он.

Марокканские власти тогда действительно выбрали жесткость как средство недопущения анархии в стране. С учетом исторически сложного характера отношений в Марокко между Центром и регионами представлялось, что это был единственный выбор, имевшийся в арсенале властей.

Со своей стороны министр информации Х. Насири заявил, что «марокканское правительство ничего не имеет против «Движения 20 февраля», однако мы утверждаем, что его участники манипулируют исламистами и крайне левыми».

Тем временем осталось меньше месяца до того срока, когда консультационная комиссия, назначенная королем, должна была представить монарху предложения относительно объявленной Мухаммедом VI конституционной реформы. Ожидалось, что текст нового основного закона будет представлен на одобрение марокканцев путем референдума, проведение которого планировалось на июль 2011 г. Однако, считали скептики, новая конституция вряд ли ограничит существенным образом властные полномочия короля. Поскольку в октябре ожидалось досрочные парламентские выборы, в мае, похоже, дворец решал сложную задачу со многими неизвестными: на кого ставить на этих выборах с учетом того, что продворцовая ПИМ была отвергнута многими марокканцами.

Июнь 2011 г. прошел в Марокко под знаком подготовки к назначенному на 1 июля референдуму по проекту новой конституции страны. Основные положения этого документа, подготовленного специальной комиссией и вынесенного королем Мухаммедом VI на обсуждение, были изложены монархом в обращении к нации 17 июня.

Относительно прерогатив монарха проект новой конституции сохранял за ним статус верховного предводителя верующих. Король назначал премьер-министра и по предложениям последнего – других членов кабинета. Он имел право отправить членов кабинета в отставку. Монарх руководил работой Совета министров, являлся верховным главнокомандующим вооруженных сил, определял внешнюю политику страны. Он имел право распустить обе палаты парламента, руководил Высшим советом судей и производил назначения в судебном корпусе.

Простое перечисление основных прерогатив короля, которыми он будет обладать по новой конституции, показывало, что т.н. конституционная реформа никоим образом не меняла абсолютный характер монархии, чего добивалась часть оппозиции, участвовавшая в «Движении 20 февраля». Да, новая конституция расширяла полномочия премьер-министра (он будет представлять партию, победившую на парламентских выборах) и парламента, но ровно настолько, чтобы никоим образом не нарушить прерогативы монарха – его религиозный статус и роль главы государства.

Даже изменение редакции статьи 46 не повлияло на статус монарха: если раньше в ней определялся как «священный» характер личности короля, то теперь в конституции предполагалось записать, что «целостность личности короля не может быть нарушена». Таким образом, не оправдались ожидания тех, кто полагали, что в ответ на массовое протестное движение, возникшее в Марокко на фоне «революций» в других арабских странах, Мухаммед VI сделает хотя бы шаг в сторону реальной конституционной монархии. Да и как могло быть иначе?

Ведь комиссию, которая занималась подготовкой предложений по конституционной реформе, назначал опять-таки монарх.

Действительно новым в конституции стало то, что отныне берберский язык амазиг будет считаться наравне с арабским официальным языком. Подобного статуса у берберского языка нет в других странах Магриба, где имеется берберское население.

Новая конституция предусматривала создание Высшего совета безопасности (ВСБ), председателем которого будет монарх. Новая структура займется ведением дел, связанных с «вопросами внутренней и внешней безопасности».

Главными критиками проекта новой конституции были три левые партии – Объединенная социалистическая партия (ОСП), Партия демократического и социалистического авангарда (ПДСА), партия «Демократический путь» (ПДП), а также «Движение 20 февраля». 28 июня они объявили о создании коалиции, главное требование которой выразил лозунг: «Парламентская монархия – сейчас!». К ней присоединились две распущенные ранее исламистские партии.

Проект основного закона поначалу не понравился и исламистам из ПСР. 13 июня генсек ПСР Абдельилла Бенкиран заявил, что его сторонники проголосуют против новой конституции, если она будет предусматривать свободу вероисповедания. Это положение, по его мнению, нанесло бы значительный ущерб «исламской идентичности Марокко». Как было записано в проекте новой конституции, «ислам остается государственной религией, но свобода вероисповедания гарантирована в рамках закона при условии, что не наносится ущерба общественному порядку». В итоге ПСР, как и другие продворцовые партии, рекомендовала своим сторонникам сказать «да» на референдуме.

В июне, несмотря на политическую суету перед референдумом и запрет властей на проведение массовых

шествий, «Движение 20 февраля» продолжило свои акции. Одна из них состоялась 5 июня, когда несколько тысяч молодых марокканцев вышли на улицы в нескольких городах страны. Главным их требованием было ограничение власти монарха, который «должен царствовать, но не править». В Касабланке в шествии приняли активное участие сторонники исламистского движения «Аль-Адль валь-Ихсан». Тогда обошлось без силового вмешательства полиции, как это было 15, 22 и 29 мая. Возможно, на власти подействовала критика Евросоюза, которому не понравилось применение силы в мае.

Иначе получилось 26 июня, когда участники манифестаций протестовали против положений проекта новой конституции, спущенной сверху и явно не удовлетворившей чаяний активистов «Движения 20 февраля». Принявшие участие в акции в Рабате примерно 2,5 тысяч человек скандировали лозунги «Нет – конституции, сделанной для рабов!», «Мы отвергаем конституцию, сделанную махзенем», «Мы не будем голосовать за эту конституцию!». В столице подразделения Вспомогательных сил не позволили участникам акции пройти к парламенту и в течение двух часов блокировали их в районе медины (старая торговая часть города). В тот день манифестации под аналогичными лозунгами прошли и в других городах королевства. Параллельно, и судя по всему, не без ведома властей, проводились манифестации сторонников новой конституции.

В новых политических условиях, связанных с появлением «Движения 20 февраля», поразительную способность к приспособляемости продемонстрировало исламистское движение «Аль-Адль валь-Ихсан». 8 июня дочь лидера движения А. Ясина – Надия Ясин заявила, что эта организация отказывается от идеи установления в Марокко исламского государства. «Можно сказать определенно точно, что движение «Аль-Адль валь-Ихсан» не призывает к созданию исламского государства. Оно считает более приемлемым гражданское государство, – за-

явила она. – Мы заявляем об этом со всей ясностью впервые, поскольку существующий контекст, в частности, подъем «Движения 20 февраля», потребовал этого» /2/.

Судя по всему, составлявшие вместе с «Аль-Адль валь-Ихсан» основу «Движения 20 февраля» левые партии предложили исламистам более четко определить их идеологические позиции для того, чтобы и дальше идти вместе.

Тем временем 9 июня суд 1-й инстанции Касабланки приговорил директора арабоязычной газеты «Аль-Маса» Рашида Нини к одному году тюрьмы по обвинению в «дезинформации». До этого Р. Нини уже провел в тюрьме 43 дня после того, как опубликовал несколько статей, в которых критиковал службу марокканской контрразведки DST и призывал поставить ее под контроль парламента. Вынося вердикт, суд частично отклонил требование прокуратуры, пытавшейся добиться запрета для Нини заниматься журналистикой. Еще до завершения процесса немедленного освобождения Р. Нини безуспешно добивалась международная организация «Репортеры без границ».

Газета «Аль-Маса» – одна из самых читаемых в Марокко. Ее ежедневный тираж превышает 113 тысяч экземпляров.

Еще до 1 июля представлялось, что проведение референдума ничего не изменит в Марокко, поскольку новая конституция в целом сохраняла старые правила игры, в которой все решал только один человек. Это означало, что «Движение 20 февраля» попытается продолжить свои массовые акции. В этой связи у властей будет два выбора – либо попытаться расколоть это движение, либо подавить его силой. Первый вариант по понятным причинам являлся для властей более предпочтительным, тем более что «Движение 20 февраля» было далеко не однородным.

1 июля 2011 г. в Марокко прошел референдум по новой конституции страны. Его результат – 98% «за» при показателе участия от 57 до 64% в зависимости от регио-

нов – был заранее очевиден: трудно было бы найти тех, кто выступил бы против демократических изменений, равно как изначально было понятно, что речь шла лишь о ремонте фасада здания монархии, причем даже не капитальном. И этот ремонт никак не мог устроить «Движение 20 февраля», первоначально объединившее в своих рядах исламистов и молодежь левых взглядов. Оно, равно как и три левые партии, рекомендовало своим сторонникам бойкотировать референдум – первый за время правления Мухаммеда VI.

«Движение 20 февраля», утверждавшее, что насчитывало свыше 60 тысяч сторонников, тут же опротестовало объявленные результаты референдума, назвав их подтасованными.

Его поддержала Марокканская ассоциация по правам человека (МАПЧ), которая обвинила власти в использовании религии и СМИ для того, чтобы получить необходимый результат. «Использование мечетей и религиозных братств, доминирование государства в СМИ в ходе предвыборной кампании представляют собой своего рода дискриминацию, усугубленную незаконным использованием государственных средств», – отмечалось, в частности, в докладе организации.

Несмотря на безоговорочное «да» инициированной монархом новой конституции, «Движение 20 февраля» уже 3 июля вывело тысячи своих сторонников на улицы основных городов Марокко. Их требованием было проведение более глубоких преобразований по сравнению с теми, которые предусматривала новая конституция, и в частности, установление режима парламентской монархии типа испанской. Наиболее крупные группы участников мирных манифестаций представляли исламистскую организацию «Аль-Адль валь-Ихсан». Это обстоятельство предопределило будущее «Движения 20 февраля», вернее отсутствие такового, поскольку мирное сосуществование в нем исламистов и левых могло взорваться в любой момент.

Манифестации вновь повторились 10 и 17 июля. Причем с каждым новым воскресеньем все более многочисленными становились контрманифестации, судя по всему, организованные властями. Если поначалу они собирали до нескольких десятков человек, 17 июля в Рабате число участников продворцовой контрманифестации было соизмеримым с числом тех, кто откликнулся на призыв «Движения 20 февраля». Проведение контрманифестаций, как представляется, позволяло властям в случае необходимости нейтрализовать протестное движение, не прибегая при этом к использованию силовых структур, что немедленно осудили бы на Западе, как это было в Тунисе, Ливии и Египте.

Представляется уместным привести здесь слова о новой конституции тех, кто представлял основных критиков референдума. Они выступили с соответствующими заявлениями со страниц еженедельника «ТельКель».

Набиля Муниб, преподаватель биологии, генеральный секретарь касабланкской секции Национального профсоюза преподавателей высших учебных заведений, член Генерального секретариата ОСП: «Нашим основным требованием было принять демократическую конституцию, соответствующую нормам международно признанной парламентской монархии. Марокканцы – умные люди, и мы полагаем, что они достойны такой системы правления. Однако эта новая конституция не является демократической. И прежде всего – по процедуре ее разработки, а затем – по ее содержанию. Монархия остается всеобъемлющей. Король остается руководителем всех исполнительных структур и прежде всего – Совета министров. Да, определенные прерогативы переданы главе правительства, но разделение полномочий далеко от равновесия. Нет реального разделения властей. В качестве резюме – король остается над конституцией».

Карим Тази – успешный бизнесмен, поддерживавший «Движение 20 февраля»: «Это – конституция переходного периода, и нам придется пройти через несколько уровней

переходного периода, прежде чем мы придем к настоящей демократии. Я всегда говорил и буду говорить, что демократия не предоставляется (как это было в случае новой марокканской конституции), а побеждает. Если бы на улицы вышли миллионы, мы бы достигли большего. Но мы мобилизовали только 300 тысяч человек и получили соответствующий результат. Невозможно построить демократию без ее сторонников» /3/.

Уже 30 июля король Марокко Мухаммед VI по случаю 12-й годовщины его интронизации выступил с обращением к нации, в котором высказался за скорейшее проведение парламентских выборов в стране, после которых пост премьер-министра займет представитель победившей партии, а также за открытие марокканско-алжирской границы и нормализацию отношений с АНДР. Монарх не назвал точной даты проведения парламентских выборов. Ее в то время обсуждали глава МВД страны и представители основных политических партий.

«Мандат действующего состава Палаты представителей истекает в конце 2012 г., и ни одно положение новой конституции не заставляет нас прибегать к досрочным выборам, – тут же прокомментировал выступление монарха Саадэддин Османи – депутат парламента и член руководства исламистской оппозиционной ПСР. – Самое главное – не приготовить быстро выборы. Необходимо хорошо их подготовить. МВД предложило нам октябрь с.г., но мы отказались от этого предложения. Мы полагаем, что март 2012 г. был бы более лучшей датой».

Отвечая на массовые мирные манифестации, каждое воскресенье организовывавшиеся «Движением 20 февраля», Мухаммед VI призвал политические партии «удвоить усилия с тем, чтобы содействовать примирению марокканцев, особенно молодежи, с политическим действием». Окружение монарха, по всей видимости, не доложило ему, что традиционные политические партии, включая «оппозиционные», давно заражены вирусом

конформизма и не имеют поддержки в массах. Поэтому они вряд ли решили бы поставленную им задачу.

Что касается предложения монарха открыть марокканско-алжирскую границу и нормализовать отношения с Алжиром, то оно представлялось вряд ли реалистичным до тех пор, пока существует сахарская проблема, по которой ни одна из сторон не готова идти на какие-либо уступки. И, похоже, в какой-то степени была права алжирская газета «Либерте», утверждавшая, что «вопрос открытия границ рассматривается (Работом) как один из рецептов преодоления социально-экономических трудностей Марокко» /4/.

В любом случае за предшествовавшие месяцы наметились признаки определенного потепления в отношениях между двумя странами. Стороны обменялись визитами на министерском уровне, было подписано несколько соглашений в сфере экономики. По мнению ряда экспертов, некоторая разрядка в отношениях между Работом и Алжиром стала одним из следствий «арабской весны», заставившей руководство двух стран больше внимания обратить на решение социально-экономических проблем.

В целом главная интрига лета 2011 г. для Марокко заключалась в ответе на вопрос: к чему придет «Движение 20 февраля», рожденное на волне протестных движений в других арабских странах? Не приведет ли оно к такому росту влияния исламистов, при котором власти ради собственного выживания пойдут на альянс с ними? В любом случае можно было предположить, что это приведет к распаду «Движения», поскольку входившая в него молодежь защищала прежде всего принципы атеизма и свободы, в то время как исламисты не собирались отказываться от требования создания исламского государства. С другой стороны, участники движения продолжали требовать проведения реформ в направлении парламентской монархии, но они все чаще сталкивались с теми, кто поддержал реформу конституции.

В августе 2011 г. начал складываться альянс из партий, которые условно можно назвать центристскими и

главной характеристикой которых являлась близость ко дворцу. Это – Национальное объединение независимых (НОН), Конституционный союз (КС), Народное движение (НД), Партия истинность и модернизм (ПИМ). Первой их совместной акцией стало решение координировать позиции относительно проектов законов, находившихся на рассмотрении Палаты представителей. Не было никаких сомнений, что этот альянс складывался перед предстоящими парламентскими выборами.

Альянсу центристов на выборах должны были противостоять два других блока. Первый из них вырисовывался как альянс левых партий, не входивших в традиционный блок Кутла, второй – блок в составе национал-консервативной Партии Истикляль (ПИ), близкой к ней по многим позициям исламистской ПСР, а также двух традиционных левых участников Кутлы – ССНС и Партии прогресса и социализма (ППС). Что касается двух последних партий, то с их участием в таком альянсе все было не так просто, поскольку в них были и есть силы (прежде всего молодежь), выступавшие против альянса с исламистами.

14 августа 2011 г. в Марокко было объявлено, что досрочные парламентские выборы пройдут в королевстве 11 ноября, или в один из дней, близких к этой дате. Дата была названа после продолжительной по времени встречи с участием главы МВД Марокко Тайеба Шеркауи и представителей примерно 20 политических партий, как входивших в правительственную коалицию, так и оппозиционных. Возможный перенос выборов на несколько дней в ту или другую сторону был связан с близостью 11 ноября к мусульманскому празднику жертвоприношения Ид аль-Адха, который предполагалось отмечать в Марокко в середине ноября.

Точная дата проведения парламентских выборов была сообщена 16 августа. В тот день было объявлено, что голосование пройдет 25 ноября. Предполагалось, что эта дата будет утверждена затем правительственным декретом.

Предыдущие парламентские выборы в Марокко прошли в сентябре 2007 г. Очередные выборы ожидалась осенью 2012 г., однако они были заменены досрочными после того, как на референдуме 1 июля марокканцы проголосовали за принятие новой конституции.

В преддверии выборов в августе начались заметные подвижки на марокканской политической арене. Так, было объявлено о рождении новой, нетипичной для Марокко политической партии, получившей название Коалиция за родину (КЗР). Она была призвана представлять в королевстве «интересы 5 млн марокканцев, живущих и работающих за границей и имеющих двойное гражданство». Основателями КЗР выступили 150 марокканцев, проживавших «в 23 странах пяти континентов».

Сразу было объявлено, что КЗР не примет участия в предстоящих парламентских выборах, так как ее программа, которая тогда находилась в стадии разработки, будет объявлена через 4 месяца. «В программе КЗР особое внимание будет уделено развитию сельского хозяйства, системы образования, борьбе с неграмотностью, совершенствованию системы здравоохранения», – заявил для газеты «Экономист» один из основателей партии Халед Яхьяуи. Он утверждал, что по своему характеру КЗР будет центристской партией /5/.

На фоне событий в Марокко Рабат в августе 2011 г. в очередной раз подтвердил приверженность следованию курсу в фарватере американской политики в регионе.

10 августа 2011 г. Марокко обозначило свою позицию относительно происходившего в Сирии, заявив, что оно «глубоко озабочено» в связи с актами насилия в этой стране. Королевство призвало «все заинтересованные стороны проявлять сдержанность и мудрость». «Королевство Марокко, традиционной позицией которого был принцип невмешательства во внутренние дела других стран, сегодня выражает свою сильную тревогу и глубокую озабоченность в связи с трагическими событиями, которые потрясают Сирию и приводят к многочисленным

жертвам, в частности, среди гражданского населения», – отмечалось в коммюнике МИД страны. В нем выражалась надежда, что «братский сирийский народ сможет найти конкретный выход из сложившейся ситуации, который будет отвечать его законным требованиям демократии». Тем самым Рабат фактически встал на сторону ряда западных столиц, добивавшихся устранения от власти в Дамаске Башара Асада.

Что касается Ливии, то следуя той же логике, 22 августа 2011 г. Марокко признало ливийский Переходный национальный совет (ПНС) в качестве «единственного и законного представителя» ливийского народа. Уже на следующий день в Бенгази побывал глава МИД Марокко, который передал послание короля Мухаммеда VI главе ПНС. Таким образом, Марокко стало первой страной Магриба, установившей контакты с ПНС на высоком уровне.

После временного затишья протестное «Движение 20 февраля» 11 и 25 сентября вновь попыталось вывести своих сторонников на мирные манифестации в основных городах страны с тем, чтобы высказать свое несогласие с недостаточной, на взгляд его сторонников, глубиной политических реформ, затеянных королем Мухаммедом VI под влиянием «арабской весны». В обоих случаях организаторы акций не смогли набрать заявленные «десятки тысяч» человек: в одних городах в манифестациях приняли участие несколько тысяч, в других – несколько сотен демонстрантов.

Заметное сокращение числа участников таких манифестаций во многом стало следствием того, что изначально «Движение 20 февраля» оказалось слишком разнородным. Это понятно, поскольку у исламистов и молодежи левых взглядов (эти две большие группы были самыми активными в протестном движении) по большому счету мало общего, за исключением лозунгов против деспотизма и коррупции. Наиболее очевидным образом противоречия между «братьями» и «товарищами» прояви-

лись в Марракеше, где манифестация 11 сентября была отменена ее организаторами.

Еще один пункт, по которому разошлись исламисты и некоторые левые, – отношение к предстоящим 25 ноября парламентским выборам. Их намеревались бойкотировать исламистское движение «Аль-Адль валь-Ихсан» и левацкая «Ан-Нахдж ад-димокраси». В то же время другие левые партии из числа не относящихся к «традиционным» не сразу приняли подобное решение. Так, лишь 19 сентября к «отказникам» присоединилась левая ОСП, заявившая, что предстоящие выборы «не укрепят демократическую логику» в Марокко. ОСП, располагавшая пятью местами в Палате представителей, впервые приняла подобное решение. До нее аналогичные решения приняли левые ПДСА и партия Демократический путь (ДП).

Что касается марокканских властей, то они обвинили исламистов из «Аль-Адль» в том, что те якобы «манипулировали» молодежью из «Движения 20 февраля». Более того, они проявляли явные признаки озабоченности в связи с заметной радикализацией участников выступлений – в Танжере, например, дело дошло до выдвижения требований свержения существующего режима.

К тому времени относительно новым явлением для марокканских городов стал расцвет стихийной уличной торговли с переносных лотков. Власти с учетом веяний, связанных с «арабской весной», были вынуждены терпимо относиться к этому феномену: память о тунисском уличном торговце, прибегнувшем к самосожжению и спровоцировавшем таким образом «жасминовую революцию», еще была крепка в умах властей в арабских странах. В то же время это явление вызывало оправданный зубовой скрежет у владельцев «легальных» лавок и магазинов, поскольку реально подрывало их торговлю.

Что касается «традиционных» левых партий – ССНС и ППС, то они вместе с тремя примкнувшими к ним партиями левого толка в преддверии выборов сформировали избирательный блок. В него кроме указанных выше двух

партий вошли Фронт демократических сил (ФДС), Социалистическая партия (СП) и Марокканская партия левых зеленых (МПЛЗ). Последняя появилась лишь в 2010 г. Об образовании такого блока его участники объявили в совместном коммюнике, распространенном 5 сентября. Главным отличием участников левого блока от левых «отказников» являлось то, что первые приняли новую конституцию страны, одобренную марокканцами на недавнем референдуме, в то время как вторые посчитали ее недостаточной.

В преддверии парламентских выборов в октябре продолжился процесс формирования предвыборных альянсов. Один из них начал складываться еще в августе из партий, которые условно можно назвать центристскими или либеральными. Это – НОН, КС, НД и ПИМ. 5 октября «четверка» стала «восьмеркой» – к центристам присоединились три левые партии (Партия зеленых левых, Рабочая партия, Социалистическая партия), а также Партия возрождения и добродетели. Примечательно, что часть марокканских левых впервые пошла на альянс с либералами. Считалось, что этот альянс обречен на победу в предстоявших выборах, а значит, именно представители этих партий могли составить основу будущего правительства страны.

Другой традиционный альянс – Кутла, в составе которого находились две «традиционные» левые партии – ССНС и ППС и национал-консервативная ПИ, перед лицом серьезного соперника в виде «восьмерки» стал подумывать о блокировании с исламистами из ПСР.

Формирование предвыборных альянсов не мешало представителям НОН, НД, ССНС и ППС работать в составе действовавшего правительства.

Между тем 11 октября движение «Аль-Адль валь-Ихсан» призвало марокканцев бойкотировать выборы. «Мы призываем марокканцев бойкотировать этот процесс, основанный на лжи и иллюзиях, – отмечалось, в частности, в коммюнике этой не разрешенной властями

ми, но терпимой ими организации. – Мы призываем политическую элиту, интеллектуалов и экономистов примкнуть к «Движению 20 февраля», ставшему народным движением».

Однако к тому времени ситуация изменилась. «Движение 20 февраля», где основные роли играли исламисты и левые, перестало собирать большие массы людей на свои мероприятия. Его очевидная слабость – разные цели, которые преследовали исламисты и левые. Именно поэтому оно не получило заметной поддержки от среднего и рабочего классов. Тем не менее оно регулярно проводило свои акции в больших городах страны, а его активисты критиковали абсолютный характер монархии, указывая, что их демократические чаяния остались нереализованными.

В октябре Палата представителей приняла закон, согласно которому на предстоявших выборах единственным документом, подтверждающим личность избирателя, будет удостоверение личности. Таким образом, упразднилось т.н. удостоверение избирателя, по которому голосование осуществлялось на предыдущих выборах и которое каждый избиратель должен был получить в местных избирательных комиссиях. Считалось, что ранее существовавшая практика способствовала такому явлению, которое в Марокко получило название «покупка голосов». Исламисты из ПСР сразу же заявили, что это было сделано по их требованию. Тем не менее, заметили они, осталась процедура записи в списки избирателей, которая, по их оценке, оставалась более сложной, нежели само голосование.

Операция по обновлению списков избирателей стартовала 28 сентября. Перед предыдущими выборами в этих списках значились около 13 млн человек.

В условиях относительности самих выборов, особенно в странах с сильной персонифицированной властью (понятно, что это касается не только Марокко), предстоявшие выборы вряд ли что-то могли изменить кардинально. Вне зависимости от того, кто победил бы на них – «восьмерка», Кутла или ПСР, – никто из них не собирался

покушаться на основу марокканской государственной власти – монархию – в том виде, в котором она сложилась исторически.

25 ноября 2011 г. в королевстве прошли досрочные парламентские выборы. Победу на них одержала исламистская ПСР, ранее имевшая 47 мест в Палате представителей. По итогам выборов ПСР получила 107 мандатов из 395, намного опередив занявшую второе место ПИ – 60 мандатов. Уже 29 ноября король Марокко Мухаммед VI назначил нового премьер-министра страны. Им стал лидер ПСР А. Бенкиран.

Как в ноябре 2011 г. Марокко шло к победе исламистов на выборах?

12 ноября в Марокко стартовала избирательная кампания. Она проходила на сложном региональном фоне – менее чем через месяц после победы на парламентских выборах 23 октября в Тунисе исламистской партии «Ан-Нахда» и всего за несколько дней до 1-го тура парламентских выборов в Египте, победу в которых заранее отдавали исламистскому движению «Братья-мусульмане».

Основным соперником ПСР считался блок восьми партий во главе с либеральным НОН. Протестное «Движение 20 февраля», состоявшее на тот момент из кибер-молодежи, крайне левых и исламистов-фундаменталистов, равно как и три левые партии, не относившиеся к традиционным продворцовым, призвали к бойкоту выборов.

Определенной интригой выборов был показатель участия в них марокканцев. Как известно, на парламентских выборах 2007 г. он был достаточно низким – всего 37%, что продемонстрировало безучастность большинства марокканцев к выборному действию. При общей численности населения страны в 35 млн человек в списки избирателей были включены около 13 млн марокканцев, из которых 57% – моложе 35 лет. По итогам выборов оказалось, что на избирательные участки пришли 45,4% марокканцев.

Заметным событием по итогам голосования стало то, что исламисты впервые победили в избирательных окру-

гах, находящихся в сахарских провинциях. Ранее за них традиционно голосовала преимущественно беднота крупных городов.

Судя по всему, победа ПСР оказалась достаточно неожиданной для близкой ко дворцу традиционной политической элиты Марокко. Так, министр информации в прежнем правительстве Марокко и член ППС Х. Насири накануне голосования в ответ на вопрос – возможна ли победа исламистов на выборах – сказал: «Нет. Марокко – не Тунис. У нас нет опасности (победы) исламистов. Тунис только что начал жить в условиях политического плюрализма, который уже давно существует в Марокко» /6/. По его оценке, партия-победитель выборов не наберет больше 16 – 18% голосов. Итоги выборов показали, насколько экс-министр и другие ошибались.

Международные наблюдатели дали в целом положительную оценку прошедших в Марокко выборов. Тем не менее они потребовали от властей провести расследование случаев оказания «давления на лиц, которые призвали бойкотировать голосование». Под этими лицами, судя по всему, подразумевались активисты «Движения 20 февраля», требовавшего проведения в стране реальных политических реформ путем трансформации монархии по типу испанской. По данным правозащитных организаций, с 20 октября власти задержали около 100 активистов движения, занимавшихся расклейкой призывов к бойкоту голосования. «Движение 20 февраля» организовало 27 ноября манифестации в ряде городов страны, участники которых поставили под сомнение официальные данные о показателе участия населения в выборах. Движение не смогло собрать много марокканцев на эти манифестации, и это объяснимо. Как считал марокканский экономист Фуад Абдельмумни, «люди боятся этого движения, поскольку одну его половину составляют фанатики-исламисты, вторую половину – фанатики-коммунисты». Еще одна слабость движения – его не поддержали марокканские профобъединения.

После объявления предварительных итогов голосования возникла новая интрига: кого из руководства ПСР король Мухаммед VI назовет в качестве нового премьер-министра страны? В этой связи в первую очередь назывались Саадэддин аль-Османи, Мустафа Рамид, Абдельазиз Реббах, и только затем – действующий лидер партии А. Бенкиран. В итоге выбор монарха пал на последнего.

Для короля Марокко назначение А. Бенкирана было во многом вынужденным шагом, поскольку согласно новой конституции, изменения в которой были инициированы монархом, возглавлять правительство должен представитель партии, победившей на парламентских выборах.

В одном из первых заявлений после выборов 57-летний А. Бенкиран подчеркнул, что «наша цель – обеспечение стабильности страны при одновременном требовании проведения реформ». «Марокканцы настаивают на сохранении их монархии, однако они хотят, чтобы она изменялась вместе с ними», – полагал он. «Марокканцы скоро почувствуют, что именно государство находится у них на службе, а не наоборот», – пообещал новоиспеченный премьер. Он сразу же после объявления о победе ПСР, но еще до назначения на пост премьера подтвердил свою клятву на верность монарху. «Король – глава государства, и ни одно важное решение не может быть принято Советом министров без его согласия», – подчеркнул А. Бенкиран на одной из пресс-конференций. Тем не менее он призвал будущих министров «не бояться окружения короля» при выполнении своих функций.

Говоря про личность нового премьера, стоит заметить, что его неоднократно критиковали за заявления, резко враждебные по отношению к атеизму и берберскому языку. В 2010 г. он открыто призвал к запрещению гастрблей в Марокко Элтона Джона с тем, чтобы «не поощрять гомосексуализм». «Злые языки» шептали и о его давней близости к спецслужбам. Возможно, именно это обстоятельство и предопределило его назначение, или это был вброс, инициированный дворцом для его компрометации?

В целом, после победы ПСР на выборах можно было смело констатировать, что в Марокко ничего по большому счету не изменилось. ПСР всегда достаточно условно относилась к оппозиции, поскольку она никогда не оспаривала прерогатив монарха, и в частности, его статуса предводителя верующих. По большому счету, она всегда была продворцовой и осталась таковой.

Зато у дворца в связи с победой ПСР появилась свобода маневра. Теперь в случае обострения каких-либо проблем социально-экономического плана он мог легко отправить правительство в отставку, обвинив его в неспособности решить эти проблемы. Это право – отправить правительство в отставку – сохранилось за монархом. А поводов для такого шага у него, без сомнения, ожидалось предостаточно. Ведь взмахом волшебной палочки нельзя было уменьшить, скажем, безработицу, которая среди молодежи достигала 30%, число неграмотных, составлявших 30% населения Марокко, сократить дефицит торгового баланса, достигший 9 млрд евро. А лидеры ПСР еще до выборов наобещали марокканцам показатель экономического роста страны в 6–8% и ежегодное создание нескольких сотен тысяч рабочих мест.

Понятно было также, что ПСР придется вступить в альянс с рядом партий, чтобы обеспечить большинство в Палате представителей. Ее естественным союзником считалась ПИ, которая немедленно заявила о готовности к переговорам с ПСР относительно участия в коалиции. Вопрос тогда был только в том, кто еще захочет разделить ответственность за судьбы Марокко с исламистами в условиях, когда реальная исполнительная власть фактически осталась в руках монарха, а не правительства? О готовности вступить в альянс с ПСР заявили и руководители ССНС, однако они, похоже, больше были озабочены личными мотивами – сохранением за собой нескольких министерских портфелей. Рядовые социалисты, прежде всего молодежное крыло ССНС, были против такого курса.

Напомним, что ПИ и ССНС входили в правительственную коалицию, работавшую до выборов.

Был еще один интересный момент, связанный с формированием нового кабинета министров, и даже своего рода тест на самостоятельность А. Бенкирана – войдут ли в его правительство т.н. министры суверенитета, то есть те, кого традиционно назначал монарх: министры внутренних и иностранных дел, юстиции, хабусов и по делам ислама.

Кроме темы выборов в ноябре 2011 г. Марокко заметно проявило себя на сирийском направлении, став в очередной раз фактическим проводником американской политики в регионе. 16 ноября Рабат принял встречу глав МИД стран-участниц Лиги арабских государств (ЛАГ), посвященную ситуации в далекой от Марокко Сирии. Главы МИД стран ЛАГ предложили «план умиротворения в Сирии», предусматривавший, в частности, вывод сирийских армейских частей, оставшихся верными режиму Б. Асада, из городов страны. Понятно, что если бы этот план был реализован, режима Б. Асада больше бы не было. По итогам встречи Сирии был предъявлен 3-дневный ультиматум с требованием «прекратить кровавые репрессии». С 16 ноября было приостановлено членство Сирии в ЛАГ. Это решение не поддержали Ливан, Ирак и Йемен. Зато его поддержали «самые большие демократии в мире» – абсолютные по букве и абсолютно лицемерные по духу монархии Персидского залива, и в частности, Саудовская Аравия и Катар.

16 ноября Марокко приняло решение отозвать своего посла из Дамаска. Это решение было принято после того, как в сирийской столице участники прорезжимной манифестации атаковали диппредставительство королевства. Оно «было принято королем Мухаммедом VI в знак протеста против системы (сирийской), которая не хочет обновляться», – заявил глава МИД Марокко Тайеб Фасси Фихри.

В тот же день в Марокко «засветился» еще один участник антисирийского сговора – Турция. Глава МИД

этой страны принял участие в прошедшем в Рабате Форуме турецко-арабского сотрудничества на уровне глав внешнеполитических ведомств. Участники Форума, в частности, высказались «против какого-либо иностранного вмешательства в Сирии», призвав одновременно к принятию неких «срочных мер по защите гражданского населения этой страны».

И позднее Рабат всеми силами пытался играть роль главного проводника западной политики в отношении Сирии, стремясь, по всей видимости, заработать соответствующие дивиденды перед теми, кто в 2011 г. взял на себя функцию вершителя судеб ближневосточных стран.

1 февраля 2012 г. Марокко совместно с Великобританией, Германией, Колумбией, Португалией, США, Того и Францией представило в Совете Безопасности ООН проект антисирийской резолюции. Предложенный текст проекта резолюции фактически являл собой открытое вмешательство во внутренние дела Сирии, поскольку упомянутые в документе слова о необходимости «позволить сирийскому народу реализовать свои законные чаяния путем строительства демократического государства» в случае его принятия могли стать оправданием для новой агрессии со стороны «учителей демократии». При голосовании в СБ ООН 4 февраля 2012 г. Россия и Китай использовали право вето, чтобы не допустить принятия этой резолюции.

26 февраля 2012 г. в Касабланке тысячи марокканцев вышли на манифестацию, главным требованием участников которой было свержение режима Б. Асада. В марокканских реалиях такие шествия могут проводиться только в одном случае – если они были санкционированы дворцом. Именно так следует оценивать и эту акцию, призванную, по большому счету, оправдать проамериканский курс внешней политики дворца и «карманных» исламистов. Кстати, она была легальной, поскольку получила высочайшее разрешение от властей...

И вновь – о формировании нового кабинета. Несмотря на то, что к исходу декабря 2011 г. прошло больше ме-

сяца с того момента, когда король Мухаммед VI назначил на пост премьер-министра Марокко А. Бенкирана, последнему за это время не удалось сформировать новое правительство страны. Оно однозначно должно было быть коалиционным, и именно из-за проблем с потенциальными союзниками лидер ПСР все эти дни был премьером без кабинета. Не исключено, что задержка с формированием кабинета была связана также с тем, что новый премьер мог попытаться избавиться от т.н. министров суверенитета.

Как признал 29 декабря 2011 г. один из руководителей ПСР С. аль-Османи, формирование правительства Марокко столкнулось с «определенными трудностями», но при этом не было никакого «блокирования» этого процесса. «Было несколько проблем, и в частности, противоречия с ПИ относительно кандидатуры министра оснащения (занимается развитием инфраструктуры страны – авт.), но эта проблема была решена, – сообщил он. – Формирование правительства – длительный процесс, в ходе которого необходимы переговоры с нашими партнерами. Поэтому это нормально, что на него потребовалось время».

К концу декабря 2011 г. уже было известно, что в качестве партнеров ПСР по правительственной коалиции согласились быть ПИ, проберберская партия НД и считающаяся формально левой ППС. В любом случае ко всем участникам коалиции было применимо определение «продворцовые», равно как и к перешедшей в оппозицию партии ССНС.

По словам С. аль-Османи, первый вариант кабинета был отправлен на утверждение монарха 25 или 26 декабря. Он же напомнил, что в 2002 г. кабинет социалиста А. Юсуфи формировался 70 дней, в 2007 г. на этот процесс понадобилось 40 дней.

Согласно марокканским СМИ, дворцу не понравилось предложение А. Бенкирана назначить на пост министра юстиции одного из лидеров ПСР Мустафу Рамида. Послед-

ний был известен тем, что выступал за ограничение властных полномочий монарха /7/.

Ранее, 7 декабря 2011 г., монарх назначил на пост своего советника Фуада Али аль-Химму, лидера с треском проигравшей выборы продворцовой ПИМ. До этого Ф. А. аль-Химма делал карьеру в МВД страны, где дошел до поста министра. Как утверждалось в коммюнике дворца, это назначение было произведено с учетом «опыта (Ф. А. аль-Химмы), который он накопил при исполнении порученных ему миссий».

При создании в 2008 г. ПИМ она изначально рассматривалась как основной инструмент дворца, призванный не допустить прихода к власти ПСР. Ее лидера в марокканской оппозиционной прессе называли «вице-королем».

Еще одним советником монарха стал Ясир Знагуи, ранее занимавший пост министра туризма. Такой же пост получил Омар Аззиман, прежде возглавлявший Консультативную комиссию по регионализации. Подобные назначения заставили некоторые марокканские СМИ заговорить о формировании монархом некоего «теневого» кабинета, альтернативы будущему правительству. Они же предсказали, что «свои» тематические посты при монархе займут в ближайшие дни другие уходившие министры, в частности, глава МВД Тайеб Шеркауи и глава МИД Тайеб Фасси Фихри.

Тем временем 25 декабря 2011 г. фактически оформился раскол в «Движении 20 февраля», в котором до этой даты основными действующими силами были исламисты из движения «Аль-Адль валь-Ихсан» и молодежь левацких убеждений. В тот день в Касабланке и Рабате на улицы вышли несколько тысяч человек. В частности, в экономической столице королевства в манифестации приняли участие до 5 тысяч человек. Главным лозунгом принявших участие в шествиях было «Демократия без исламистов». Они также требовали продолжения демократических реформ и, в частности, трансформации монархии из абсолютной в конституционную. Эти манифе-

станции состоялись, несмотря на то, что ранее новый премьер Марокко А. Бенкиран призвал активистов «Движения 20 февраля» к диалогу.

Еще до формирования нового правительства Марокко во главе с ПСР было очевидно, что главные проблемы, которые ожидают исламистов, связаны с экономикой. Они ранее обещали в случае прихода к власти поднять показатель экономического роста с 5 до 7%, снизить уровень бюджетного дефицита с 6 до 3%, а также кардинально сократить уровень безработицы.

Как считал марокканский экономист Дрис бен Али, в ближайшие несколько лет достичь таких показателей «не представляется возможным». По его оценкам, которые подтверждались аналитиками Международного валютного фонда (МВФ), при самом благоприятном стечении обстоятельств Марокко в ближайшие несколько лет могло иметь показатель экономического роста порядка 4–4,5%. Чтобы подтвердить свой прогноз, он напомнил, что основными источниками экономического роста Марокко в предыдущие годы были денежные переводы марокканцев, работавших вне королевства, доходы от туризма, а также прямые зарубежные инвестиции. По его мнению, в связи с приходом к власти правительства во главе с исламистами, все три показателя будут иметь тенденцию к снижению на фоне кризиса в Европе, которая являлась основным торгово-экономическим партнером королевства. При этом он не сомневался в том, что ПСР в целом продолжит прежний экономический курс, исключавший национализацию предприятий и возвращение к госрегулированию. Он полагал, что заявленный лидерами ПСР курс на борьбу с коррупцией в самое ближайшее время пройдет тест на реализуемость в связи с тем, как исламисты будут на деле бороться с порочной практикой выдачи лицензий (от морского рыболовства до продажи алкоголя), которыми всегда пользовались лица из ближайшего окружения монарха.

В любом случае в одном из первых выступлений в новом качестве А. Бенкиран утверждал, что у его пра-

вительства будет пять основных приоритетов: реформа систем юстиции, образования, здравоохранения, борьба с безработицей и развитие жилищного строительства. Он же утверждал, что «новая конституция не предусматривает наличия министров суверенитета», которых ранее назначал монарх из числа своих самых доверенных приближенных. Правда, сказав «а» насчет министров суверенитета, он не сказал «б». «Все министры будут назначены монархом по моим предложениям», – заметил он, тут же уточнив, что «стратегические ориентиры на этот счет являются прерогативой короля».

На тот момент представлялось, что в любом случае формирование нового коалиционного кабинета министров во главе с ПСР не изменит давно сложившийся в Марокко порядок вещей, при котором реальную исполнительную власть в стране осуществляет дворец. Главная интрига в такой ситуации заключалась в следующем: согласится ли А. Бенкиран с уготованной ему ролью статиста?

Как оказалось, во многом на этот вопрос пришлось ответить отрицательно. 3 января 2012 г. король Мухаммед VI назначил новое правительство страны. Как и ожидалось, его возглавил лидер победившей на выборах исламистской ПСР А. Бенкиран. ПСР получила наибольшее среди других партий число министерских портфелей – 12 из 30. В частности, ей достались ключевые министерства – иностранных дел (С. аль-Османи), юстиции (М. Рамид), информации (М. аль-Хальфи).

Не менее ключевой пост главы МВД получил лидер проберберской партии НД Моханд Лаенсар. В данном случае дворец мог быть спокоен за это ведомство, поскольку М. Лаенсар уже не раз входил в правительство Марокко, и от него не ожидалось никаких неожиданностей. Абдельлатиф Лудийи сохранил за собой должность министра-делегата при премьер-министре, ответственного за работу администрации Министерства национальной обороны. Этот пост, а также посты глав МИД, МВД, юстиции, хабусов и по делам ислама ранее относились к по-

стам т.н. суверенитета, назначения на которые производил только король. Появление на двух из них представителей ПСР – и это было сделано впервые – могло означать только одно: монарх уступил давлению исламистов.

В составе нового кабинета министров оказалась всего одна женщина: представительница ПСР Бассима Хаккауи заняла пост министра по делам солидарности, женщин, семьи и социального развития.

Из 30 министров 24 впервые заняли такие высокие посты. В правительственную коалицию кроме ПСР вошли ПИ – 6 портфелей, НД – 4 и ППС – 4. Фактически в этой компании появился только один «новичок» – ПСР. Остальные партии входили в состав предыдущей правительственной коалиции. Как иронично заметил в этой связи еженедельник «ТельКель», Марокко «начало новый год с дворцом, находящимся по-прежнему у руля власти, и с ассоциировавшимися с ним исламистами» при том, что для зарубежных наблюдателей оно выглядит «как хороший арабский ученик»: в США и некоторых странах Европы на королевство смотрят как на «страну, которая демократизируется». Такое мнение, считал еженедельник, «не соответствует марокканским реалиям», поскольку основывается на правиле «не все показывать и не все говорить».

Новое правительство приступило к работе не сразу после назначения 3 января. Это случилось лишь после того, как 26 января Палата представителей проголосовала за доверие новому кабинету. До этого практически всеми делами занимались прежние министры.

26 января при голосовании в Палате представителей за программу А. Бенкирана проголосовали 218 депутатов, 135 – против.

До этого, 19 января 2012 г., в выступлении в Палате представителей А. Бенкиран пообещал, что на период до 2016 г. показатель экономического роста страны составит 5,5%, показатель инфляции – порядка 2%, а уровень безработицы сократится до 8%. Напомним, что первый пока-

затель в 2010 г. составил 4,5%, таким же он ожидался по итогам 2011 г.

Что касается официально объявленного уровня безработицы, то на рубеже 2011–2012 гг. он составлял 9,6% (среди лиц моложе 34 лет – 31,4%).

Одновременно Мухаммед VI продолжил формирование «теневое» правительства, составленного из его советников. 2 февраля назначение на такой пост получил, будучи еще сутки формально главой МИД Марокко, Тайеб Фасси Фихри. Это назначение предсказывалось заранее, когда на аналогичные посты получили назначения такие узнаваемые в Марокко лица, как Фуад Али аль-Химма и О. Аззиман.

Кабинет А. Бенкирана тут же попал под огонь критики со стороны движения «Аль-Адль валь-Ихсан». 8 января «Аль-Адль» опубликовало открытое письмо в адрес ПСР, в котором обвинило эту партию в том, что она играет на руку махзену (традиционная правящая элита Марокко в лице дворца и его куртизанов). Это письмо фактически стало ответом «Аль-Адль» на многочисленные предложения со стороны представителей руководства ПСР принять участие во властных институтах. Как считал марокканский политолог Мухаммед Дариф, «это письмо адресовано также Западу, оно призвано сказать, что ПСР не представляет все исламистское движение Марокко и что ПСР являет собой скорее всего инструмент в руках режима, призванный сдерживать динамику изменений». По его мнению, «этим письмом «Аль-Адль» дистанцировалось от партии А. Бенкирана из-за опасений, что его правительство ничего не сможет сделать при управлении текущими делами страны». Со своей стороны представитель руководства «Аль-Адль» Омар Ихаршан заметил, что «наше письмо ПСР показывает, что выход «Аль-Адль» из «Движения 20 февраля» никоим образом не является подарком новому правительству во главе с ПСР, как это представили некоторые аналитики».

Тем временем ситуация в Марокко была далека от спокойной. 1 февраля 2012 г. вспыхнули волнения в горо-

де Таза, находящемся в депрессивном регионе на северо-востоке Марокко. Они вылились в ожесточенные двухдневные столкновения городской молодежи с полицией, в результате которых ранения с двух сторон получили около 150 человек. По данным марокканских СМИ, волнения были вызваны социальными проблемами горожан и высокой безработицей среди молодежи. Местные власти поспешили призвать горожан к «диалогу» и «спокойствию».

18 февраля 2012 г. на примере Марокко подтвердилось железное правило элементарной математики, согласно которому от перемены мест слагаемых сумма не изменяется. В преломлении на марокканские политические реалии – впервые после прихода исламистов в правительство был запрещен к распространению номер испанской газеты «Эль Паис» от 16 февраля. В нем статья испанского журналиста Игнасио Сембреро о Марокко сопровождалась рисунком, который сам автор охарактеризовал как дружеский шарж на короля Мухаммеда VI. Об авторе: И. Сембреро был последним по состоянию на февраль 2012 г. иностранным журналистом, который взял интервью у монарха. Это было «всего лишь» в январе 2005 г., т.е. 7 годами ранее...

19 февраля 2012 г., в канун первой годовщины со дня появления протестного «Движения 20 февраля», его сторонники устроили массовые акции в основных городах страны. Несмотря на то, что от участия в этом движении отказались приверженцы исламистской организации «Аль-Адль валь-Ихсан», его активистам удалось вывести на улицы от нескольких сотен (Рабат) до нескольких тысяч человек (Касабланка). В лучших традициях Дриса Басри (бывший и ныне покойный глава МВД Марокко эпохи Хасана II – авт.), это ведомство отрапортовало, что в Касабланке протестующих было всего 150 человек и 1 тысяча – по всей стране.

Как отметил известный активист движения Муад Бельгуат, главная заслуга этой неформальной организации – «марокканцы перестали бояться». «Мы лишили ма-

рокканцев страха, который раньше был всеохватывающим, – полагал он. – Наше движение достигло многих из своих целей. Мы с оптимизмом смотрим в будущее, поскольку мы изменили марокканское общество» /8/.

В то же время, возможно, призывы министров-исламистов бороться с коррупцией в марокканском истеблишменте были достаточно искренними. Основные направления в этой борьбе определил «сам» А. Бенкиран, заявивший еще в конце января 2012 г. в адрес продажных чиновников, что «те, кто хочет зарабатывать деньги, должен перейти либо в частный сектор, либо в торговлю». «Невозможно сколотить состояние, работая министром или в госсекторе», – утверждал он, обращаясь к ничего не понимавшим депутатам парламента и членам правительства. Отвечая на требование премьера, министры от ПСР через СМИ обнародовали данные о своем имуществе и доходах. Кроме того, как А. Бенкиран, так и другие члены кабинета от ПСР отказались от положенного им служебного жилья. Понятно, что только время могло показать, насколько они были честными перед собой и марокканцами. А проблемы последних не решались, несмотря на благие намерения исламистов. По состоянию на начало 2012 г. без работы оставались 27% выпускников марокканских ВУЗов, каждый год на рынок труда прибывали 350 тысяч новичков, имевших минимальные шансы на трудоустройство. Исламисты ничего не могли предложить и жителям протестных городов типа Таза и Бени-Меллаль при том, что полиция там действовала так же жестко, как во времена Хасана II.

И опять – про финансы. 28 февраля 2012 г. известные французские журналисты Катрин Грасье и Эрик Лоран (последний известен тем, что создал очень положительный имидж королю Хасану II, опубликовав в 1993 г. книгу-интервью «Память короля»), представили на суд читателей свою работу, названную «Король-грабитель». Понятно, что это издание, посвященное монарху-предпринимателю Мухаммеду VI, было тут же запрещено

в Марокко. Авторы утверждали, что несмотря на кризис, состояние короля удвоилось за последние 5 лет и достигло 2,5 млрд долларов. «Мухаммед VI стал первым банкиром, первым страховщиком, первым производителем сельскохозяйственной продукции в своей стране, – утверждали они. – Он играет заглавную роль в сферах переработки сельскохозяйственной продукции, недвижимости, оптовой и розничной торговли, энергетики и телекоммуникаций». «Абсолютизм Хасана II касался исключительно политики и был направлен на обеспечение безопасности монархии и страны, – считали они. – Абсолютизм его сына проявляется в первую очередь в его монополии в экономике и не сопровождается никакой политикой, призванной обеспечить будущее его династии».

Дворец позднее ответит – и как! – авторам этой книги, но это будет уже в конце 2015 г...

9 марта 2012 г. в ходе визита в Рабат главы МИД Франции Алена Жюппе вновь возникла тема далекой от Марокко Сирии. По итогам визита Марокко и Франция заявили о том, что они против какого-либо военного вмешательства в Сирии. Хотя не было никакого секрета в том, какую роль ранее сыграли две страны в поощрении сирийской оппозиции. «Я требую от русских предпринять дополнительное усилие. Я остаюсь оптимистом. Сирийский режим понял, что он оказался в изоляции», – заявил, в частности, глава МИД королевства С. аль-Османи. Понятно, что ситуация в марокканском городе Эль-Хосейме виделась ему явно в ином свете...

Про события в Эль-Хосейме (в этот же список можно добавить Тазу, Бени-Меллаль и т.д.): 13 марта 6 человек были обвинены в «актах насилия» и задержаны после того, как двумя днями ранее в Эль-Хосейме прошла массовая манифестация местных жителей. По версии властей, применение силы и задержания были произведены после отказа участников манифестации разойтись. Примечательно, что формально находившаяся у власти ПСР встала на сторону участников манифестации. Это обстоя-

тельство вновь подтвердило, что хотя, по версии А. Жюппе, марокканская модель реформирования достойна подражания, похоже, реально на тот момент в стране сложилось двоевластие (между дворцом и ПСР), чреватое самыми непредсказуемыми последствиями.

Подтверждение последнему предположению – демарш, предпринятый в марте министром оборудования территории и транспорта Азизом Раббахом (ПСР). Он опубликовал список близких к власти лиц, получивших от нее лицензии на организованную эксплуатацию транспортных средств. Аплодируя поступку Раббаха, марокканский еженедельник «ТельКель» полагал, что министр должен был идти дальше и раскрыть списки высокопоставленных военных и сотрудников сил безопасности, а также лиц, близких к королевской семье, получивших лицензии на морское рыболовство, эксплуатацию песчаных и мраморных карьеров, рудников, на продажу алкоголя, одним словом, на «тысячу и одну привилегию, предоставленные властью некоторым своим подданным щедро, произвольно и в условиях полной непрозрачности». Он же задался вопросом: а сможет ли министр пойти дальше? «Если он сделает это, новое правительство страны заработает много очков, – считал еженедельник. – Если нет, то тогда его демарш представляется дымовой завесой, призванной скрыть главное». Он же указывал, что именно с помощью выдачи таких лицензий власть превращает тех, кто их получил, в «должников короля и системы».

Тем временем 10 марта 2012 г. в Марокко произошло событие, которое буквально потрясло многих марокканцев. В тот день покончила жизнь самоубийством 16-летняя жительница города Лараш (40 км к югу от Танжера) Амина аль-Филали. К этому акту протеста Амину подтолкнули личные обстоятельства и марокканский семейный кодекс: ее вынудили выйти замуж за человека, который изнасиловал ее годом ранее.

Неделю спустя несколько женских организаций вывели своих активисток на сидячую забастовку перед зданием

Палаты представителей в Рабате с тем, чтобы потребовать изменения действовавших законов в сфере семейного права, дискриминационных по отношению к женщинам.

Одно из требований женских организаций касалось внесения изменений в Уголовный кодекс страны. Статья 475 этого документа предусматривает уголовное наказание для насильника, если его жертвой была несовершеннолетняя. Однако уголовное наказание не предусматривается, если насильник с согласия родителей сторон женится на своей жертве. Показательно, что эта история была расценена как «обычная» для Марокко, за исключением самоубийства жертвы.

«Я не хотел идти с ними (насильником и жертвой) к судье, чтобы их поженили. Но моя жена заставила меня сделать это. Она сказала мне, что это надо сделать для того, чтобы люди перестали смеяться над нами, – заявил отец Амины – Лахсен аль-Филали. – Разве можно представить себе, что человек, который угрожал девушке ножом и затем изнасиловал ее, может затем жениться на ней?» /9/.

Понятно, что женские организации немного опоздали. В то время, когда большинство мест в парламенте уже принадлежало исламистам из ПСР, им вряд ли приходилось рассчитывать на то, что они добьются поставленной цели.

Трагедия Амины вновь продемонстрировала противоречивость марокканского общества, на словах модернистского (как то определяла новая конституция, предусматривавшая равенство полов), а на деле – традиционного. Как заметила газета «Ас-Сабах», «кого наказывает абсурдная социальная норма – жертву или палача?». В свою очередь министр по делам (социальной) солидарности, женщин и семьи в прежнем правительстве Марокко Нузга Шкали признала, что «действующее законодательство рассматривает подвергшуюся насилию несовершеннолетнюю как преступницу, хотя она является жертвой насилия».

Известно, что насильник после самоубийства Амины не был даже арестован.

В апреле 2012 г. возникло несколько конфликтных ситуаций в связи с деяниями блюстителей исламской морали в лице новоявленных министров из ПСР.

Первая из них была связана с заявлением министра юстиции М. Рамида, согласно которому «люди со всего мира приезжают в Марракеш, чтобы там безудержно предаваться греху и удаляться от Всевышнего». Эти слова прозвучали при посещении министром одной из коранических школ древней столицы Марокко. Тем самым он поставил знак равенства между массовым туризмом и туризмом сексуальным.

В ответ на это заявление 4 апреля Министерство туризма было вынуждено выступить с коммюнике, в котором утверждалось, что Марокко «гарантирует уважение индивидуальных свобод и свободу культа». Обеспокоенность этого ведомства можно понять: туризм является для Марокко одним из основных источников поступления валюты.

Туристический сектор после нескольких удачных лет в 2011 г. на фоне «арабской весны» показал более чем скромные результаты. Число зарубежных туристов не увеличилось, а число проведенных ими ночей в Марокко даже сократилось.

Еще одним возмутителем спокойствия стал министр информации Мустафа аль-Хальфи, объявивший о запрете на двух государственных телеканалах рекламы азартных игр, об обязательной для них передаче пять раз в день воззваний к молитве, а также об увеличении времени, отводимого на передачи на арабском языке. В частности, 1-му национальному каналу «Аль-Ула» предписывалось 80% эфирного времени вещать на арабском языке. Ранее преимущественно франкоязычному каналу 2М предлагалось оставить под «иностранные языки» вещания 20–25% эфирного времени. Данные нормы вошли в силу начиная с 1 мая 2012 г.

На это выступление резко отреагировал министр по делам спорта Мохаммед Уззин, едко заметивший, что «Аль-Хальфи – министр информации, а не муфтий или факих (теолог), который может запрещать и разрешать». «Это – не проблема халяль (разрешено религией) или харам (запрещено). Настоящий харам – это то, что большое число молодых людей не имеет работы, и что молодежь не имеет площадок, чтобы заниматься любимыми видами спорта», – справедливо заметил М. Уззин.

Марокканские франкофоны сразу же расценили решение министра информации как победу сторонников арабизации марокканского общества. «Это – гесперево-рот в секторе аудиовизуальных СМИ», – писала франкоязычная газета «Ле Суар – Эхо». Также франкоязычный еженедельник «ТельКель» назвал М. аль-Хальфи «халяльным министром», который сделал то, что «даже монархия не рискнула сделать».

В апреле 2012 г. правительство А. Бенкирана отметило 100 дней нахождения у власти. Это дало повод еженедельнику «ТельКель» подвести некоторые и достаточно противоречивые итоги нахождения исламистов при власти. Говорить, что они находятся у власти, тогда не приходилось: она по-прежнему принадлежала монарху. Как считал «ТельКель», «100 дней оказалось достаточно, чтобы вернуть правительство А. Бенкирана на землю». Оно сходу забыло предвыборные обещания быстрого экономического роста. «Обнаружив, что он взвалил на себя очень тяжелую ношу, глава правительства также осознал тяжесть ситуации, – писал еженедельник. – Теперь ему приходится противостоять городским беспорядкам, засухе, бесконечным забастовкам».

Отмечая отдельные положительные шаги правительства исламистов – публикацию информации о лицензиях в сфере транспорта и деклараций о доходах министров, начало расследований громких дел о коррупции, «ТельКель» признал, что новый кабинет разочаровал тем, что «он лег под дворец».

Среди наиболее заметных деяний министров-исламитов «ТельКель» назвал состоявшееся в феврале 2012 г. освобождение трех видных идеологов салафизма, которые провели свыше 8 лет в тюрьме по обвинению в причастности к терроризму и религиозному экстремизму. Еженедельник назвал это «первой победой министра юстиции М. Рамида, бывшего адвоката трех помилованных», и привел его слова: «Я предложил имена шейхов Его величеству, и он ответил согласием на мою просьбу». Министр высказал сожаление в связи с тем, что журналист Рашид Нини был исключен из списка помилованных.

По оценке «ТельКель», правительство А. Бенкирана стало активно продвигать идею разрешить функционирование в стране исламских банков. Проект соответствующего закона был подготовлен ПСР и внесен в Палату представителей. Первыми лицами, заинтересованными в принятии такого закона, являлись исламские финансовые учреждения арабских стран Персидского залива, отмечал еженедельник.

Что касается массовых манифестаций, то после нескольких попыток диалога, в том числе с дипломированными безработными, А. Бенкиран высказался за «силовое противодействие попыткам нарушить существующий порядок», тем самым дав понять, что будет придерживаться курса своих предшественников, которых он, будучи в оппозиции, без устали критиковал.

Оказавшись во власти, исламисты, как по команде, изменили на диаметрально противоположное свое мнение относительно проекта строительства в Марокко скоростной железной дороги. Если раньше они называли его «чрезмерно дорогостоящим и бесполезным», то с приходом к власти его назвали «обязательным». В бюджете на 2012 г. правительство заложило расходы в 5 млрд дирхамов на реализацию первой части проекта, хотя могло в связи с кризисом сократить инвестирование.

Другая интересная ремарка «ТельКель» касалась персонального поведения новоявленных министров. По дан-

ным еженедельника, сам А. Бенкиран продолжал проживать в своем личном и достаточно скромном доме в квартале «Оранжер» в Рабате. Официальный представитель правительства перемещался за рулем собственного автомобиля, министр юстиции каждый день ездил между Рабатом и Касабланкой рейсовыми поездами. Издание задалось вопросом: что это – рекламная показуха или реальное сокращение бюджета правительства? Оно же процитировало обоих упомянутых чиновников, которые дружно подтвердили вторую причину.

Демонстрируя видимую открытость по части личных расходов, правительство исламистов, несмотря на многочисленные попытки, так и не смогло добиться раскрытия секрета, касавшегося зарплаты бельгийского тренера национальной сборной Марокко по футболу Эрика Герца. Но это объяснимо – ведь его нанимателем была Марокканская королевская федерация футбола, а все, что связано с личностью монарха, оставалось не по зубам исламистам.

По прогнозам «ТельКель», правительство ПСР столкнется с большими проблемами по исполнению бюджета на 2012 г. Исламисты смогли представить проект закона о бюджете на год лишь 3 месяца спустя после формирования нового правительства, взяв за основу документ, подготовленный предыдущим кабинетом. По оценке еженедельника, в законе о бюджете «зафиксированы невыполнимые цели». Даже Центральный банк поставил под сомнение показатель экономического роста в 4,2%, запланированный командой А. Бенкирана. Самое главное – правительство имело всего месяцев шесть, чтобы выполнить бюджет. Как следствие – запланированные государственные инвестиции не могли быть выполнены. Еще одно следствие – 2012 г. должен был завершиться значительным ростом бюджетного дефицита.

Еще одно интересное разделение произошло в экономике. После формирования нового правительства был составлен список т.н. стратегических государственных

учреждений, руководители которых назначались Советом министров во главе с монархом. Назначение руководителей других структур, признанных «менее стратегически», осуществлял премьер. Во второй список попали учреждения, финансовое положение которых можно было признать по меньшей мере сложным. Таким образом, дворец оставил в собственном управлении благополучные компании, отдав в ведение кабинета проблемные структуры.

По мнению «ТельКель», правительство исламистов не справилось с урегулированием ситуаций в тех населенных пунктах, где с начала 2012 г. вспыхивали массовые бунты. Это касалось ряда населенных пунктов Рифа, а также городов Бени-Меллаль и Сиди-Ифни. Как констатировали правозащитные организации, везде единственным способом урегулирования ситуации было «чрезмерное применение силы». Ни один министр не сдвинулся с места, чтобы побывать в местах массовых выступлений и разобраться в их причинах.

Еще одна новая марокканская реалия, явившаяся вместе с приходом исламистов в правительство, – создание в ряде городов страны т.н. народных комитетов, взявших на себя функции полиции нравов. В нескольких городах участники этих групп под предлогом борьбы с «местами дебоша» атаковали игровые залы и кафе, где продавалось спиртное. В ряде мест они занялись проститутками и их клиентами. Власти никак не отреагировали на действия защитников исламской «морали». По данным «ТельКель», большинство участников «народных комитетов» являлось активистами ПСР.

Как положительный момент «ТельКель» отмечал открытость А. Бенкирана по отношению к прессе. По данным еженедельника, за 3 месяца он дал больше интервью, чем его предшественник за 4 года. Он даже раскрыл содержание некоторых своих бесед с монархом, что ранее было немислимо. С другой стороны, новое правительство в лице министра информации М. аль-Хальфи

продолжило практику своих предшественников. Оно не колеблясь прибегло к запрету распространения ряда зарубежных СМИ, когда те покушались на темы, традиционно признанные в Марокко как запретные к обсуждению – личность монарха, ислам и марокканская принадлежность Западной Сахары.

В мае 2012 г. перед началом нового туристического сезона марокканские власти предприняли повышенные меры безопасности в основных курортных центрах страны. Только в Марракеше на площади Джамаа аль-Фна, где 28 апреля 2011 г. в результате теракта погибли 17 человек, были установлены 38 камер наружного наблюдения. Кроме того, на площади было увеличено число мобильных патрулей полиции. Места, считавшиеся наиболее уязвимыми, контролировались агентами полиции в штатском /10/.

Усилия марокканских властей были объяснимы. Во многом из-за теракта в Марракеше в 2011 г. число туристов из Франции и Испании (они наиболее часто посещали Марокко) сократилось на 5% и 29% соответственно. Тем не менее 2011 г. оказался в целом позитивным для туристической отрасли Марокко. В том году страну посетили свыше 9,34 млн туристов (в том числе около одной трети – марокканцы, проживающие за границей), что на 1% превышало показатель 2010 г. Согласно оценкам, доходы от туризма в 2011 г. составили 5,36 млрд евро.

3 мая 2012 г. по случаю Международного дня прессы Национальный профсоюз марокканской прессы (НПМП) выступил с ежегодным докладом о положении СМИ, поставившим под сомнение проводимую в Марокко демократизацию «сверху». В нем подчеркивалось, что «никакое демократическое развитие не может быть реализовано в отсутствие свободной прессы и независимых СМИ». В документе, в частности, перечислялись факты нарушения принципа свободы прессы, случаи нападения на журналистов, исполнявших свои обязанности. НПМП призвал к пересмотру функций «титularного министерства» (мини-

стерства информации – авт.), заметив, что «контроль за журналистами, предприятиями и изданиями несовместим с понятием демократического общества».

Напомним, что базирующаяся в Вашингтоне американская неправительственная организация Freedom House традиционно относит Марокко к числу стран, в которых «пресса не свободна».

8 мая 2012 г. король Мухаммед VI предпринял очередную попытку перехватить инициативу у марокканской «улицы». В тот день в присутствии премьер-министра А. Бенкирана, министров и советников монарха он объявил об учреждении в Касабланке Верховной инстанции по национальному диалогу (ВИНД), призванной провести «всеобъемлющую и глубокую» реформу системы юстиции (заметим: ВИНД была учреждена лишь после того, как пост министра юстиции под давлением обстоятельств был отдан представителю исламистской ПСР М. Рамиду). В состав ВИНД вошли 40 человек, в том числе «сам» М. Рамид, известные юристы, представители судейского корпуса, преподаватели права и эксперты.

Как напомнил монарх в выступлении на церемонии учреждения ВИНД, принятая в июле 2011 г. новая конституция страны «гарантирует независимость юстиции от исполнительной и законодательной властей».

Изначально не было ясности относительно того, появилась ли ВИНД как следствие очередной уступки исламистам, или ее возникновение стало следствием стремления дворца создать некую альтернативу ведомству М. Рамида. Не исключалось, что речь все же шла о втором выборе, поскольку ранее объявлялось, что в рамках процесса пересмотра конституции юстиция «получит статус независимой ветви власти», которая, однако, будет зависеть от Верховного совета по юстиции, который возглавит монарх. В частности, в ходе реформы системы юстиции предусматривалось «поднять уровень профессионализма и независимости (от кого? – авт.) судей». В любом случае, «бой» за систему юстиции предстоял

серьезный, поскольку правительство исламиста А. Бенкирана объявило одним из своих приоритетов реформу этой системы.

С 1 мая 2012 г. должно было войти в силу скандальное решение министра информации М. аль-Хальфи, ранее объявившего о запрете на двух государственных телеканалах рекламы азартных игр, об обязательной для них передаче пять раз в день воззваний к молитве, а также об увеличении времени, отводимого на передачи на арабском языке. Однако, скорее всего, по распоряжению «сверху», их применение было отложено на неопределенный срок.

11 мая 2012 г. король Мухаммед VI снял с должности председателя Верховного совета аудиовизуальных СМИ Мухаммеда Газали, назначив на эту должность Амину Ламрини аль-Уахаби. Ранее эта инстанция одобрила меры, предложенные министром М. аль-Хальфи.

27 мая 2012 г. свыше 60 тысяч жителей Касабланки вышли на первую демонстрацию протеста против правительства исламистов во главе с А. Бенкираном. Число ее участников поразило всех. Шествие было организовано двумя профобъединениями, близкими к оппозиционному ССНС. Его участники протестовали против галопирующего роста безработицы и заметного снижения уровня жизни при правительстве исламистов, сформированном в январе 2012 г. Демократическая конфедерация труда и Демократическая федерация труда также настаивали на том, чтобы готовившийся закон о забастовках был либеральным, а не репрессивным. Главным лозунгом участников шествия стало: Бенкиран и Фуад Али аль-Химма (ближайший советник короля – авт.) – две стороны одной монеты». К манифестации присоединились несколько сотен активистов протестного «Движения 20 февраля». В то же время в рядах ее участников не было исламистов.

Подобная протестная активность светской оппозиции в первую очередь была на руку дворцу, который получил мощный инструмент воздействия на правительство

А. Бенкирана и теперь мог заставить его стать более сговорчивым по ряду острых проблем.

1 июня 2012 г. стало плохим днем для подданных королевства – поднялись цены на бензин и дизтопливо на 20 и 10% соответственно. Цена литра бензина таким образом выросла на 2 дирхама и составила примерно 12,24 дирхама (1,11 евро), цена литра дизтоплива увеличилась на 1 дирхам и стала 8,2 дирхама. Принявшее это непопулярное решение правительство страны мотивировало его ростом цен на нефть на мировом рынке. Относительно невысокие цены в Марокко на нефтепродукты поддерживались государством, которое дотировало до 65% их стоимости. Подобное дотирование создавало огромную дополнительную нагрузку на бюджет страны.

Марокко к тому времени импортировало практически 100% потреблявшихся углеводов. По данным еженедельника «Ви экономик», за первый квартал 2012 г. средняя цена одной тонны импортной нефти выросла на 18,6% и составила 6 955 дирхамов.

В июне 2012 г. продолжилось то, что по определению еженедельника «ТельКель» можно было назвать «холодной войной» между дворцом и новым правительством страны во главе с представителем исламистской ПСР А. Бенкираном. Эта война вела отсчет с ноября 2011 г., когда ПСР победила по итогам парламентских выборов. Главная интрига, как представлялось, заключалась в ответах на следующие вопросы: у кого терпение лопнет первым? И кто скажет последнее слово? Как признал на состоявшемся 26 мая 2012 г. в Бузнике съезде ПСР министр по связям с парламентом Лахبيب Шубани, «мы не стали партией власти, это – иллюзия, мы осуществляем властные полномочия с другими партнерами». Нетрудно догадаться – с какими. Он же призвал своих «братьев» (так по аналогии с «Братьями-мусульманами» называют себя все без исключения исламисты) «к бдительности, чтобы не потерять поддержку улицы». Понятно, почему он озаботился этим: как отмечалось

выше, с 1 июня марокканцы столкнулись с новыми ценами на бензин и солярку.

В свою очередь министр оборудования территории и транспорта Азиз Раббах там же заметил, что «матч только начался, и мы не знаем, на чьей стороне арбитр – с нами или против нас». Понятно, кому он отвел роль арбитра в марокканских условиях: это либо монарх, либо его окружение, либо все вместе взятые. Ведь именно король сразу после победы ПСР на выборах фактически назначил параллельное правительство из числа своих советников, которое фактически лишило смысла существование номинального кабинета министров.

В рамках этой «холодной войны» в июне 2012 г. началось расследование по нескольким громким делам о коррупции, что определенным образом подтвердило достаточно смелое обещание нового правительства страны во главе с А. Бенкираном заняться этой проблемой, несмотря на личности.

28 июня в Рабате было объявлено о начале уголовного расследования относительно «плохого управления» портом Танжер-Мед. Этот порт, запущенный в эксплуатацию королем Мухаммедом VI, считался «цветком» марокканской экономики. По данному делу были арестованы 6 человек, в том числе бывший руководитель морской транспортной компании Comarit-Comapan Тауфик Ибрагим. Все они обвинялись в «незаконных действиях, нанесших ущерб внутренней безопасности государства». Т. Ибрагим в 2010 г. на одно время был назначен руководителем нового порта, который замышлялся как марокканский конкурент испанского порта Альхесирас, находящегося на северном берегу Гибралтара. Считалось, что в 2011 г. порт Танжер-Мед показал очень посредственные результаты: число перегруженных контейнеров выросло всего на 1,7% по сравнению с предыдущим годом.

Еще одно обвинение, предъявленное «шестерке», касалось «разглашения профессиональных секретов» иностранцам. Обвинение настаивало, что все эти действия

были совершены «в угоду личным интересам, а также интересам зарубежных конкурирующих компаний».

Среди арестованных значились два профсоюзных лидера. Им вменялись в вину многочисленные забастовки, из-за которых значительная часть потока контейнеров пошла мимо Танжера-Мед.

30 июня 2012 г. стало известно об аресте 12 высших руководителей одного из государственных банковских учреждений. Все они обвинялись в «растрате государственных средств». Среди арестованных высших функционеров Credit immobilier et hotelier (CIH) значился бывший министр и бывший директор CIH Халид Алиуа. В правительстве социалиста А. Юсуфи он занимал пост министра экономического развития (1998 – 2002 гг.).

Проблемы у руководства CIH начались в 2009 г., когда был опубликован доклад по итогам аудита этого банковского учреждения. В нем были вскрыты многочисленные нарушения на уровне высшего руководства банка.

14 июля 2012 г. в Рабате открылся 7-й съезд исламистской ПСР, генеральный секретарь которой А. Бенкиран к тому времени уже 8 месяцев возглавлял правительство Марокко. Выступая на церемонии открытия съезда, премьер первым делом дал оценку последствий «арабской весны», на фоне которой эта партия пришла номинально к власти. «То, что недавно произошло с арабской и мусульманской нацией – невероятно, и этот процесс изменений еще не завершился», – заявил он.

А. Бенкиран сразу же пояснил, к кому относятся последние слова. «Народ Сирии – храбрый народ. Я уверен, что победа в конечном счете будет на его стороне», – сказал он, демонстрируя в данном случае близость позиций марокканских исламистов, дворца и США по отношению к трагическим событиям в Сирии.

Говоря о планах ПСР относительно Марокко, А. Бенкиран сообщил, что «наша партия хочет установить режим правильного управления после десятилетий политической посредственности, из-за которых марокканцы по-

теряли доверие к политическим партиям и избранным структурам».

Судя по всему, не все в ПСР были согласны с действиями тех, кто получил министерские портфели. Косвенное подтверждение тому – прозвучавший с трибуны съезда призыв А. Бенкирана к «единству» рядов партии.

В работе съезда приняли участие свыше 2 тысяч человек, в том числе делегации от исламистских партий ряда ближневосточных стран. Среди зарубежных гостей съезда был замечен, в частности, глава палестинского движения ХАМАС Халед Машаль. Этот съезд стал первым, проведенным после победы ПСР на парламентских выборах. По его итогам А. Бенкиран был переизбран на посту генсека ПСР.

Проамериканская позиция дворца и ПСР по Сирии подтвердилась в очередной раз 16 июля 2012 г., когда персоной нон грата был объявлен посол САР в Рабате Набих Исмаил. Как утверждалось в коммюнике МИД Марокко, «существующая ситуация в Сирии не может продолжаться». В нем содержался призыв к мировому сообществу «добиться немедленного прекращения всех форм насилия по отношению к гражданскому населению». Дамаск тут же ответил Рабату аналогичной мерой, сославшись на принцип взаимности.

Как бы в насмешку над человеколюбием Рабата (когда это касалось сирийцев) Марокканская ассоциация по правам человека (МАПЧ) опубликовала 18 июля 2012 г. доклад, в котором констатировалось, что в 2011 г., когда на Ближнем Востоке бушевала «арабская весна», в Марокко были совершены «многочисленные нарушения» прав человека. «Многочисленные нарушения (прав человека) были совершены государством прямо или косвенно», – констатировалось в докладе этой независимой и влиятельной правозащитной организации. По ее данным, право на мирные манифестации «нарушалось путем жестких вмешательств сил безопасности и чрезмерного применения силы». Это насилие со стороны государства

«привело к гибели Карима Шаиба 20 февраля 2011 г. и Камалья Аммери 29 мая». МАПЧ подчеркивала, что по фактам гибели этих молодых людей «не было проведено никакого расследования, ни одно должностное лицо, причастное к их гибели, не было наказано».

Вечером 22 июля 2012 г., сразу после ифтара (вечернее разговение в месяц мусульманского поста рамадан) «Движению 20 февраля» удалось вывести на улицы Рабата около 3 тысяч человек. Участники манифестации требовали проведения социальных и политических реформ. Шествие – первое после формирования в январе 2012 г. правительства во главе с ПСР – прошло без инцидентов.

В июле 2012 г. правительство А. Бенкирана продолжило начатую ранее показательную «охоту» на коррупционеров. 13 июля министр юстиции М. Рамид потребовал начать расследование относительно законности выплаты ежемесячных премий бывшему министру финансов Салахеддину Мезуару и действующему директору казначейства Нуреддину Бенсуде (последний является однокашником Мухаммеда VI по учебе в королевском колледже). Марокканская пресса тут же подхватила эту информацию, опубликовав официальные документы, согласно которым С. Мезуар с 10 апреля 2010 г. получал ежемесячную премию в размере 7,2 тысяч евро, Н. Бенсуда – 9 тысяч евро.

В течение августа 2012 г., по времени примерно совпавшего с рамаданом, основные события в Марокко разворачивались вокруг деятельности протестного «Движения 20 февраля». Первую свою акцию оно организовало 11 августа, призвав марокканцев выйти на манифестации против дороговизны жизни и социального неравенства. Идею организации «национального дня действий против дороговизны жизни, роста цен, арестов и репрессий против активистов протестных движений» поддержал профсоюз госслужащих. Тем не менее акции в Касабланке и Рабате, проведенные вечером после ифтара, оказались немногочисленными, в них приняли участие по несколько сотен человек.

Следующая акция «Движения 20 февраля» состоялась 22 августа в связи с задержкой в проведении ежегодно организуемой 30 июля церемонии по случаю годовщины интронизации Мухаммеда VI. В 2012 г. из-за рамадана она была организована лишь 21 августа. В королевском дворце в Рабате собралась примерно тысяча человек, представлявших политическую элиту страны – министры, депутаты, политики. На следующий день несколько десятков человек, собравшихся перед зданием парламента, выступили против церемонии присяги монарху, вернее, связанных с ней атрибутов, и в частности, целования руки короля. Полиция тут же применила силу и рассеяла участников акции.

Исторически церемония байа проводилась только при интронизации нового султана. Однако король Хасан II сделал ее ежегодной начиная с 1962 г. В 2012 г. задержка с проведением байа была интерпретирована некоторыми СМИ как подготовка к ее отмене. Дворец тут же поправил эти издания, заявив, что задержка была обусловлена исключительно рамаданом.

26 августа 2012 г. «Движение 20 февраля» вновь вывело сотни своих сторонников на улицы Касабланки и Рабата, на сей раз – с требованием освобождения «всех политических заключенных». Участники манифестаций подчеркивали, что они носят сугубо мирный характер.

По данным МАПЧ, по состоянию на начало августа 2012 г. в тюрьмах королевства находились до 70 активистов «Движения 20 февраля».

В связи с наступлением рамадана в августе 2012 г. в Марокко заявила о себе группа молодых людей, выступивших за то, чтобы на неверующих не распространялись известные запреты, связанные с соблюдением правил мусульманского поста. На страничке Facebook этой группы зарегистрировались примерно 350 ее последователей.

Как известно, публичное нарушение правил поста (прием пищи или воды в светлое время суток, курение и др.) является уголовно наказуемым в Марокко. Статья 222

Уголовного кодекса королевства предусматривает наказание в виде шести месяцев лишения свободы. Перед наступлением рамадана министр информации Марокко М. аль-Хальфи предупредил, что власти «твердо намерены применить закон» в отношении нарушителей правил мусульманского поста. 28 августа последовал первый приговор: молодой марокканец получил три месяца тюрьмы за публичное игнорирование запретов, связанных с постом.

1 сентября 2012 г. в Танжере не без скандала завершился VII съезд молодежного крыла ПСР. За день до закрытия съезда власти запретили проведение церемонии закрытия форума «по соображениям безопасности». Эта церемония должна была состояться в центре Танжера на площади имени ООН с участием более чем 2,6 тысяч участников форума. В ходе этой церемонии предполагалось выступление лидера ПСР и премьер-министра А. Бенкирана.

Возможно, именно А. Бенкиран предпочел обойтись без сомнительного выступления, поскольку в ходе съезда молодые исламисты резко критиковали премьера за достаточно мутные отношения, которые он поддерживал с окружением монарха, осуществлявшим и осуществляющим реальную власть в стране, а также за церемонию принесения присяги монарху, через которую ранее прошел премьер. «Кто на самом деле правит в Марокко? Кто обладает реальной властью? Почему не взять в качестве примера турецкий или египетский опыт?», – такие вопросы с трибуны съезда задавали молодые исламисты. «Мы вошли в правительство, однако не получили власть», – признал один из выступавших.

Не исключено, что запрет на проведение церемонии закрытия съезда на одной из центральных площадей Танжера был введен теми, кто реально правил в Марокко, то есть дворцом, поскольку эта церемония все же состоялась в присутствии того же А. Бенкирана в одном из спортивных залов. Там премьер призвал молодежь ПСР

«продолжить их борьбу в рамках уважения национальных ценностей – ислама, единства страны и монархии».

С противоречивыми показателями подошло правительство А. Бенкирана к своему первому началу учебного года в образовательных учреждениях, которое в Марокко приходится на 15 сентября. В 2012 г. в стране не утихали акции социального протеста, начавшиеся на фоне «арабской весны», состояние экономики страны характеризовалось в целом негативными показателями, множились слухи о росте противоречий между различными ветвями власти, в частности, между правительством исламистов и дворцом в лице главы МВД М. Лаенсара.

В предыдущие годы ежегодный показатель экономического роста королевства колебался между 4 и 5%. Сразу после назначения на пост премьера А. Бенкиран заявил, что в 2012 г. этот показатель составит 5,2%. Однако прогноз Верховного комиссариата по планированию был не такой оптимистичный – всего 2,4%, что вынуждало власти прибегать к непопулярным мерам по экономии средств при том, что еще в августе 2012 г. МВФ объявил об открытии для Марокко линии «предохранительных» кредитов на сумму в 6,2 млрд долларов с тем, чтобы защитить страну от негативного воздействия кризисных явлений в соседней Европе. Не решалась проблема безработицы среди молодежи, показатель которой достиг отметки в 30%. Последнее было особенно опасно для хрупкого социального мира.

В течение сентября 2012 г. марокканские власти продолжали политику запугивания и репрессий в отношении участников протестного «Движения 20 февраля». 12 сентября суд Касабланки приговорил пятерых активистов Движения к различным срокам тюремного заключения по обвинению в «участии в неразрешенной манифестации». Трое из них получили по 10 месяцев тюрьмы каждый, двое – по 8 месяцев. Все они были арестованы в Касабланке 22 июля. Осужденные в ходе процесса утверждали, что подвергались пыткам в полицейских участках

во время предварительного заключения. Правозащитники сразу же назвали этот процесс политическим.

23 сентября 2012 г. национал-консервативная ПИ – вторая политическая сила страны и союзница ПСР по правительственной коалиции – впервые с момента основания в 1944 г. избрала своего лидера на альтернативной основе. Для этого свыше 900 выборщиков собрались в приморском городке Схират к югу от Рабата. За право сменить на посту генерального секретаря ПИ Аббаса аль-Фасси, с 2007 до 2011 года занимавшего по совместительству пост премьер-министра Марокко, боролись 53-летний мэр Феса, бывший профсоюзный активист Хамид Шабат и 62-летний Абдельвахид аль-Фасси, сын исторического лидера ПИ Аллала аль-Фасси. По итогам голосования лидером ПИ стал Хамид Шабат.

2 октября новый лидер ПИ Х. Шабат заявил о срочной необходимости перестановок в правительстве, подвергнув резкой критике его деятельность, а также низкий уровень представительства в нем женщин (всего одна). Критика прозвучала даже в адрес министров от ПИ, и в частности, министра экономики и финансов Низара Бараки (возможно, потому, что при недавних выборах лидера ПИ Н. Барака поддержал противника Х. Шабата, Абдельвахид аль-Фасси).

По словам Х. Шабата, он намеревался поставить вопрос об изменениях в правительстве перед премьер-министром А. Бенкираном сразу после частичных парламентских выборов в Танжере и Марракеше, а также съезда главной оппозиционной партии страны ССНС.

Тем временем премьер А. Бенкиран попытался получить еще больше властных полномочий. 4 октября 2012 г. Совет правительства одобрил проект декрета, предусматривавшего расширение полномочий главы кабинета в части назначения на самые высокие посты в государственном аппарате. Подобная мера предусматривалась в конституции Марокко, принятой в 2011 г. в ходе событий, получивших название «арабская весна». Список

должностей, которые будут замещаться решением премьера, предполагалось определить отдельным законом. Предусматривалось, что за монархом останется прерогатива назначения чиновников на 38 высших должностей, признанных «стратегическими». Премьер своими решениями сможет замещать порядка одной тысячи должностей. Понятно, что подобное положение вещей вряд ли устраивало дворец.

5 октября 2012 г. марокканские власти лишили аккредитации корреспондента бюро французского информационного агентства АФП в Рабате Омара Брокси. Им не понравилось то, как этот известный журналист освещал частичные парламентские выборы в Танжере, упомянув в одном из репортажей об участии в выборах кандидатов, «близких к королевскому дворцу», под которыми он подразумевал кандидатов от ПИМ, основанной доверенным лицом монарха Фуадом Али аль-Химмой. Наверное, из-за того, что кандидаты ПИМ проиграли, реакция властей (читай – дворца) была такой, какой она была: журналиста с безупречной деловой репутацией обвинили в «недостатке профессионализма».

Что касалось самих выборов в Танжере и Марракеше, то из четырех стоявших на кону мест три получила ПСР, одно – кандидат от партии Конституционный союз. Таким образом, исламисты из ПСР вновь подтвердили свою репутацию первой политической силы в Марокко после победы на парламентских выборах в ноябре 2011 г.

12 октября 2012 г. в связи с открытием осенней сессии парламента король Мухаммед VI выступил на совместном заседании двух палат, назвав приоритетами власти регионализацию, реформу судебной системы и вопрос (берберского) языка. Все эти проблемы поднимались монархом и раньше, таким образом возвращение к ним было как бы признанием того, что они далеки от своих решений. Он предложил депутатам набраться «решимости и храбрости» с тем, чтобы принять ряд новых законов, призванных реализовать положения новой

конституции страны, принятой в 2011 г. по инициативе монарха на волне «арабской весны». Предполагалось, что один из них определит функции Национального совета по языкам и культуре Марокко, а также обеспечит «эффективное придание статуса официального берберскому языку амазиг».

В октябре 2012 г. марокканские власти продолжили преследование тех участников протестного «Движения 20 февраля», кто не успокоился после «арабской весны». 16 октября суд второй инстанции приговорил активиста движения Башира Беншайба к 12 годам тюрьмы строгого режима при том, что суд первой инстанции ограничился пятью годами строгого режима и пятью годами условно. К обвинению в участии в неразрешенной манифестации добавились обвинения в «краже», «агрессии» и «наркотрафике».

17 октября 2012 г. берберские правозащитные организации забили тревогу относительно того, что марокканские салафиты уничтожили в горах Высокого Атлас наскальные рисунки, сделанные более чем 8 тысяч лет назад, то есть намного раньше прибытия на территорию современного Марокко финикийцев. Аналогичную информацию распространила и арабоязычная газета «Ас-Сабах». Место, где находились эти рисунки, расположено в 20 км от горы Тубкаль – самой высокой точки Марокко (высота – 4167 метров). По свидетельствам берберских правозащитных организаций, салафиты уже не раз покушались на доисламские памятники. Соответствующую информацию они донесли до Министерства культуры, но не получили никакого ответа на нее. Впрочем, а чего еще можно было ожидать от правительства, где доминировали исламисты?

Правда, уже 18 октября «источники» в правительстве через официальное информационное агентство МАП опровергли информацию о разрушении салафитами наскальных рисунков в Высоком Атласе, назвав ее «безосновательной».

27 октября 2012 г. интересное событие должно было состояться достаточно далеко от королевства – во Франции. В тот день у замка, принадлежащего королю Мухаммеду VI и находящегося в Бетце, деревушке в 70 км к северо-востоку от Парижа, должна была начаться 6-дневная манифестация марокканских оппозиционеров – противников монархического режима. Однако самые «демократичные» французские власти запретили акцию, которую пыталась провести организация под названием «Коллектив за осуждение диктатуры в Марокко». Манифестация должна была проходить под лозунгами осуждения «несправедливости и гнусности» марокканского режима, утверждалось в коммюнике организации. В свою очередь в местной префектуре сообщили, что префект принял решение «запретить манифестацию с тем, чтобы предупредить возможные нарушения общественного порядка». Более того, замок был взят под усиленную охрану полиции.

12 ноября 2012 г. с очередной порцией критики марокканских властей выступил проживающий в США двоюродный брат монарха принц Мулай Хишам. По оценке «Красного принца», данной в интервью телеканалу «Франс 24», «дух» принятой год назад на волне «арабской весны» конституции Марокко «остается замороженным». Он считал, что «сначала конституционная реформа стартовала хорошо». «Однако не будем наивными: она началась как следствие сильного давления», – полагал он. «Новая конституция, – отмечал Мулай Хишам, – давала два альтернативных пути: первый – переход к настоящей демократии, второй – сосуществование (между дворцом и исламистами из ПСР)». «Все свелось к очень асимметричному сосуществованию, при котором возглавляемое ПСР правительство получило очень ограниченные полномочия, в то время как дворец сохранил за собой все основные экономические досье и управление внешней политикой», – отмечал принц. Он же полагал, что «со временем только переход к конституционной монархии обеспечит выживание монархического института».

То, что в Марокко ровным счетом ничего не изменилось с принятием новой конституции, подтвердили события 18 ноября 2012 г. В тот день силы безопасности воспрепятствовали проведению в Рабате перед зданием парламента манифестации с требованиями сокращения бюджета дворца. Согласно проекту бюджета на 2013 г., расходы на дворец предусматривались в объеме 234 млн евро, что в 3,7 раза превосходило бюджет Министерства социального развития и в 4,5 раза – бюджет Министерства культуры. Для сравнения: испанский двор тратил тогда только 28 млн. Кстати, в ноябре дворец впервые в истории Марокко обнародовал информацию о «зарплате» монарха. По официальным данным, она составляла 541 тысячу евро в год. Для сравнения: король Испании Хуан Карлос получал «все» 232 тысячи евро /11/.

13 декабря 2012 г. скончался 84-летний Абдессалам Ясин – основатель и духовный лидер одного из самых влиятельных в Марокко исламистских движений «Аль-Адль валь-Ихсан». Эта организация формально запрещена, но на деле терпима властями. Основанная в 1973 г., она выступает за создание в Марокко исламского государства и на словах утверждает, что не намерена прибегать к насилию для достижения этой цели. В отличие от других исламистских организаций, в частности, продвормовой ПСР, «Аль-Адль валь-Ихсан» не признает за монархом статуса «Предводителя верующих», присвоенного в свое время Хасаном II, отцом действующего монарха Мухаммеда VI.

Имя А. Ясина стало хорошо известно в 1974 г., когда бывший инспектор системы образования издал книгу – открытое письмо Хасану II «Ислам или потоп» с критикой королевского режима, после чего на три года оказался в изоляции в психиатрической больнице. Затем до 2000 г. длительное время находился фактически под домашним арестом в т.н. охраняемой резиденции. В 2011 г. А. Ясин активно участвовал в манифестациях, проводившихся «Движением 20 февраля» на волне событий «арабской

весны». Затем «Аль-Адль валь-Ихсан» вышло из этого движения из-за разногласий с его светскими участниками.

Вопреки мусульманской традиции, требующей хоронить умершего в день смерти, похороны А. Ясина были назначены на пятницу 14 декабря. В тот день в центре Рабата собрались десятки тысяч его последователей – главным образом мужчин. Полиция предприняла повышенные меры безопасности.

Несмотря на то, что точная численность активистов «Аль-Адль валь-Ихсан» неизвестна, это движение считается самым влиятельным среди других исламистских организаций Марокко. Похоже, что со сменой лидера этот статус, а также идеология «Аль-Адль валь-Ихсан» не изменится, поскольку А. Ясин успел сформировать достаточное число руководителей движения, полностью разделяющих его взгляды. Имя нового лидера «Аль-Адль валь-Ихсан» было названо 24 декабря. Им стал 63-летний Мухаммед аль-Аббади, в свое время – один из основателей «Аль-Адль валь-Ихсан». Его единственный конкурент в борьбе за пост генерального секретаря движения Фатхалла Арсалан получил пост заместителя генерального секретаря.

М. аль-Аббади – бывший преподаватель исламских наук в университете Уджды, неоднократно подвергавшийся арестам за свою деятельность в рядах «Аль-Адль валь-Ихсан».

6 декабря 2012 г. марокканские правозащитные организации начали «национальную кампанию» за освобождение «политических заключенных» и, в частности, активистов «Движения 20 февраля».

16 декабря 2012 г. по итогам 3-дневного съезда оппозиционного ССНС стало известно имя нового лидера этой влиятельной левой партии. По итогам выборов, проходивших в два тура, на пост первого секретаря был избран Дрис Лахгар. Во втором туре выборов этот 59-летний адвокат получил 975 голосов, его соперник Ахмед Заиди – 761. Д. Лахгар начинал свою политическую карьеру в мо-

лодежном крыле ССНС. В период, когда социалисты входили в состав правительства, с 2009 по 2011 гг. занимал пост министра по связям с парламентом.

Бывший лидер ССНС А. Юсуфи волею покойного Хасана II в 1998 г. возглавил т.н. правительство альтернативы. Социалисты входили в правительство вплоть до 2011 г. Однако подобное сотрудничество лидеров ССНС с дворцом сослужило плохую службу этой партии, заметно растерявшей влияние среди марокканцев. Когда по итогам парламентских выборов 2011 г. победу одержали исламисты из ПСР, ССНС приняла решение не участвовать в кабинете и перешла в оппозицию.

28 декабря 2012 г. в Марракеше состоялась стихийная манифестация протеста против повышения цен на воду и электричество. Она вылилась в столкновения с полицией, в ходе которых до 30 участников акции были арестованы. По данным свидетелей, до 60 человек получили ранения. Демонстрантов удалось разогнать только после того, как полиция применила слезоточивый газ и водометы. Этот инцидент в очередной раз показал, что правительство Марокко во главе с исламистом А. Бенкираном, пришедшее к власти на волне «арабской весны», не ожидало спокойное будущее.

В январе 2013 г. наметился определенный кризис в отношениях между двумя основными участниками правительственной коалиции – исламистской ПСР и национал-консервативной ПИ. 4 января глава ПИ Х. Шабат официально потребовал от А. Бенкирана провести перестановки в правительстве с тем, чтобы довести представительство женщин в кабинете министров до 20%. Обращение Х. Шабата к премьеру было опубликовано в марокканских СМИ.

В действовавшем тогда правительстве, в состав которого входил 31 министр, значилась всего одна женщина – министр по делам семьи.

Как утверждал в своем обращении Х. Шабат, «перестановки в правительстве предоставят возможность вне-

сти свежую кровь (в состав кабинета) и увеличить представительство женщин в нем до 20%».

До избрания в сентябре 2012 г. на пост главы ПИ Х. Шабат занимал пост мэра одной из четырех исторических столиц Марокко – города Фес. С момента избрания он регулярно подвергал критике деятельность правительства А. Бенкирана и требовал провести в нем перестановки. Письменное обращение к премьеру стало первым такого рода от лидера партии – участницы правительственной коалиции. Оно появилось ровно год спустя после формирования кабинета А. Бенкирана.

Х. Шабат предъявил и еще одно требование: «Необходимо сократить число министерских портфелей, а также распределить их в соответствии с числом мест, занятых представителями партий, входящих в правительственную коалицию, на парламентских выборах». Реакции А. Бенкирана на это обращение лидера ПИ в январе 2013 г. не последовало.

Достаточно загадочная авиакатастрофа произошла 5 января 2013 г. близ французского города Гренобль, где через несколько минут после взлета разбился двухмоторный самолет бизнес-класса, перевозивший марокканскую супружескую пару и трех их детей. Все они погибли. Как выяснилось позднее, зарегистрированный в Марокко самолет принадлежал погибшей семье и направлялся в королевство. По пути он должен был сделать промежуточную посадку в Испании. Поскольку было объявлено о пяти погибших, можно было предположить, что владелец самолета сам пилотировал его.

10 января компетентные французские власти объявили, что катастрофа самолета Piper PA 34 произошла скорее всего из-за «ошибки в пилотировании», версия технической проблемы на борту была признана менее вероятной. К тому времени стало известно, что за штурвалом самолета находился 46-летний Фарид Беррада, глава известной в Марокко компании «Колорадо». Его отец Мухаммед Беррада, скончавшийся в Париже двумя годами

ранее, в свое время был одним из руководителей ПИ и первым директором франкоязычной газеты ПИ «Опиньон».

7 января 2013 г. один из представителей руководства исламистского движения «Аль-Адль валь-Ихсан» Фатхалла Арсалан в интервью арабоязычной газете «Ахбар аль-Яум» заявил, что эта организация «готова создать свою собственную политическую партию» в случае, если власти согласятся с этим.

«Если мы представим запрос на создание и легализацию партии, мы окажемся лицом к лицу с юстицией, которой управляет государство», – заметил Ф. Арсалан, занявший незадолго до этого пост заместителя генерального секретаря движения. Он заметил, что «власти не дают ни одного сигнала относительно возможности положительного ответа на такой запрос» /12/.

Выступление в прессе Ф. Арсалана стало первым со стороны руководства «Аль-Адль валь-Ихсан» после того, как в декабре 2012 г. в возрасте 84 лет скончался основатель и духовный лидер движения А. Ясин. Оно в принципе обозначило политические амбиции Ф. Арсалана.

Говоря об отношении «Аль-Адль валь-Ихсан» к правительству Марокко во главе с ПСР, Ф. Арсалан признал, что «представители ПСР – серьезные и правоверные, но что касается кабинета министров, то необходимо признать, что не он управляет государством». «В этом нет ничего нового», – добавил он, по всей видимости, вспоминая годы, когда премьером Марокко был представитель ССНС А. Юсуфи, а реальные нити управления страной были в руках у дворца. На подобную ситуацию никак не повлияло и принятие в 2011 г. на волне «арабской весны» новой конституции Марокко, формально расширившей прерогативы правительства и премьера.

21 января 2013 г. суд Марракеша приговорил 10 участников беспорядков, происшедших в этом городе в конце декабря 2012 г., к срокам тюремного заключения от 18 до 30 месяцев. Все они обвинялись в участии в неразрешенной манифестации и в совершении актов вандализма.

В феврале 2013 г., фактически год спустя после прихода к власти, исламистское правительство Марокко во главе с лидером ПСР А. Бенкираном приступило к реализации двух очень рискованных социальных реформ. Одна из них – пенсионная – была связана с возможным повышением пенсионного возраста с 60 до 67 лет. Вторая – с сокращением госдотаций на нефтепродукты и продукты первой необходимости. Необходимость первой из них А. Бенкиран попытался объяснить на встрече с лидерами профобъединений и представителями патроната. Он предупредил их, что существовавшая пенсионная система до конца десятилетия придет к банкротству из-за тяжелого финансового положения Марокканской кассы пенсионеров (CMR), если не принять решительных мер. Одна из таких мер – повышение пенсионного возраста. «Я не откажусь от реформы, какой бы ни была ее цена», – пообещал премьер.

Очевидная необходимость второй реформы была вызвана тем, что в 2012 г. власти израсходовали на поддержание невысоких цен на нефтепродукты и товары первой необходимости (хлеб, сахар, масло) свыше 50 млрд дирхамов (около 4,8 млрд евро) при том, что десятью годами ранее соответствующий показатель составлял 4 млрд дирхамов (350 млн евро). Объем дотирования в 2012 г. оказался эквивалентен 20% бюджета государства и 6% ВВП Марокко. Стоит напомнить, что еще в 2009 г. тогдашний министр экономики Марокко Низар Барака в одном из докладов утверждал, что необходимость реформы системы дотирования «настоятельная, если не сказать – срочная». Однако ее практическая реализация чревата социальным взрывом, пример тому – события конца декабря 2012 г. в Марракеше. Поэтому главным вопросом тогда было – насколько глубокой будет такая реформа CMR, а также как быстро она будет проводиться.

Тема реформы CMR была вновь поднята 8 февраля 2013 г. на пресс-конференции Н. Бараки и министра-деле-

гата по вопросам бюджета Дриса аль-Азами. По оценке первого, в связи с заметным увеличением в июне 2012 г. цен на нефтепродукты, государство было вынуждено выделить 4,8 млрд евро на поддержание цен на нефтепродукты и товары первой необходимости. Он же сообщил, что в 2012 г. дефицит бюджета составил 7,1% от ВВП.

В свою очередь Д. аль-Азами сообщил, что выделенный королевству Международным валютным фондом в августе 2012 г. «предохранительный кредит» в сумме 6,3 млрд долларов будет расходоваться только при чрезвычайных обстоятельствах. Тогда же были объявлены данные Верховного комиссариата планирования, согласно которым показатель экономического роста Марокко в 2012 г. составил 2,7%. В 2011 г. этот показатель был 5%, в 2013 г. ожидавшийся показатель должен был колебаться между 4,8 и 5,4%. Снижение показателя экономического роста объяснялось неблагоприятными погодными условиями, поскольку экономика королевства в значительной степени зависела от сельского хозяйства, дававшего свыше 15% его ВВП. По данным комиссариата, в 2012 г. в Марокко немного вырос показатель безработицы, составивший 9% (в городах – свыше 13%).

20 февраля 2013 г. исполнилось два года со времени появления протестного «Движения 20 февраля», родившегося на волне «арабской весны». Поначалу это движение громко заявило о себе, вынудив власти принять новую конституцию, провести парламентские выборы, по итогам которых правительство сформировали исламисты из ПСР. Однако затем активность этого движения пошла на спад, особенно после того, как из него вышли исламисты – сторонники организации «Аль-Адль валь-Ихсан». Многие даже стали говорить, что политически «Движение 20 февраля» больше не существовало, поскольку на свои акции оно было способно собрать не более нескольких сотен человек.

Тем не менее 20 февраля 2013 г. около 800 активистов «Движения 20 февраля» вышли на манифестацию

в Рабате у здания парламента под лозунгами за проведение глубоких реформ в Марокко. До 300 человек вышли на манифестацию в центре Касабланки.

В марте 2013 г. стало известно имя человека, получившего в прессе кличку «Снайпер из Таргиста» (Таргист – маленькая деревня на севере Марокко – авт.), который в течение шести лет снимал скрытой камерой, а затем выкладывал в интернет доказательства продажности сотрудников жандармерии и чиновников. Как правило, съемки велись в моменты передачи взяток указанным категориям лиц. Как оказалось, в роли охотника за коррупционерами выступил уроженец Таргиста Мунир Агюзэней.

Свою деятельность против продажности жандармов (королевская жандармерия призвана, в частности, обеспечивать безопасность на автодорогах вне больших городов) он начал в 2007 г. Тогда он выложил в сети десятиминутный ролик, показывающий, как водители частных автомашин, грузовиков, мопедов, даже не останавливаясь, передавали деньги жандармам из рук в руки с тем, чтобы те позволили им беспрепятственно проехать через жандармские блок-посты. Эти кадры стали известными повсеместно после того, как их показали арабские и западные спутниковые телеканалы. Затем последовали десятки других роликов.

Как только Мунир раскрыл свое имя в прессе, последовал вызов на допрос в местное отделение жандармерии, о котором он сообщил СМИ 3 марта. «Они долго допрашивали меня, и я был вынужден все отрицать», – сообщил Мунир /13/. Неделей ранее он дал первое интервью с открытым лицом.

Стоит напомнить, что в октябре 2012 г. правозащитная организация Transparency International (TI) опубликовала данные расследования, согласно которому уровень коррупции в Марокко был оценен как «очень высокий». При этом королевство оказалось позади таких стран, как Турция, ЮАР и Сенегал. Согласно TI, 55% опрошенных руководителей марокканских предприятий считали кор-

рупцию в стране «обычным делом», 53% назвали «неэффективной» политику правительства в сфере борьбы с этим явлением.

Как известно, формально находящаяся у власти в Марокко исламистская ПСР провозглашала борьбу с коррупцией одним из своих приоритетов. В частности, ПСР удалось провести закон, сделавший неподсудными заявителей о случаях коррупции. Однако этот закон никак не помешал властям тут же заняться преследованием родственников «Снайпера из Таргиста». Они еще в октябре 2012 г. арестовали брата Мунира – Радвана, обвинив его в торговле наркотиками, после чего он был приговорен к году тюрьмы. Разочарованный действиями политиков из ПСР, сам Мунир, проходивший на выборах 2011 года по спискам исламистов, но не прошедший в парламент, заявил, что выходит из ПСР.

5 марта 2013 г. официальная марокканская правозащитная структура – НСПЧ – заявила о предстоящей отмене возможности преследования гражданских лиц в военных трибуналах. Как утверждалось в докладе НСПЧ, «дело идет к глубокой реформе системы военной юстиции, в компетенции которой останутся лишь три вопроса: дисциплинарные санкции в отношении военнослужащих, покушения на безопасность государства и терроризм». По данным НСПЧ, соответствующее предложение получило поддержку со стороны монарха. Как следовало из соответствующего коммюнике дворца, «реформа военной юстиции призвана привести в соответствие юридические нормы с положениями новой конституции и международными обязательствами Марокко».

Предложение об ограничении прерогатив системы военной юстиции зазвучало сразу после завершения процесса в военном трибунале над 25 выходцами из сахарских провинций, которых обвинили в «создании преступной банды, применении насилия к сотрудникам сил безопасности, повлекшем смерть, а также издевательствах над трупами». Рассмотрение дела сахарцев в военном

трибунале повлекло за собой критику со стороны правозащитных организаций, хотя, как представляется, у марокканских властей были все основания для использования в данном случае именно структур военной юстиции. Более того, у них были все основания переквалифицировать обвинение на «покушение на безопасность государства».

Действовавшее по состоянию на 2013 год законодательство позволяло рассматривать дела гражданских лиц в военных трибуналах в случаях, когда эти гражданские лица своими действиями нанесли ущерб военным.

31 марта 2013 г. вновь напомнило о себе протестное «Движение 20 февраля», которое вместе с двумя профобъединениями вывело на улицы Рабата до 10 тысяч человек. Участники акции, которая завершилась в центре столицы перед зданием парламента, потребовали от властей «всеобъемлющего применения всех прав и свобод». Никаких эксцессов в ходе акции не отмечалось. Наиболее популярным лозунгом в ходе манифестации был: «Бенкиран (глава правительства – авт.) ведет нас в пропасть».

Как заявили в этой связи представители профобъединений, они рассматривали это шествие как своего рода предупреждение правительству во главе с исламистской ПСР. Последняя, получив власть по итогам парламентских выборов 2011 года, оказалась лицом к лицу с множеством доставшихся ей в наследство острейших социально-экономических проблем, решить которые она была заведомо не в состоянии. Планировавшийся исламистами ряд необходимых, но непопулярных реформ неизбежно должен был ухудшить отношение к ним со стороны марокканцев, что могло дать дворцу шанс в подходящий для него момент тем или иным образом избавиться от неудобных для него исламистов в правительстве.

3 апреля 2013 г. начался государственный визит президента Франции Франсуа Олланда в Марокко. С этим визитом связывали большие ожидания всевозможные правозащитники. Как полагала, в частности, международ-

ная правозащитная организация «Хьюман Райтс Уотч» накануне поездки Ф. Олланда, в ходе пребывания в Рабате тот должен будет побудить власти королевства углубить демократические реформы и гарантировать уважение прав человека.

Как утверждалось в коммюнике организации, распространенном 2 апреля, «гарантии уважения прав человека, формально записанные в конституции, принятой в Марокко в 2011 г. на волне «арабской весны», до сих пор не вписаны в марокканское законодательство, равно как они не соблюдаются на практике марокканским правительством».

Авторы коммюнике полагали, что как первый экономический партнер Марокко и «главный источник помощи, Франция может сыграть позитивную роль, указав (марокканским властям – авт.) на продолжающиеся злоупотребления и способствуя реформам». Что касается «злоупотреблений», то в документе были названы «пытки заключенных, использование военных трибуналов для рассмотрения дел гражданских лиц, подавление права на свободу выражения мнений, а также использование детского труда в качестве прислуги».

Также накануне визита Ф. Олланда в Марокко организация «Репортеры без границ» (РБГ) направила ему письмо с тем, чтобы «привлечь его внимание к ситуации со свободой прессы» в королевстве. В письме подчеркивалось, что РБГ «никоим образом не покушается на суверенитет Марокко», однако «поскольку Франция считает уважение прав человека одним из принципов ее внешней политики, нам представляется важным, чтобы в ходе визита был затронут вопрос свободы информации». В частности, РБГ указали на существование известных «красных линий», которые не может переступить пресса: ей традиционно запрещено критиковать монарха, затрагивать темы ислама и марокканской принадлежности Западной Сахары. РБГ предлагала, чтобы в Марокко был создан «независимый и прозрачный механизм» предоставления журналистских удостоверений и аккредитаций

для марокканских и иностранных журналистов. «Их предоставление или изъятие не должно быть зависимым от политических решений», – полагали в РБГ.

Сам визит Ф. Олланда, как и ожидалось, проходил по старому известному принципу: «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Так, президент Франции в выступлении перед марокканскими парламентариями приветствовал «решительные шаги», которые Марокко делает «ежедневно» по направлению к демократии. По его оценке, королевство самоутверждается как «страна стабильности». «Франция верит в Марокко, – заявил он. – Ваша страна каждый день делает решительные шаги в сторону демократии». Ф. Олланд тут же признал, что «существует повсеместное нетерпение (перемен), но я знаю, что у вас есть воля реализовать все то, что вы обещали марокканцам».

В апреле 2013 г. исламистское правительство Марокко подверглось резкой критике как со стороны левых, так и со стороны других исламистских организаций. Одним из поводов для критики стал тот факт, что, столкнувшись в 2012 г. с замедлением экономического роста и нехваткой средств для поддержания низких цен на товары первой необходимости, власти урезали бюджет на 15 млрд дирхамов (1,2 млрд евро), что, по оценке оппонентов ПСР из ССНС, «угрожало социальной стабильности и еще больше замедляло рост экономики». Это решение было подвергнуто критике и со стороны партнеров ПСР по правительственной коалиции.

Со своей стороны исламисты из «Аль-Адль валь-Ихсан» считали, что в условиях монархии ПСР не осуществляла реальную власть в стране, поскольку министры правительства являли собой «лишь видимую часть фасада». Сделавший это заявление Ф. Арсалан, занимавший второе место в иерархии «Аль-Адль валь-Ихсан», признал, что экономическая и социальная ситуация в стране «ухудшается день ото дня». «Общество изменилось. Становится все больше людей, которые имеют

дипломы об образовании, хорошую подготовку, но не имеют ни работы, ни дома, ни перспектив. Если эта молодежь взорвется, никто не сможет ее остановить», – заявил он. По его словам, «Аль-Адль валь-Ихсан» предупредило ПСР о надвигающейся угрозе, но это предупреждение не было услышано.

Говоря о перспективах «Аль-Адль валь-Ихсан», Ф. Арсалан сказал, что «мы – движение, которое могло бы трансформироваться в политическую партию, однако государство нам это запрещает».

11 мая 2013 г. в Марокко случилось то, что уже давно предсказывалось независимыми наблюдателями. В тот день входившая в правительственную коалицию и самая искушенная в марокканских интригах национал-консервативная ПИ заявила о выходе из правительства. До этого она в течение полутора лет была главной союзницей исламистской ПСР, дорвавшейся до власти по итогам парламентских выборов 2011 г. Судя по всему, националисты из ПИ поняли, что им совсем не хочется делить ответственность с исламистами за провал всего того, что пытались делать правительство в условиях, когда его не поддерживал дворец. В любом случае решение ПИ влекло за собой либо досрочные парламентские выборы, либо перестановки в правительстве.

Стоит напомнить, что со времени избрания в сентябре 2012 г. на пост главы ПИ Х. Шабата последний неоднократно критиковал правительство исламиста А. Бенкирана за неспособность хоть как-то решить многочисленные проблемы Марокко. Кроме того, ПИ обвиняла А. Бенкирана в стремлении «монополизировать принятие решений внутри правительства». О своем решении ПИ сообщила специальной нотой монарху.

Другими союзниками ПСР по правительственной коалиции являлись продворцовое проберберское Народное движение (его лидер М. Лаенсар занимал пост главы МВД) и формально левая продворцовая Партия прогресса и социализма. Чтобы избежать досрочных парламент-

ских выборов, коалиции необходимо было найти срочную замену ПИ.

В Палате представителей (нижняя палата марокканского парламента) ПИ располагала 60 местами из 395. Ее представитель Карим Геллаб являлся спикером нижней палаты. Уже 12 мая стало известно, что монарх предложил руководству ПИ остаться в правительстве. Понятно, что оно подчинилось этому предложению, от которого не могло отказаться.

Начало июня 2013 г. в Марокко прошло в напряженном ожидании относительно того, пойдет ли страна к простым перестановкам в правительстве или дело идет к досрочным парламентским выборам? ПИ, 11 мая объявившая о своем решении выйти из правительственной коалиции, так и не реализовала это решение в ожидании арбитража короля Мухаммеда VI. Последнему было не до подобных проблем, поскольку, по данным марокканских СМИ, к середине июня он уже свыше месяца находился в некоей «частной» поездке во Франции.

Как объявил официальный представитель ПИ Адиль Бенхамза, националисты приостановили выполнение их решения после телефонного разговора между Х. Шабатом и монархом в ожидании возвращения последнего. Понято, что приостановка решения ПИ никак не способствовала улучшению работы правительства Марокко, в составе которого насчитывалось шесть министров-националистов, в том числе министр финансов Н. Барака.

Ситуация полнейшей неопределенности вынудила марокканские СМИ заняться всевозможными домыслами. Так, газета «Экономист» утверждала 10 июня, что Мухаммед VI должен, «вероятно», принять лидера ПИ «в ближайшие дни». Со своей стороны газета социалистов «Либерасьон» утверждала, что «арбитраж» монарха «в настоящее время не стоит в повестке дня». Скорее всего, она в какой-то мере была права, поскольку если бы король хотел вмешаться в ситуацию, он давно сделал бы это. Что касается ПИ, то она, похоже, поспешила, решив,

что во дворце ее поддержат, чтобы отодвинуть от власти становившуюся все более неудобной ПСР.

Тем временем работа кабинета была во многом парализована при том, что он явно терял время, не начиная достаточно рискованных реформ, связанных, в частности, с ликвидацией дотационной системы, благодаря которой поддерживались относительно низкие цены на продукты первой необходимости. Как предупредил в этой связи марокканский экономист Наджиб Акесби, «если даже будут урегулированы все политические вопросы, и это правительство начнет осуществлять реформы, их результаты не проявятся раньше 2015 – 2016 гг.». По его оценке, «реформы не идут из-за политического кризиса». «Однако политический кризис разразился для того, чтобы не делать реформы», – утверждал он /14/. Показательно, что глава кабинета никак официально не отреагировал на демарш ПИ, возможно, рассчитывая на окрик из дворца. В то время как некоторые его единомышленники по ПСР ясно дали понять, что исламистов не пугает перспектива досрочных парламентских выборов.

Что касается руководителя ПИ, в свое время устроившего настоящий переворот в партии против узурпировавшей ее руководство семьи Аль-Фасси, то не исключено, что добиваясь выхода из коалиции, он хотел в первую очередь освободиться от министра финансов Н. Барака – зятя Аббаса аль-Фасси, занимавшего пост премьера с 2007 по 2011 гг., а также министра национального образования Мухамеда Луафа, в свое время претендовавшего на главный пост в ПИ.

Х. Шабат требовал также больше министерских портфелей для националистов. Его можно было понять. ПИ, обладая 60 местами в Палате представителей, имела 6 министерских портфелей, в то время как вечно «ручная» (по отношению к дворцу) ППС при наличии всего 18 мест в парламенте имела 4 министерских портфеля.

В итоге главный вопрос июня 2013 г. – чем разрешится правительственный кризис – остался открытым. Пауза,

которую взял дворец, была понятна. Он как всегда лавировал и, похоже, пытался просчитать выгоды для себя как от простых перестановок в правительстве, так и от непредсказуемых досрочных парламентских выборов. В любом случае было понятно, что он не будет проигравшим. Более того, пауза, в течение которой у него появлялось все больше аргументов для того, чтобы свалить все проблемы страны на исламистов из ПСР, ему была даже выгодна. Но эта игра содержала множество рисков, ведь в стране имелось по меньшей мере несколько сил, которые никак не могли рассчитывать на участие в политической игре, но которые от этого никак не потеряли влияние на массы. Это, в первую очередь, наиболее влиятельное среди исламистских организаций, непризнанное, но терпимое властями движение «Аль-Адль валь-Ихсан», а также их главнейший идеологический противник – левые, не сотрудничающие с дворцом.

Замедление с реализацией реформ беспокоило МВФ, который выделил в 2012 г. кредитную линию в 6,3 млрд долларов. Эксперты МВФ вновь побывали в Марокко весной 2013 г. И даже глава кабинета А. Бенкиран был вынужден признать: они думают, что «наша манера проводить реформы непрозрачна и нерешительна».

Достаточно симптоматичный судебный процесс, показавший, как отдельные оказавшиеся у власти блюстители исламистской морали не любят, когда демонстрируется их истинное лицо, завершился 17 июня 2013 г. в суде квартала Айн Себаа Касабланки. В тот день журналист Юсеф Джаджли, работавший на еженедельник «Аль-Ан» был приговорен условно к двум месяцам тюрьмы и штрафу в 4,5 тысячи евро (в марокканских реалиях это достаточно большая сумма) по обвинению в «клевете», поскольку он сообщил, что министр промышленности и торговли, член исламистской ПСР Абделькадер Амара во время официальной поездки в Буркина-Фасо организовал роскошный частный ужин с алкоголем. Процесс над журналистом продолжался пять месяцев. Вердикт мароккан-

ского суда немедленно осудила международная организация «Репортеры без границ».

Как утверждалось в исковом заявлении министра, журналист опирался в своей статье на «ложные свидетельства и фальсифицированную копию счета», чтобы нанести ущерб имиджу ПСР. В ходе процесса журналист настаивал на том, что его данные соответствовали действительности. При этом адвокат журналиста отмечал, что его подопечный ничего не написал о том, употребляли ли алкоголь сам министр, поскольку никак не мог присутствовать на той вечеринке в далекой африканской стране.

9 июля 2013 г. достиг своего апогея давно назревавший в Марокко правительственный кризис. В тот день официально подали в отставку министры от ПИ. «Это официально: наши министры только что подали заявления об отставке главе правительства, лидеру исламистской ПСР А. Бенкирану», – заявил официальный представитель ПИ Адиль Бенхамза. К тому моменту заявления подали пятеро из шести министров от ПИ. Не сделал этого только министр образования Мухаммед аль-Уафа. «Если он не сделает такой же шаг в ближайшие 24 часа, он будет исключен из партии», – утверждал А. Бенхамза. В итоге М. аль-Уафа, похоже, предпочел министерскую зарплату членству в ПИ.

Действия ПИ фактически блокировали реализацию малопопулярных среди марокканцев реформ, которые были представлены ПСР как необходимые в связи с тяжелым финансовым положением королевства.

Чтобы не доводить дело до достаточно рискованных для ПСР досрочных парламентских выборов, т.к. в ряде регионов все сильнее становились позиции тех, кто разочаровался в исламистах, последним было необходимо срочно найти одного или двух новых союзников среди партий, представленных в парламенте.

По данным марокканской прессы, они тут же начали консультации с партией НОН, которая была представле-

на в Палате представителей примерно на таком же уровне, как и националисты (52 и 60 мандатов соответственно). Но подобный альянс выглядел бы достаточно противоестественно, поскольку в свое время НОН голосовала против программы, предложенной исламистами. Поэтому только вмешательство дворца, с которым у НОН всегда были тесные связи, как представлялось, могло изменить позицию «независимых». Дворец мог надавить подобным образом в том случае, если бы там посчитали ненужными в данных условиях досрочные парламентские выборы. Но в этом случае, скорее всего, пришлось бы пересматривать правительственную программу, принятую парламентом в январе 2012 г.

23 июля 2013 г. МАПЧ представила ежегодный доклад, в котором констатировала, что в 2012 г. в стране ситуация с правами человека «деградировала». По данным авторов доклада, «самые серьезные нарушения прав человека касались заключенных, которые преследовались по статьям уголовного права, чтобы скрыть политический характер их дел». Среди таких заключенных назывались сахарцы – сторонники сепаратистского Фронта ПОЛИСАРИО, джихадисты и активисты «Движения 20 февраля».

Авторы доклада охарактеризовали как «катастрофическую» ситуацию в марокканских тюрьмах. Это было связано с показателем их переполненности в 160%, применяемыми там «физическими и психологическими пытками».

По мнению МАПЧ, мало что менялось в области уважения прав женщин. По данным ее экспертов, только в 2012 г. было зафиксировано свыше 41 тысячи браков с несовершеннолетними девочками.

Еще одна ремарка МАПЧ касалась берберского языка. Несмотря на то, что он упоминался в ранее принятой конституции, его использование по-прежнему было запрещено в стенах парламента, равно как оставался в силе запрет на наречение младенцев определенными берберскими именами.

В июле 2013 г. исламистское правительство Марокко дало ясно понять, кого оно поддерживало в связи с известными событиями в Египте, где военные отстранили от власти президента-исламиста Мухаммеда Мурси. Уже 4 июля правительство Марокко во главе с А. Бенкираном указало на необходимость «уважения свободы и демократии в Египте».

В августе 2013 г. тема педофилии едва не стала поводом для спонтанной мини-революции в Марокко. История началась еще 30 июля, когда король Мухаммед VI помиловал 48 испанцев, отбывавших наказание в тюрьмах страны. Соответствующая договоренность была достигнута в ходе состоявшегося в середине июля визита в Марокко короля Испании Хуана Карлоса. Среди помилованных оказался 60-летний подданный испанской короны, осужденный в Марокко в 2011 г. к 30 годам тюрьмы по обвинению в педофилии. По данным марокканских СМИ, в 2011 г. испанец был признан виновным в растлении 11 детей в возрасте от 4 до 15 лет. Наказание он отбывал в тюрьме Кенитры.

Сообщение об освобождении испанца вызвало взрыв эмоций в интернете, где немедленно появились призывы к проведению 2 августа манифестации протеста. К вечеру 1 августа о своем стремлении участвовать в такой манифестации сообщили свыше 6 тысяч человек.

Один из известных блюстителей (исламской) морали министр юстиции М. Рамид (он представлял ПСР) в ответ на просьбу французского информагентства АФП прокомментировать происшедшее отделался банальностью: «У администрации одна миссия – исполнять. Этот индивид будет объектом экстрадиции. Ему будет запрещен въезд в Марокко» /15/. Согласно адвокату испанца, к тому времени тот уже покинул территорию Марокко.

Даже правозащитная организация «Не трогай моего ребенка» в своем коммюнике ограничилась констатацией того, что «помилование является исключительным правом короля».

2 августа несколько тысяч человек попытались собраться в Рабате у здания парламента для того, чтобы осудить помилование испанского педофила, однако полиция применила силу и не допустила собрание. В результате действий полицейских ранения получили несколько десятков человек, в том числе журналисты. Все они были госпитализированы. «Это – непропорциональное применение силы. Этому есть только одно объяснение: государство никак не может объяснить произошедшее, – заявил участник акции экономист Фуад Абдельмумни. – По всей видимости, в правительстве не хотят, чтобы люди поняли: король совершает глупости». Как заметил безымянный участник манифестации, «государство защищает и оберегает насильников марокканских детей». «Необходимо признать, что помилование этого педофила было ошибкой, поскольку он не заслуживает его», – заявил депутат парламента от ПСР Абдельали Хамиэддин.

До разгона манифестации ее участники успели поскандировать лозунги «Международный позор!», «Нет ни прав, ни свобод!», «Где правосудие?».

Аналогичные манифестации прошли в тот же день в городах Танжер и Тетуан. Там полиция также применила силу. Власти не стали официально сообщать о раненых и возможных арестованных, равно как тему манифестаций обошли гробовым молчанием официальные СМИ. По всей видимости, их целью было во что бы то ни стало не привлечь к манифестациям других марокканцев, далеких от интернета. Такое же молчание хранили «карманные» политические партии страны во главе с ПСР. Единственное исключение составила оппозиционная левая Объединенная социалистическая партия, призвавшая к отмене самой практики помилования. Тем не менее в социальных сетях тут же появились призывы к проведению 6 и 7 августа в Касабланке и Рабате сидячих забастовок. Всего за 48 часов о своем стремлении участвовать в акции в столице заявили 20 тысяч человек.

Как всегда бывает в условиях молчания официальных властей, в Марокко стали циркулировать самые разные слухи о причинах, по которым испанский педофил оказался в списке помилованных. В Испании находящиеся в оппозиции социалисты также потребовали от правительства «немедленных объяснений».

Только 3 августа 2013 г. на выступления марокканцев отреагировал дворец. Как сообщалось в коммюнике дворца, король Мухаммед VI распорядился начать расследование, чтобы «определить ответственных, деятельность которых привела к этому вызывающему сожаление освобождению». Ответственным за эту «небрежность» обещались «необходимые санкции». Согласно этому документу, «король никогда и никоим образом не был информирован о серьезности преступлений», за которые был осужден испанец.

Уже 4 августа дворец произвел новое коммюнике, согласно которому монарх решил аннулировать помилование, ранее предоставленное испанскому педофилу по имени Даниэль Гальван Вина. В нем сообщалось, что министру юстиции М. Рамиду предложено «обсудить с его испанским коллегой действия, вытекающие из аннулирования помилования». Тем самым фактически признавалось, что испанец к тому времени уже находился на родине.

5 августа 2013 г. университет испанского города Мурсия (юго-восток Испании) сообщил, что арабговорящий Д. Гальван Вина с 1996 до 2002 года работал в этом учебном заведении. Как заявил представитель университета, «он занимался развитием отношений с арабскими странами и организацией поездок студентов, он не был преподавателем и относился к административному персоналу». По имеющимся данным, в 2002 г. Д. Гальван Вина не принял участия в конкурсе на продление контракта, после чего потерял связь с университетом.

По информации испанской газеты «Эль Мундо», Д. Гальван Вина имеет иракские корни. В 2005 г. он обос-

новался в марокканском городе Кенитра, где представлялся преподавателем университета в отставке. Опять же по данным газеты, педофил использовал тяжелое материальное положение своих соседей для совершения противоправных деяний /16/.

Испанская газета «Эль-Паис» со ссылкой на марокканского адвоката педофила сообщила, что тот поведал своему защитнику следующее. Что ранее он якобы был офицером иракской армии и сотрудничал с западными спецслужбами, содействуя свержению режима Саддама Хусейна. По мнению журнала, именно некие спецслужбы могли обеспечить его документами на имя Д. Гальвана Вина, помочь выбраться из Ирака и превратиться в бывшего преподавателя университета. Если это справедливо, тогда становится понятно, как имя педофила могло попасть в списки кандидатов на помилование и отбытие наказания в Испании, подготовленные Мадридом. По имеющимся данным, из 48 фигурантов 18 попали в список кандидатов на помилование, 30 – в список кандидатов на отбытие наказания в Испании. Д. Гальван Вина значился во втором списке. Как отметил в этой связи официальный представитель МИД Испании, «решение о помиловании всех испанских заключенных было принято марокканскими властями». Тем самым фактически Мадрид взвалил всю ответственность за происшедшее на Рабат.

5 августа 2013 г. в Мадриде было объявлено об аресте Д. Гальвана Вина в одном из отелей города Мурсия. Он даже не попытался куда-либо скрыться.

В тот же день своим чередом развивались события в Марокко. Там монарх отправил в отставку директора пенитенциарной администрации Хафида Бенхашема. Как утверждалось в коммюнике королевского дворца, «расследование пришло к выводу, что чиновники этой администрации по небрежности передали ошибочную информацию относительно деяний, совершенных испанцем» /17/. Несколько часов спустя Марокко, сначала амнисти-

ровавшее педофила, выписало международный ордер на его арест.

Уже 6 августа 2013 г. Д. Гальван Вина предстал перед судом Мадрида, который должен был решить: оставлять его на свободе или изолировать в тюрьме в ожидании возможной экстрадиции. Вечером того же дня он оказался в камере предварительного заключения. В ходе слушания его дела выяснилось, что испанское подданство он получил благодаря браку с испанкой, с которой впоследствии развелся. Кроме Испании и Ирака он достаточно регулярно посещал Египет, Сирию, Иорданию, Великобританию и Марокко – совсем неплохо для «отставного преподавателя университета».

На самом деле для Испании запахло юридической головомолкой, поскольку конвенция об экстрадициях, подписанная Мадридом и Рабатом, не предусматривает экстрадицию в другую страну своих подданных, а Д. Гальван Вина формально являлся подданным испанской короны. К тому же решение Рабата аннулировать помилование в отношении педофила ничего не значило для Мадрида.

6 августа 2013 г. в газетных киосках Марокко отсутствовал очередной номер французской газеты «Монд». Причина изъятия из продажи этой газеты была очевидной – передовица номера была озаглавлена так: «Опасные ошибки короля Марокко». Понятно, что речь в ней шла о последствиях дела педофила для внутривосточной ситуации в королевстве. Согласно газете, одно то, что монарх отменил ранее принятое решение после массовых манифестаций, прокатившихся по стране, означало одно: он начинает понимать, что «больше не является неприкасаемым» /18/.

По меньшей мере смешными представлялись неловкие меры марокканской администрации по обереганию общественного мнения от «дурного» влияния зарубежных СМИ, ведь передовица была размещена в бесплатном доступе на сайте газеты. Самое удивительное – уже ближе к вечеру «проснулся» министр информации Марокко Мустафа Хальфи, заявивший АФП, что никаких запретов

на распространение «Монд» не выдавалось. Ответственным за непоявление газеты в киосках сделали дистрибьютора, но всем хорошо известно, что последний без команды властей ничего просто так не делает.

Судорожные меры дворца не помешали тому, что 7 августа 2013 г. в Касабланке на манифестацию протеста против помилования испанского педофила вышли свыше 2 тысяч человек. Аналогичная акция прошла и в Рабате, на сей раз без полицейского мордобоя. Сами манифестации были показательными, ведь днем ранее монарх сделал примирительный жест, приняв в Рабате родственников жертв испанского педофила.

Как представлялось, если Д. Гальван Вина действительно имел отношение к западным спецслужбам, то у него было что сказать на возможном суде. А значит, испанской Фемиде надо было сделать так, чтобы он продолжил отбывать прежнее наказание.

В любом случае история с испанским педофилом наглядно показала, насколько хрупок социальный мир (или перемирие?) в Марокко и как меняется отношение марокканцев к монарху.

В сентябре 2013 г. в Марокко вновь зазвучала тема незаконной иммиграции в связи с тем, что через королевство проходят несколько маршрутов, по которым нелегалы из африканских стран пытаются проникнуть в Европу. Кроме того, туда же не прочь выехать многие марокканцы. Находящееся на пороге Европы королевство и само постепенно становится страной, принимающей иммигрантов со всеми вытекающими отсюда последствиями. По данным марокканских неправительственных организаций, в то время на территории страны находились свыше 20 тысяч незаконных иммигрантов из африканских стран южнее Сахары. В этой связи в Марокко участились инциденты, связанные с проявлениями расизма, хотя никакой официальной статистики на этот счет не было.

После критики в адрес Марокко со стороны неправительственных организаций в связи с принятым в королевстве

отношением к проблеме незаконной иммиграции 9 сентября король Мухаммед VI заявил, что этот подход должен быть более гуманным. В тот день ему вручили доклад НСПЧ, посвященный «ситуации с незаконной иммиграцией и беженцами».

11 сентября марокканские власти объявили о принятии ряда мер, направленных на урегулирование ситуации с иммигрантами. В частности, власти обязались рассмотреть в индивидуальном порядке возможность их легализации, а также обещали уважать их права. В совместном заявлении министерств внутренних дел, юстиции и иностранных дел сообщалось о намерении этих ведомств разработать «новую иммиграционную политику», соответствующую «международным стандартам». В частности, предполагалось установить процедуру легализации иммигрантов, желающих обосноваться в Марокко.

Стремление Рабата ответить на критику по части решения проблем иммигрантов было объяснимым, поскольку Марокко старалось и старается поддерживать тесные связи с африканскими странами, исходя из собственных экономических интересов. Кроме того, Рабату важна позиция африканских столиц относительно проблемы западносахарского урегулирования.

11 ноября 2013 г. на совместной пресс-конференции в Сале нового министра внутренних дел Марокко Мухаммеда Хассада и министра по вопросам иммиграции Аниса Биру были представлены детали «исключительной операции» по легализации примерно 40 тысяч нелегалов, находившихся на территории Марокко. Ее предполагалось начать 1 января 2014 г. и завершить 31 декабря того же года. Для урегулирования всех вопросов, связанных с натурализацией нелегалов, в каждой префектуре предполагалось создать т.н. бюро по делам иностранцев. На национальном уровне их работу координировала Национальная комиссия помощи. Предполагалось, что автоматически получают виды на жительство около 850 иммигрантов, признанных Верховным комиссариатом ООН по делам беженцев в качестве

запросивших убежище. По оценке главы МВД, в то время на территории Марокко незаконно находились от 25 до 40 тысяч человек, преимущественно выходцев из африканских стран к югу от Сахары.

В начале сентября 2013 г. марокканские СМИ предсказали грядущие перестановки в правительстве после продолжавшегося к тому времени несколько месяцев правительственного кризиса, связанного с выходом из правящей коалиции некогда ближайшего союзника исламистов национал-консервативной ПИ. После нескольких недель переговоров между премьером-исламистом А. Бенкираном и руководителем либеральной партии НОН Салахеддином Мезуаром стало понятно, что именно НОН заменит в коалиции ПИ. Если бы А. Бенкиран не нашел союзника, сопоставимого по «весу» с ПИ, Марокко оказалось бы перед перспективой досрочных парламентских выборов. Главным итогом переговоров между А. Бенкираном и руководством НОН стало соглашение, по которому С. Мезуар должен был получить пост министра финансов в новом кабинете. Представителям НОН должны были также достаться портфели министров иностранных дел, образования и торговли.

Как представлялось, формирование нового кабинета министров вряд ли могло решить многочисленные проблемы Марокко: слишком мало у него было бы времени, чтобы сделать хоть что-то в условиях прессинга как со стороны «улицы», так и со стороны дворца. Последнему подобная ситуация была даже выгодна, поскольку она позволяла в любой удобный момент продемонстрировать неспособность исламистов из ПСР решать реальные проблемы страны и отвести народный гнев от дворца. Поэтому можно было предположить, что в нужный момент по его команде та же НОН могла последовать примеру ПИ, и тогда перед Марокко вновь замаячила бы перспектива досрочных парламентских выборов.

22 сентября 2013 г. тысячи человек вышли на улицы Рабата, чтобы выразить протест против роста дороговизны

и правительства А. Бенкирана. На этот шаг их подтолкнуло предшествовавшее повышение цен на нефтепродукты и молоко. Считалось, что эта манифестация даст старт новой массовой протестной кампании. Ее организовало близкое к ПИ профобъединение Всеобщий союз марокканских трудящихся (ВСМТ). По данным прессы, лидер ПИ и мэр города Фес Х. Шабат зафрахтовал сотни автобусов, чтобы доставить в столицу своих сторонников из ряда городов страны. Как заявил в ходе шествия Х. Шабат, партия которого несколькими месяцами ранее вышла из правительства, эта манифестация – «ясное послание правительству, которое должно как можно скорее отменить свои решения (о повышении цен)». «Мы призываем к забастовкам во всех городах и селах Марокко», – отметил он.

Вступившее в силу в середине сентября 2013 г. решение о повышении цен на нефтепродукты было представлено правительством как начало реформы т.н. Компенсационной кассы, благодаря которой в Марокко долгое время искусственно поддерживались относительно низкие цены на товары первой необходимости. В 2012 г. государство израсходовало на эти цели 4,9 млрд евро, что составляло 6% ВВП.

10 октября 2013 г. король Мухаммед VI назначил новое правительство Марокко, которое вновь возглавил представитель исламистской ПСР А. Бенкиран. Таким образом завершился правительственный кризис, начавшийся в июле после решения ПИ выйти из правительственной коалиции, в составе которой она имела шесть портфелей. В составе коалиции ПИ заменила партия НОН. Главная перестановка в новом кабинете коснулась ключевого поста главы МИД. Отныне это ведомство вместо исламиста С. Османи возглавил лидер НОН С. Мезуар. В итоге этих перестановок исламисты с того времени составляли меньшинство в правительстве. Другое отличие – в составе нового кабинета было 6 женщин вместо единственной в прежнем.

Лидера проберберской партии НД М. Лаенсара на посту главы МВД сменил «технократ» Мухаммед Хассад. Министром-делегатом при МВД стал еще один беспартийный – Шерки Драисс. Оба они ранее занимали высокие посты в этом ведомстве.

Еще до формирования нового кабинета А. Бенкиран направил в профильные министерства письмо относительно бюджета на 2014 г., в котором подтвердил намерение «ускорить реализацию важных структурных реформ».

До этого старые союзники, ставшие противниками – ПСР и ПИ, сошлись в схватке за депутатский мандат на довыборах в Палату представителей в избирательном округе Мулай Якуб в духовной столице королевства г. Фес. Там победу одержал представитель ПИ Лахсен Шехби, опередивший пятерых конкурентов, в том числе исламиста Мухаммеда Юсефа. Ранее, в феврале 2013 г. в этом избирательном округе победил представитель ПСР, однако результат выборов был аннулирован Конституционным советом из-за «участия иностранцев» на одном из предвыборных митингов (под иностранцами подразумевались приглашенные на митинг палестинцы).

Довыборы прошли также в провинции Сеттат (50 км к востоку от Касабланки). Там так же как в феврале, вновь был избран представитель входящего в правительство коалицию НД Хишам Хаарами.

4 декабря 2013 г. кабинету премьера-исламиста А. Бенкирана, всегда утверждавшего, что одной из его приоритетных целей является борьба с коррупцией, пришлось пережить публичную «пощечину». В тот день международная правозащитная организация TI опубликовала ежегодный Индекс коррумпированности за 2013 год, в котором Марокко оказалось на 91-м месте, скатившись таким образом вниз на четыре позиции.

Комментируя этот показатель, марокканская неправительственная организация Transparency Maroc (TM) подвергла резкой критике исламистское правительство Марокко за «стерильность» его декларировавшихся ранее

намерений в части борьбы с коррупцией, выразившейся в полной безнаказанности коррупционеров.

По оценке ТМ, занятая страной 91-я позиция «подтверждает место Марокко в категории стран, в которых свирепствует коррупция». «Оно отражает отсутствие (у властей) воли бороться против этого явления», – отмечалось в коммюнике ТМ.

Впрочем, как представляется, ТМ направила острие критики не по тому адресу, случайно или специально забыв, где сосредотачиваются реальные нити управления страной в марокканских условиях.

Как написала в этой связи независимая газета «Ахбар аль-Яум», «партия А. Бенкирана обещала марокканцам бороться против коррупции и nepотизма, но она оказалась неспособной выполнить это обещание». «Коррупция не только остается повседневной реальностью в отношениях с различными представителями власти, но и усугубляется», – писала в этой связи газета «Ожурд`уй ле Марок».

В ответ на критику правозащитников А. Бенкиран 5 декабря признал «недостаточный прогресс» в вопросах борьбы с коррупцией. Он пообещал принять «срочные» меры, чтобы исправить ситуацию. В частности, премьер потребовал ускорить принятие закона, касающегося функций Национального института гласности и предупреждения коррупции, а также «национальной стратегии борьбы с коррупцией».

В декабре 2013 г. вновь стала актуальной тема культурной самобытности амазигов (берберов), которые считаются коренным населением Марокко и ряда других стран Магриба и которых в королевстве в процентном отношении больше, чем в любой другой стране региона. По итогам переписи населения 2004 г. было установлено, что в быту 8 млн человек – четверть всех марокканцев – постоянно говорят на одном из берберских диалектов. Действовавшие в стране берберские организации утверждали, что амазиги составляют большинство населения страны.

Принятая на волне «арабской весны» конституция 2011 года признала берберский язык тамазиг «официальным языком» наравне с арабским. Она предусматривала «обеспечение условий для интеграции языка тамазиг в систему образования и в приоритетные области». Однако с приходом к власти правительства исламистов реализация этого положения была фактически заморожена, поскольку ПСР продолжала считать арабский язык «единственным официальным». По-прежнему берберы испытывали проблемы с наречением младенцев берберскими именами. Так, по официальным данным, с января 2012 г. были зарегистрированы 22 тяжбы между местными властями и амазигами.

В январе 2014 г. исламистское правительство Марокко стало объектом резкой критики со стороны оппозиции за принятое под давлением международных финансовых институтов решение о резком сокращении поддержки относительно низких цен на нефтепродукты с целью сокращения бюджетного дефицита. Как объявило 17 января Министерство по общим делам и управлению, правительство отказывается от поддержания цен на бензин. Эту же меру постепенно предполагалось распространить и на дизтопливо.

В 2012 г. на поддержание низких цен на товары первой необходимости, включая нефтепродукты, Марокко израсходовало около 55 млрд дирхамов (5 млрд евро).

По мнению представительницы ПИ, члена комиссии по финансам Палаты представителей Мунии Рулам, решение правительства являло собой образчик «экономического дебилизма», поскольку оно принято в условиях «сокращения показателя экономического роста, невозможности создания новых рабочих мест, падения покупательской способности населения». «Правительство бросается в кампанию по реальному разрушению покупательской способности населения, и это решение отражает его неспособность обеспечить эффективное управление экономикой страны», – утверждала она. По ее прогнозу, «2014 год обещает быть очень трудным,

поскольку из-за отсутствия реального диалога взлетит на небывалый уровень социальная напряженность».

Ранее исламисты из ПСР декларировали намерение заменить существовавшую ранее систему субсидирования низких цен целевым компенсированием, уровень которого зависел бы от показателя доходов.

Стоит напомнить, что в 2012 г. Марокко получило «предохранительный» кредит МВФ в 6,2 млрд долларов, обусловленный проведением экономических реформ, в частности, отменой субсидирования низких цен на товары первой необходимости и реализацией пенсионной реформы. Последней противились несколько влиятельных марокканских профобъединений.

В феврале 2014 г. отметило свою третью годовщину протестное «Движение 20 февраля». Очень активное поначалу, оно к тому времени оказалось практически незаметным после того, как от него отмежевались исламисты из организации «Аль-Адль валь-Ихсан», а также после арестов его наиболее заметных активистов. Тем не менее оставшиеся на свободе активисты движения были горды тем, что они в свое время попытались «разбудить» Марокко.

Трехлетняя годовщина «Движения 20 февраля» (или как его в просторечье называют, 20F) была хорошим поводом для того, чтобы вновь напомнить о себе. Однако напоминания не получилось. Еще 13 февраля «музыкальное лицо» 20F – рэпер Муад Бельгават (творческий псевдоним – Лакед) сообщил, что власти воспрепятствовали презентации прессе его нового альбома «Валу» («Ничего») в Касабланке. Сам Лакед только в марте 2013 г. вышел из тюрьмы, где провел один год по обвинению в искажении облика марокканских полицейских в поставленном им клипе. В своей новой работе он одним только названием утверждал, что «за прошедшие три года в стране ничего не изменилось». «По-прежнему на месте махзен, который контролирует все и вся, в стране нет ни независимого правосудия, ни независимой прессы, к тому

же по-прежнему процветает коррупция», – заявил он для французского информационного агентства АФП. По его оценке, «единственное изменение, которое произошло, – отныне марокканцы обсуждают новые сюжеты» /19/.

По оценке журналиста Хамзы Махфуда, входившего в состав руководства 20F, в любом случае движение способствовало пробуждению в Марокко гражданского общества. «Пусть этого никак не достаточно, но 20F вынудило власти изменить конституцию», – полагал он. Он считал еще более важным то, что 20F «научило людей выходить на улицы и мыслить свободно».

Однако спустя 3 года после «арабской весны» пришлось признать, что 20F по разным причинам утратило способность выводить тысячи марокканцев на улицы.

Со своей стороны бывшая председатель независимой МАПЧ Халиджа Рийяди была уверена в том, что ловкий шаг дворца по формальному приведению к власти исламистской ПСР в начале 2012 г. оставил дерево протестного движения без его корней. «Приход во власть новой партии, которая никогда ранее не поднималась так высоко, создал среди марокканцев иллюзию, что их требования будут удовлетворены», – полагала она. Стоит напомнить, что лидер ПСР и премьер-министр А. Бенкиран неоднократно заявлял, что «20F больше не выводит людей на улицы», что, по его мнению, подтверждало правильность проводившихся реформ.

Премьеру ответил все тот же Х. Махфуд, согласно которому жесточайший полицейский режим делает невозможным организацию какого-либо шествия.

В любом случае 20 февраля 2014 г. в Рабате перед зданием парламента собрались несколько сотен человек для того, чтобы отметить 3-ю годовщину 20F. Согласно их лозунгам, они оставили в силе требования большей демократии и социальной справедливости. Полиция оставила эту акцию без какого-либо воздействия.

21 февраля близкое к оппозиционной ПИ профобъединение ВСТМ объявило, что власти запретили наме-

ченную на 23 февраля в Рабате манифестацию, призванную «осудить антинародную политику правительства». Власти пояснили этот запрет традиционными «соображениями безопасности».

20 февраля 2014 г. многих сильных мира сего в Марокко заставила вздрогнуть французская неправительственная организация «Действие христиан за запрет пыток» (Acat-France). В момент, когда во Франции находился шеф марокканской контрразведки DST Абдельлатиф Хаммуши, эта организация потребовала допросить его в связи с выдвинутыми в его адрес обвинениями в содействии пыткам в Марокко. А. Хаммуши сопровождал в этой поездке главу МВД Марокко М. Хассада, который в Париже участвовал во встрече со своими коллегами из Франции, Испании и Португалии.

Acat-France неоднократно подавала судебные иски в связи с якобы имевшими место пытками в центре заключения в г. Темара близ Рабата, который находится в ведении DST.

22 февраля 2014 г. посольство Марокко во Франции осудило демарш Acat-France, потребовавшей допросить А. Хаммуши. По версии диппредставительства, запрос этой организации был безосновательным и противоречил двусторонним договоренностям. «Нарушение правил и общепринятых дипломатических процедур, неуважение к существующим двусторонним договоренностям порождают множество вопросов относительно реальной мотивации тех, кто стоит за этим запросом», – констатировало марокканское посольство. Марокканцев – без всякой симпатии к главе DST – можно было понять. По их версии, семеро полицейских заявили 20 февраля в резиденцию посла Марокко в Париже с тем, чтобы объявить, что А. Хаммуши ожидает судебный следователь, хотя трудно представить, что глава DST не имел обеспечивающего ему иммунитет дипломатического паспорта. Скорее всего, совсем не случайно они заявили в резиденцию в момент, когда глава МВД Марокко встречался с журналистами.

Больше всего марокканцы обиделись на то, что Париж проигнорировал дипломатические каналы урегулирования этой проблемы и вынес сор из избы.

В любом случае очевидное предупреждение подействовало. Рабат заявил Парижу «решительный протест», для чего вызвал посла Франции в МИД королевства. Что касается обвинений, выдвинутых в адрес А. Хаммуши, то Рабат, как водится в таких случаях, отверг их в связи с их «бездословностью». Он «настоятельно потребовал» объяснений от Парижа.

В отдельном коммюнике посольства Марокко во Франции было выражено «удивление в связи с абсурдностью подобного дела».

Стоит напомнить, что в новейшей истории марокканско-французских отношений аналогичных коллизий было немало, достаточно вспомнить дело Мехди бен Барки или связанное с ним дело командующего королевской жандармерией Хосни Бенслимана. Однако всякий раз Париж в угоду известным только ему мотивам закрывал глаза на то, в чем обвинялись представители марокканской элиты.

В данном случае Париж первоначально упомянул «инцидент, вызывающий сожаление».

Уже 23 февраля Acat-France обвинила А. Хаммуши не в содействии пыткам, а в их прямом исполнении. Соответствующий иск подал бывший боксер Закариа Мумни. По его версии, А. Хаммуши лично присутствовал при пытках, которым он был подвергнут в Темаре после ареста в сентябре 2010 г. Супруга боксера тогда утверждала, что его осудили за «рассказ о случаях коррупции в марокканской федерации бокса». Иск боксера во Франции был основан на принципе «универсальной компетенции» применительно к международной конвенции против пыток, которая автоматически начинает работать сразу после того, как истец оказывается во Франции.

23 февраля марокканско-французский дипломатический скандал получил новое развитие после того, как французская газета «Монд» процитировала испанского актера

Хавье Бардема – автора фильма о Западной Сахаре. Тот в свою очередь в этом фильме процитировал слова, приписанные послу Франции в США Франсуа Делаттру. Тот в 2011 г. якобы выдал следующий перл: «Марокко – как любовница, с которой спят все ночи. Хотя ее не особенно любят, но ее приходится защищать». По другим данным, эти слова были приписаны послу Франции при ООН Жерару Аро.

Марокко немедленно заявило протест Франции в связи с этим высказыванием, приписываемым французскому дипломату. Оно было названо «скандальным и неприемлемым».

Понятно, что МИД Франции категорически опроверг подобные слова высокопоставленного дипломата. Это не помешало представителю правительства Марокко Мустафе Халфи осудить «слова, которые наносят раны», и «оскорбительные выражения».

Марокко со своей стороны заявило, что не может принять спецпосланника президента Франции Николя Юло, который должен был посетить Марокко в период с 24 по 25 февраля 2014 г.

Вечером 24 февраля дворец через марокканское агентство МАП сообщил, что президент Франции Ф. Олланд связался по телефону с королем Марокко Мухаммедом VI с тем, чтобы дать ему необходимые «разъяснения». Главы двух государств договорились продолжить контакты на уровне правительств. В момент телефонного разговора король находился в африканском турне, в ходе которого он посетил Мали, Кот д'Ивуар, Гвинею (Конакри) и Габон.

Тем не менее 26 февраля Рабат приостановил действие всех марокканско-французских соглашений в сфере юстиции. Эти документы позволяли Марокко, в частности, выдавать Франции для отбытия там наказаний достаточно многочисленных французов, осужденных в королевстве за наркоторговлю.

В целом, понятно, что действия французских полицейских, навестивших резиденцию посла Марокко в Париже, явно нарушали известную Венскую конвенцию. Од-

нако более чем нервная реакция Рабата вновь подтвердила только одно: в Марокко имелось достаточно много высокопоставленных лиц, которые опасались пойти вслед за Бенслиманом и Хаммуши.

26 марта 2014 г. новое дыхание получил дипломатический конфликт между Марокко и Францией, связанный с выдвинутыми во Франции обвинениями в использовании пыток в адрес главы марокканской контрразведки А. Хаммуши. На сей раз непочтительно обошлись с главой МИД Марокко Салахеддином Мезуаром при специальном контроле в парижском аэропорте «Шарль де Голль» (что неудивительно, зная неосведомленность работников спецконтроля этой воздушной гавани, представленных главным образом «новыми французами»), хотя очевидно, что он являлся обладателем дипломатического паспорта. Несмотря на наличие последнего, министра обыскали, заставили раздеться и разуться. В результате глава МИД Франции Лоран Фабиус был вынужден извиняться перед своим марокканским коллегой за грубость сотрудников спецконтроля.

26 марта 2014 г. в Марокко началась 48-часовая забастовка работников пекарен, потребовавших повышения цен на их продукцию. Как известно, цена на хлеб, а также на ряд других продуктов питания первой необходимости поддерживалась марокканскими властями на достаточно низком уровне. Тогда это было 1,2 дирхама (около 10 евро-сантимов) за лепешку или багет. Власти сознательно шли на поддержание относительно низких цен на хлеб, поскольку хорошо помнили, что повышение цен на хлеб в 80-е годы прошлого столетия вызвало «хлебный бунт», приведший к многочисленным жертвам.

Находившаяся формально «при власти» исламистская ПСР в связи с хроническим дефицитом бюджета к тому времени уже отпустила цены на бензин и частично отменила дотирование цен на дизтопливо. Тем не менее правительство во главе с ПСР до тех пор не решалось идти на такие же меры относительно хлеба и сахара.

6 апреля 2014 г. в Касабланке прошла массовая манифестация марокканцев, откликнувшихся на призывы профобъединений «направить послание протеста трудящихся» правительству страны во главе с исламистом А. Бенкираном.

В «Национальном марше протеста и в защиту покупательной способности, достоинства, свобод и социальной справедливости» приняли участие, по данным организаторов, 15 тысяч человек. В роли организаторов шествия единым фронтом выступили три крупнейших профобъединения королевства. Их решимости не помешала попытка премьера в последний момент сорвать манифестацию, объявив о начале 15 апреля «социального диалога».

Отвечая на призыв премьера к диалогу, генеральный секретарь Марокканского союза труда (МСТ) Милуди Мухарик заявил, что «это письмо, направленное нам, больше напоминает вызов в кабинет, а не приглашение». «Мы – не правительственный придаток», – напомнил он. По его словам, профобъединения должны были в ближайшее время принять решение относительно предложения А. Бенкирана.

К акции профобъединений присоединился ряд общественных организаций и, в частности, «Движение 20 февраля». Показательно, что среди арестованных участников манифестации больше всего было представителей именно этого движения. Аресты были произведены в момент, когда полиция блокировала часть участников шествия, скандировавших лозунги не только против А. Бенкирана, но и против властей вообще.

Уже 8 апреля 11 арестованных активистов «Движения 20-го февраля» были обвинены в «использовании насилия по отношению к сотрудникам полиции».

Спустя неделю после первого шествия, 13 апреля 2014 г., на улицы Рабата вышли около 800 женщин, потребовавших неукоснительного выполнения положений конституции 2011 г. в части, касающейся равенства прав мужчин и женщин, как это формально предусмотрено статьей 19 основного закона.

Уже 22 мая суд Касабланки приговорил к срокам тюремного заключения до одного года 11 активистов «Движения 20 февраля», арестованных в начале апреля в ходе манифестации, организованной в экономической столице королевства тремя основными профобъединениями страны. Всем им было предъявлено обвинение в «организации неразрешенной манифестации» и «насилии по отношению к сотрудникам полиции». По версии правозащитников, активисты «Движения 20 февраля» были арестованы после того, как в ходе разрешенной властями манифестации начали скандировать «антирежимные лозунги». В ответ 25 мая около 200 человек вышли на манифестацию в Рабате, потребовав освобождения «политических заключенных».

7 апреля 2014 г. формально находившаяся в оппозиции, но являвшаяся продворцовой ПИМ заявила, что работает над проектом закона, предусматривающего амнистию для 48 тысяч рифаев (жителей Рифа), занятых выращиванием каннабиса (разновидность «мягкого» наркотика).

Согласно официальным данным, за предыдущие 10 лет площадь посевов каннабиса сократилась на 60%. Тем не менее королевство оставалось на тот момент мировым лидером по производству этого наркотика. По данным МВД, на то время выращиванием каннабиса были заняты 90 тысяч крестьянских хозяйств, то есть производство этого наркотика «кормило» свыше 700 тысяч марокканцев.

Как признал депутат парламента от ПИМ Мехди Бенсаид, производители каннабиса живут в полулегальных условиях и получают минимальный доход за свою работу – порядка 400 евро в месяц. «Не они (производители) делят главную прибыль», – утверждал он.

В апреле 2014 г. правящая исламистская ПСР решила разделить ответственность за готовившиеся непопулярные реформы, вынудив союзников по правительственной коалиции подписать «Хартию большинства», призванную «ускорить реформы».

«Хартия большинства» появилась в момент, когда в Палате представителей решался вопрос о спикере. Ранее этот пост занимал член национал-консервативной ПИ Карим Геллаб. ПИ в 2013 г. вышла из правительственной коалиции. На выборах спикера К. Геллабу противостоял представитель «большинства» Рашид Тальби Алами.

25 апреля 2014 г. в университете Феса повторилось то, что уже не раз бывало в новейшей истории Марокко в период правления Хасана II. Там прошли ожесточенные столкновения между студентами-исламистами и левыми, причем обе стороны широко применяли холодное оружие. В результате от полученных ранений скончался один из исламистов. Среди последних в конфликте участвовали и сторонники правящей ПСР. Им противостояли студенты левых взглядов – сторонники партии «Ан-Нахдж ад-Димокраси».

Как представляется, наблюдатели оставили без внимания столкновения между исламистами и левыми в Фесе. А зря. «Радикальные» левые в отличие от продворцовых «левых» в предыдущие годы все больше становились выразителями интересов значительного числа марокканцев. Это не могло не тревожить дворец. И, похоже, он решил вновь повторить прием, которым широко пользовался покойный монарх, – сталкивать левых и исламистов с тем, чтобы иметь повод для ареста наиболее активных из числа тех и других.

10 мая 2014 г. правозащитная организация Reseau euro-mediterraneen des droits de l'Homme распространила доклад, в котором утверждалось, что хотя в Марокко новая конституция гарантирует свободу собраний, на деле власти по-прежнему широко прибегают к практике подавления манифестаций и преследования их участников. Согласно авторам доклада, в то время в Марокко заключение отбывали до 300 участников различных манифестаций. В нем констатировалось, что «органы безопасности раз за разом непропорционально применяют силу» против участников манифестаций.

В докладе отмечалось, что для обоснования применения силы против участников манифестаций марокканские власти используют следующие аргументы: речь идет о «не-разрешенных манифестациях», помехах «свободе движения автотранспорта», «насилии в отношении сотрудников сил безопасности». В нем напоминалось, что на волне «арабской весны» Марокко приняло в июле 2011 г. новую конституцию, которая формально гарантировала свободы и личные права, а также ратифицировало основные международные конвенции, касающиеся соблюдения прав человека. «Однако свобода выражения мнений и свобода собраний остаются связанными с т.н. красными линиями, пересекать которые непозволительно в Марокко, это – критика монархии, ислама, а также марокканская принадлежность Западной Сахары», – говорилось в документе.

13 мая 2014 г. правозащитная организация «Международная амнистия» (МА) предложила марокканским властям «прекратить квази-тотальную практику безнаказанности» представителей силовых структур, причастных к пыткам.

В очередном двухлетнем докладе МА сконцентрировалась на пяти странах, практикующих, по ее данным, пытки: Мексике, Филиппинах, Марокко/Западной Сахаре, Нигерии и Узбекистане.

Что касалось Марокко, то в докладе констатировалось, что хотя пытки и плохое обращение запрещены национальным законодательством, «они остаются реальностью на практике». Его авторы полагали, что ответственность за создание такого «климата безнаказанности» лежит на «недостатках судебной системы». В частности, речь шла об «отсутствии адвокатов при проведении допросов в полицейских участках», а также о «признаниях», полученных под пытками, которые затем используются при выдвижении обвинений. В то же время представители МА признали, что применительно к Марокко «больше нельзя говорить о системном использовании пыток, хотя такие случаи еще имеют место».

15 мая 2014 г. стало известно, что марокканские власти фактически отказали в регистрации новой правозащитной организации Freedom Now, выступавшей за свободу слова, не приняв досье, подготовленное для легализации. Эта организация появилась сразу после возникновения дела журналиста Али Анузлы, арестованного в сентябре 2013 г. после того, как арабоязычная версия руководимого им сайта Lakome разместила ссылку, с помощью которой можно было просмотреть видеозапись заявления АКМ, призывавшей марокканцев к джихаду и критиковавшей марокканский режим. Позднее этот журналист был осужден по обвинению в «побуждении к терроризму» и пробыл некоторое время в тюрьме.

20 июня 2014 г. испанская юстиция отклонила иск Марокко против компании, издающей газету «Эль Паис», распространившей в интернете видеоролик АКМ, осуждавший «коррупционность» марокканского режима и призывавший к джихаду против него. Как заявили в испанской прокуратуре, это ведомство отклонило иск, поскольку «посчитало, что в инкриминируемой газете деяния отсутствуют состав преступления».

Иск Марокко к «Эль Паис» был зарегистрирован 20 декабря 2013 г. В роли истца выступил глава правительства Марокко А. Бенкиран. В иске содержалась ссылка на параграф 2 статьи 579.1 уголовного кодекса Испании, содержащий упоминание об «апологетике терроризма».

Испанский журналист Игнасио Сембреро, долгое время занимавшийся в «Эль Паис» странами Магриба и разместивший ссылку на злополучное видео в своем блоге 13 сентября 2013 г., ушел из газеты в конце апреля 2014 г. Он критиковал руководство издания за недостаточную поддержку. По его словам, журналист разместил это видео в своем блоге, ясно пояснив, что «речь идет о документе, пропагандирующем терроризм».

«Я надеюсь, что марокканская юстиция извлечет урок из отклонения иска А. Бенкирана против Сембреро в Испании, и больше не будет преследовать А. Анузлу», – написал в Твиттере испанский журналист.

Согласно марокканскому закону о борьбе с терроризмом, принятому после терактов в 2003 г. в Касабланке, А. Анузла мог получить до 20 лет тюрьмы.

В июне 2014 г. в роли очередного нарушителя спокойствия в Марокко выступил бывший капитан КВС Мустафа Адиб, развязавший «войну» против своего бывшего командования в лице корпусного генерала Абдельазиза Беннани и короля Марокко Мухаммеда VI. М. Адиб подал на них судебные иски в Париже в момент, когда там находился на лечении генерал А. Беннани.

Личность М. Адиба стала широко известна в Марокко в конце 90-х годов прошлого столетия, когда молодой капитан, служивший на одной из авиабаз королевских ВВС, попытался обличить коррупцию среди старшего офицерского состава, и в частности, распродажу ими «налево» бензина. 13 ноября 1998 г. он даже написал письмо Мухаммеду VI – в то время наследному принцу, в котором попытался проинформировать его о случаях коррупции в КВС. Немедленно начались его злоключения: арест, допросы, в том числе – как утверждал М. Адиб – с применением физического насилия. Среди тех, кто допрашивал капитана, был генерал А. Беннани. В 2000 г. М. Адиб был осужден на 2,5 года тюрьмы. Его освобождения добивалась Международная федерация по правам человека. В 2002 г., сразу после освобождения, он покинул Марокко и выехал во Францию.

Демарш 45-летнего М. Адиба еще больше усилил напряженность в отношениях между Рабатом и Парижем, возникшую тремя месяцами ранее после того, как французская Фемида объявила о своем желании допросить находившегося в то время в Париже главу марокканской контрразведки А. Хаммуши в связи с поданными против него исками, инициаторы которых обвиняли его в использовании пыток. Серия последовавших затем инцидентов привела к замораживанию франко-марокканского сотрудничества в сфере юстиции по инициативе Рабата. Замороженными оказались требования об экстрадиции, выда-

че заключенных, допросе свидетелей, другие процедуры, так или иначе касавшиеся свыше 1 млн марокканцев, проживающих во Франции, и примерно 80 тысяч французов, живущих в Марокко. В частности, в мае около 20 французов, отбывавших наказания в тюрьмах Марокко, начали голодовку для того, чтобы попытаться ускорить их выдачу Франции.

Иск М. Адиба был направлен против Марокко и примерно 30 марокканских военных и чиновников в связи с примененными по отношению к нему «пытками и нечеловеческим содержанием». Истец подал его после того, как узнал, что один из его обидчиков – генерал А. Беннани прибыл во Францию на лечение.

Последний в свою очередь заявил, что по прибытии в медицинское учреждение начал получать письма с угрозами. В этой связи французские власти по требованию Рабата были вынуждены прибегнуть к задержанию М. Адиба и принять другие меры по защите генерала, находившегося в военном госпитале в Валь-де-Грас в Париже. Как заявил в этой связи адвокат истца, «задержание М. Адиба, заказанное в экстренном порядке французской дипломатией по требованию Рабата, являлось непропорциональным ответом, корни которого находятся в других досье, связанных с ним».

В связи с угрозами в адрес генерала послу Франции в Рабате было заявлено о «резком неудовольствии королевства».

4 июня 2014 г. в массовые столкновения с полицией вылилась попытка стражей порядка разрушить один из бидонвилей Касабланки. Акция проводилась в рамках кампании властей по переселению жителей бидонвилей – районов хаотичной застройки из подручных средств. В ходе столкновений в бидонвиле под названием «Центральные карьеры» полицейские арестовали до 50 наиболее активных участников беспорядков. Несколько десятков человек, включая полицейских, получили ранения. Несмотря на протесты обитателей бидонвиля, власти

с помощью бульдозеров разрушили 42 «барака», возведенных из шифера и картона.

Марокко к тому времени уже лет 10 осуществляло программу «Города без бидонвелей», которая предусматривала переселение примерно 2 млн их обитателей. Ее стоимость оценивалась в более чем 2 млрд евро. В Касабланке эта программа была реализована менее чем на 50% из-за несогласия обитателей бидонвелей с теми условиями переселения, которые им предлагались. Очагом протестного движения обитателей бидонвелей в экономической столице королевства стали именно «Центральные карьеры». В этом бидонвиле проживали несколько десятков тысяч человек.

Заявленной целью марокканских властей было расселение бидонвелей к 2017 г. Они вплотную занялись этой проблемой после терактов 2003 г. в Касабланке. Тогда выяснилось, что все 12 смертников, совершивших теракты, были выходцами из бидонвиля Сиди Мумен, в котором тогда проживало несколько сотен тысяч человек.

В июне 2014 г. глава правительства Марокко А. Бенкиран «прославился» в очередной раз, заявив в парламенте, что единственным местом применения марокканской женщины должен быть домашний очаг. Одновременно он выразил сожаление в связи с развитием марокканского общества по «европейской модели».

24 июня 2014 г. на манифестацию протеста против этого высказывания премьера-исламиста перед зданием парламента в Рабате вышли сотни марокканцев. Она проходила под лозунгами: «Бенкиран, этого достаточно!», «Бенкиран, в отставку! Марокко не твое!». Акцию организовало движение «Гражданская коалиция за применение статьи 19 конституции». «Мы никогда не согласимся с его ретроградными взглядами. Мы отвергаем это оскорбление со стороны лица, которое рассматривает женщину как приложение к домашнему очагу», – заявила бывший министр по делам семьи Нузга Шкали.

Статья 19 марокканской конституции обязывает государство «работать над реализацией идеи равенства между мужчиной и женщиной».

Всегда достаточно напряженными складывались отношения между Рабатом и международными правозащитными организациями. 2 сентября 2014 г. МА осудила запрет марокканских властей на проведение в Бузнике (прибрежный городок между Рабатом и Касабланкой) в период с 1 по 7 сентября 16-го молодежного лагеря с участием 40 молодых правозащитников из Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. В заявлении МА утверждалось, что это решение властей – «шаг назад в соблюдении права на свободу создания ассоциаций и собраний».

В сентябре 2014 г. марокканский журналист Омар Брукси опубликовал во Франции книгу под названием «Маски Мухаммеда VI», сопровождавшимся подзаголовком «Сын нашего друга», которая сразу же была запрещена в Марокко из-за содержащейся в ней критики в адрес монарха. Она стала логическим продолжением изданной во Франции в 1990 г. книги французского писателя Жюль Перро «Наш друг король», которая была посвящена покойному Хасану II – отцу Мухаммеда VI. Появление той книги вызвало серьезнейший кризис в отношениях между Марокко и Францией.

На сей раз критические итоги 15 лет правления монарха подвел не французский писатель, а марокканский журналист, долгое время работавший в бюро АФП в Рабате и ранее лишившийся журналистской аккредитации. В то время он проживал во Франции. Предисловие к его книге написал Ж. Перро.

По оценке О. Брукси, для правления Мухаммеда VI характерна чрезвычайная концентрация политической и экономической власти в руках монарха и его ближайшего окружения. Значительное место в книге отводилось механизмам, с помощью которых дворец осуществлял реальную власть в стране, контролировал ее экономику и наиболее крупные компании.

20 октября 2014 г. в парламенте был представлен проект бюджета страны на 2015 год, согласно которому власти намеревались провести очередное сокращение участия государства в поддержании относительно низких цен на товары первой необходимости, а также провести реформу пенсионной системы. После первого этапа постепенного отказа государства от поддержки цен на товары первой необходимости его расходы на эти цели сократились с 5 млрд евро в 2012 г. до 3 млрд евро в 2014 г. По итогам 2015 г. планировалось выйти на показатель в 2,1 млрд евро, главным образом за счет отпуска цен на дизтопливо.

Планировавшаяся пенсионная реформа предусматривала, в частности, увеличение пенсионного возраста с 62 до 65 лет.

26 ноября 2014 г. в Рабате полиция разогнала манифестацию студентов, протестовавших против проекта уголовного кодекса, новые статьи которого предусматривали ужесточение наказания для участников применения насилия в университетских кампусах.

В Марокко исторически университетские кампусы были ареной сведения счетов между исламистами и левыми. Только в 2013–2014 учебном году таких инцидентов было свыше 30, из-за чего были арестованы свыше 120 человек.

Манифестация в Рабате проводилась перед зданием парламента. Ее организаторами выступили контролируемый исламистами Национальный союз студентов Марокко и самое влиятельное в стране исламистское движение «Аль-Адль валь-Ихсан».

Проектом закона предусматривалось увеличение сроков тюремного заключения для участников беспорядков в кампусах до пяти лет.

22 декабря 2014 г. в Рабате было объявлено, что в Уджде в результате столкновений между бастующими студентами и силами безопасности ранения получили по меньшей мере 20 полицейских. Примерно столько же раненых было с другой стороны.

Уже 24 декабря власти «насчитали» около 100 раненых среди стражей порядка, в том числе 62 военнослужащих Вспомогательных сил. Число пострадавших среди студентов осталось неизвестным, так как они опасались обращаться за помощью в официальные медицинские структуры из-за опасений быть арестованными.

25 декабря суд г. Кенитра осудил 11 студентов местного университета к различным срокам тюремного заключения за участие в ноябре в столкновениях с полицией, которые вспыхнули при разгоне манифестации против повышения цен на городской транспорт. Из 11 осужденных 5 получили реальные сроки от 2 до 10 месяцев тюрьмы, остальные – условные сроки.

4 января 2015 г. вновь появился повод поговорить о системе образования в Марокко, которую даже ответственный министр Рашид Бельмохтар назвал «недоразвитой». В тот день было объявлено о серии срочных мер, призванных хоть как-то исправить ситуацию. В частности, предусматривалось пересмотреть систему подготовки преподавателей, начать переиздание новых учебников, начальную школу сконцентрировать на трех фундаментальных умениях – писать, читать и считать. Последние три пункта особенно актуальны для королевства, где до сих пор неграмотными являются 30% взрослого населения.

По оценке неправительственных организаций, новой проблемой для марокканской школы стал быстрый рост частных учебных заведений, что привело к вопиющему неравенству в вопросе доступа к образованию. К 2015 году, по официальным данным, в частных школах, то есть в школах для детей богатых родителей, обучались 700 тысяч учащихся, в то время как в государственных школах – 6,5 млн человек.

На фоне достаточно сложных отношений между Рабатом и Парижем из-за длившегося к тому времени уже год дипломатического конфликта, вызванного подачей во Франции исков с обвинениями в применении пыток в адрес ряда высокопоставленных должностных лиц королев-

ства, включая шефа контрразведки А. Хаммуши, 11 января 2015 г. министр иностранных дел С. Мезуар принял решение не участвовать в марше против терроризма в Париже, организованном в знак солидарности с погибшими при атаке на редакцию еженедельника «Шарли Эбдо». Как утверждалось в коммюнике посольства Марокко в Париже, такое решение было принято «по причине присутствия богохульных карикатур» на пророка среди участников шествия. Марокканская делегация ограничилась лишь принесением соболезнований в Елисейском дворце. Марокканского министра также принял его французский коллега Л. Фабиус.

15 января 2015 г. глава МИД Франции Л. Фабиус объявил, что в ближайшее время посетит Марокко с тем, чтобы попытаться восстановить двустороннее взаимодействие в сферах юстиции и безопасности, фактически свернутое годом ранее. Две страны нуждались в этом с учетом международной обстановки и террористической угрозы со стороны ИГ.

Со своей стороны, чтобы подчеркнуть стремление Марокко преодолеть кризис в двухсторонних отношениях, 19 января глава МИД королевства С. Мезуар объявил о намерении посетить Францию «в ближайшие дни». Однако уже 21 января в Рабате было объявлено о переносе этого визита «из-за отсутствия продвижения вперед в дискуссиях», призванных привести к урегулированию дипломатического кризиса. Как заявил день спустя представитель правительства Мустафа аль-Хальфи, перенос сроков визита призван «дать больше времени на урегулирование спорных досье».

28 января премьер-министр Франции Манюэль Вальс призвал Париж и Рабат преодолеть период охлаждения в отношениях между двумя странами, возникший из-за «ряда недопониманий».

31 января 2015 г., похоже, кризис в марокканско-французских отношениях формально был преодолен. В тот день в Париже министры юстиции двух стран дого-

ворились о «немедленном» возобновлении сотрудничества в сферах юстиции и безопасности.

Однако этот кризис тут же получил дальнейшее развитие на других треках.

Уже 1 апреля 2016 г. вновь напомнило о себе дело боксера марокканского происхождения З. Мумни, которое долгое время отравляло мароккано-французские отношения после того, как тот подал во Франции иск в связи с применением в Марокко против него пыток (как утверждал истец), выбрав в качестве ответчика главу контрразведывательной службы королевства DST А. Хаммуши.

1 апреля боксер выступал в суде в роли ответчика по иску марокканских властей, обвинивших его в клевете. Повод для подачи иска дал З. Мумни. В заявлениях для двух телеканалов, сделанных 11 января 2015 г. после терактов в Париже в разгар антитеррористической манифестации, он осудил постоянное присутствие в Париже представителей марокканских властей. При этом утверждал, что «там им не место». Он вновь сообщил, что в Марокко ранее подвергся «похищению, изоляции и пыткам», в очередной раз вспомнив про шефа DST.

Тогда против А. Хаммуши во Франции было подано еще несколько исков, что повлекло за собой серьезный дипломатический кризис между Рабатом и Парижем. Дело дошло до проникновения французских полицейских в резиденцию посла Марокко в Париже, где они хотели вручить А. Хаммуши повестку о вызове на допрос к судебному следователю.

Париж и Рабат урегулировали кризис лишь к концу 2015 г., возобновив юридическое сотрудничество.

В суде бывший чемпион мира по кикбоксингу поведал, что причиной его злключения стало то, что он несколько раз добивался аудиенции у короля с тем, чтобы осудить коррупцию, по его версии, процветавшую в соответствующей спортивной федерации. В сентябре 2010 г. он был похищен агентами DST в аэропорте Рабата. Его затем изолировали в штаб-квартире контрразведки и

в течение 4 дней подвергали пыткам. По его словам, его обнаженного били палкой, использовали электрошокер. На допросах присутствовал «главный», которого он позднее идентифицировал как А. Хаммуши, увидев его по телевизору.

Самого боксера в итоге признали виновным в мошенничестве. Процесс над ним международная правозащитная организация «Хьюман Райтс Уотч» назвала «сфабрикованным». З. Мумни провел в заключении 18 месяцев, после чего был освобожден по королевской амнистии.

В новом процессе после предварительного расследования французское правосудие отклонило марокканский иск, отправив его марокканскому правосудию.

9 июня 2016 г. свою независимость продемонстрировала французская Фемида, заявившая, что иск Рабата против З. Мумни, обвиненного в клевете в связи с его публичными утверждениями о причастности спецслужб королевства и лично шефа марокканской контрразведки DST А. Хаммуши в использовании пыток, «не может быть принят». Парижский суд при этом отметил, что королевство как государство «не может быть приравнено к частному лицу». Правда, при этом французской Фемиде пришлось сослаться на статью 32 закона от (!!!) 29 июля 1881 года. В итоге в вердикте суда отмечалось, что «иск Королевства Марокко против З. Мумни не может быть рассмотрен».

8 марта 2015 г. около 10 тысяч человек приняли участие в прошедшей в Рабате манифестации в защиту прав женщин. Она была организована коллективом активистов, назвавших себя «Равенство и демократия». В ней приняли участие многочисленные женщины и представители оппозиционных партий. Участники акции проследовали к зданию парламента, скандируя лозунги с критикой в адрес премьера – исламиста А. Бенкирана. Они осудили заметное ухудшение ситуации с правами женщин, зафиксированное за предыдущие годы, когда формально у власти в Марокко находилось правительство исламистов.

Согласно официальным данным Верховного комиссариата по планированию, почти каждая вторая марокканка не умеет читать и писать (45,7%), каждые две из трех (62,8%) являются жертвами семейного насилия.

Формально конституция 2011 года, принятая на фоне «арабской весны», предлагала государству «работать для достижения равенства прав мужчин и женщин», требуя от него создать специальную структуру, которая следила бы за соблюдением прав женщин. Однако правительство, в котором заправляли исламисты из ПСР, не торопилось выполнять это требование.

20 мая 2015 г. король Мухаммед VI произвел перестановки в правительстве, которые коснулись пяти министерских постов. В частности, ранее подали в отставку министр по связям с парламентом Эль Хабиб Шубани и министр-делегат по вопросам высшего образования Сумия Бенхалдун. И экс-министр, и экс-министерша представляли в правительстве правившую исламистскую ПСР. Их имена ранее неоднократно звучали в газетных хрониках в связи со скандалом, возникшим вокруг желания Шубани взять себе вторую жену.

Полигамия не запрещена в Марокко, однако ее использование обусловлено жесткими правилами семейного кодекса 2004 г., который требует согласия первой жены на это.

Забегая вперед, стоит отметить, что этот скандал по поводу походов блюстителей нравственности в лице министров-исламистов от ПСР не был последним.

Этих двух министров сменили также представители ПСР – Абдельазиз Эль Омари и Джамия аль-Мусали. Лидер проберберской партии НД М. Лаенсар, уже бывший на должности исполняющего обязанности министра по делам молодежи и спорта, избежал от приставки и.о. Его предшественника на этом посту Мухаммеда Уззина король снял с должности еще в январе 2015 г. после скандала с условиями проведения в Марокко чемпионата мира по футболу среди клубных команд. Портфель мини-

стра по делам градостроительства и оборудования территории, ранее принадлежавший М. Лаенсару, достался другому представителю НД Дрису Мерруну. Пост министра-делегата при Министерстве национального образования занял Халид Берджауи (НД).

12 июня 2015 г. один из парижских судов оправдал марокканского журналиста Ахмеда Беншемси, обвиненного в клевете личным секретарем короля Марокко Мухаммедом аль-Маджиди в связи с публикацией статьи «Огромная коррупция царствует в Марокко».

Конфликт возник еще 26 июня 2012 г., когда французская газета «Монд» опубликовала статью, в которой утверждалось, что «оказавшийся в сложной ситуации американский производитель авиационного оборудования компания Baysys искала партнера, который оказал бы ей финансовую поддержку». В этой связи в Марокко появилась компания Baysys Morocco, в капитале которой участвовал марокканский государственный воздушный перевозчик компания Royal Air Maroc (RAM). При этом утверждалось, что М. аль-Маджиди «использовал свое влияние для того, чтобы получить инвестиции от государственной компании для фирмы, владельцем которой он является» /20/.

По определению суда, журналист представил ему «достаточную доказательную базу».

В любом случае автору статьи не откажешь в смелости. Чего стоит одна фраза – «какой прокурор окажется достаточно сумасшедшим, чтобы начать преследование аль-Маджиди или других членов клики, крышуемой на самом высоком уровне?».

Как представляется (не беря во внимание коррупцию), эта судебная тяжба являлась одним из проявлений борьбы двух авиагигантов – компаний «Эрбас» и «Боинг».

20 июня 2015 г. суд второй инстанции осудил 9 студентов левых взглядов на сроки от 3 до 15 лет тюрьмы за убийство студента – исламиста в Фесе в апреле 2014 г. 21-летний Абдеррахим аль-Хаснауи скончался от полученных ран в ходе массовых столкновений с применением

ем холодного оружия между студентами – леваками и их соучениками – исламистами в университете Феса.

Университет Феса являлся к тому времени одним из последних оплотов левых, большинство других высших учебных заведений королевства уже давно находилось под влиянием исламистов.

30 июня 2015 г. в Женеве перед зданием ООН начал голодовку марокканский журналист Али Лимбарет, лишенный марокканскими властями без каких-либо пояснений марокканского паспорта: ему не стали выдавать новый документ по истечении 25 июня срока действия прежнего. Ранее, в 2012 г., у него было конфисковано национальное удостоверение личности.

Подобный шаг для этого известного журналиста – не первый. В 2003 г. он прибегал к двум аналогичным мерам продолжительностью 50 и 35 суток в знак протеста против его осуждения в рамках судебного процесса по обвинению в «оскорблении короля». Ему было запрещено заниматься журналистской деятельностью на период с апреля 2005 по апрель 2015 г. Действия властей против него он связывал со своим намерением вновь запустить в Марокко издание сатирического еженедельника. Ранее он уже издавал аналогичные еженедельники, однако в 2003 г. они были закрыты, а журналист осужден на 3 года тюрьмы. Год спустя, после многочисленных протестов правозащитников, он был освобожден по королевской амнистии.

30 июля 2015 г. в обращении к нации по случаю 16-й годовщины со дня интронизации король Марокко Мухаммед VI выразил сожаление в связи со сложной ситуацией в «удаленных и анклавных» районах страны. Он призвал правительство разработать некий «план действий» по их приоритетному развитию. Речь шла, в частности, о горных районах Рифа и Атласа, сахарских территориях и оазисах, а также бидонвиях (трущобах) в районах больших городов. Ответственным за эту работу он сделал министра внутренних дел М. Хассада. Речь шла об улучшении

условий жизни свыше 12 млн марокканцев, на что планировалось выделить порядка 50 млрд дирхамов.

Еще одним предсказанием отметился в августе 2015 г. французский географ Лоран Шалар. Сопоставив демографические проблемы и календарь событий «арабской весны», он пришел к выводу, что в Марокко революция может свершиться в период между 2017 и 2020 годами. По мнению француза, всем без исключения революциям «арабской весны» предшествовал наблюдавшийся 25 годами ранее пик рождаемости. В Марокко подобное совпадение пришлось на указанный период. Повсеместно на наблюдавшийся 25 годами ранее пик рождаемости накладывались наличие авторитарных властей и экономический кризис.

4 августа 2015 г. глава МИД Марокко С. Мезуар предписал работникам марокканских консульств, несмотря на начало сезона отпусков, оставаться на своих местах, чтобы наилучшим образом обслужить тех работавших за пределами королевства марокканцев, которые намеревались провести отпуска на своей исторической родине, оставив там свои сбережения. Это предписание стало следствием гнева монарха, которому явно не понравились заевшиеся консульские работники, забывшие, кто их кормит. Для них были отменены отпуска, что полностью нормально в пик потока марокканцев, желающих побывать на исторической родине. Монарх потребовал уволить тех представителей консульского корпуса, которые забыли о своих функциях в угоду личным интересам. Ожидалось, что паковать чемоданы придется примерно 70% работников консульского корпуса.

27 августа 2015 г. двое французских журналистов, писавших о проблемных темах, связанных с Марокко, были арестованы в Париже по обвинению в попытке шантажа короля Марокко Мухаммеда VI. Согласно обвинению, они якобы потребовали от Рабата денег за то, чтобы не публиковать подготовленную ими книгу. Согласно адвокату Эрику Дюпонду-Моретти, защищавшему интересы

Марокко, журналисты якобы потребовали за молчание 3 млн евро.

На сей раз врагами Марокко выступили журналисты 68-летний Эрик Лоран (хорошо известны его книги о короле Хасане II, в частности, «Память короля») и 41-летняя Катрин Грасье. Они уже опубликовали в 2012 году книгу «Король – грабитель» (издательство Seuil) с критикой в адрес Мухаммеда VI, в которой рассказали о бизнес-проектах монарха. Книга не была допущена к продаже в Марокко, после чего местная пресса регулярно представляла обоих как заклятых врагов королевства.

В сентябре 2015 г. эта история получила продолжение. Стало известно, что арест журналистов был осуществлен сразу после их встречи с представителем Марокко в одном из парижских отелей. Причем отрицать что-либо они не могли при всем их желании: как сообщил парижский еженедельник «Жен Африк» (ЖА), на встречу с журналистами их собеседник – вхожий во дворец адвокат Хишам Насири – принес два конверта, в каждом из которых было по 40 тысяч евро, а также звукозаписывающее устройство. Таким образом, журналисты были задержаны с поличным.

Кроме того, в распоряжении ЖА таинственным образом оказались записи телефонных разговоров между Х. Насири и журналистом, которые предвещали передачу денег.

Все записи контактов Э. Лорана и Х. Насири подтвердили одно: инициатором сделки – неиздание книги в обмен на деньги – был журналист.

Э. Лоран позднее объяснил свои действия «семейными» обстоятельствами – болезнью жены. К. Грасье деньги понадобились на занятия любимой страстью – разведением лошадей.

Как уже отмечалось, в этом деле марокканские спецслужбы в очередной раз продемонстрировали свойственное им умение элегантно дискредитировать тех, кого они считают противниками режима.

Тем временем 3 сентября адвокат К. Грасье Эрик Муте обвинил королевство в том, что оно предъявило якобы ложные расшифровки записей встреч журналистов с эмиссаром суверена. Подобное обстоятельство дало ему возможность утверждать, что в этом деле «позволены любые удары». По версии ряда французских изданий, 11 августа состоялся следующий разговор между Э. Лораном и Х. Насири: «Я хочу три.

- Три чего, три тысячи?
- Нет, три миллиона.
- Три миллиона дирхамов?
- Нет, три миллиона евро».

Как утверждал Э. Муте, запись этого разговора не значится «в нашем уголовном деле». Согласно адвокату, версия разговора, имевшаяся в распоряжении полиции, «намного более осторожная». В ходе диалога журналист больше молчал, некоторые моменты встречи не расшифровывались. Согласно этой версии, адвокат спрашивал: «Что вас интересует?». Затем – молчание журналиста, который, как считается, что-то пишет. «Три тысячи в дирхамах?» – снова спрашивает адвокат. Затем Э. Лоран соглашается с суммой в три миллиона евро. При этом он утверждал, что не был инициатором сделки. На этом основании Э. Муте подозревал марокканские спецслужбы в том, что они якобы распространили через СМИ поддельные расшифровки содержания беседы. Он же потребовал от следствия узнать источники других версий беседы между Э. Лораном и Х. Насири.

В любом случае ожидалось, что в этом деле будет еще немало интересных поворотов.

4 сентября 2015 г. в Марокко прошли выборы в местные органы власти. Они должны были стать индикатором доверия марокканцев к формально находившейся у (или при) власти исламистской ПСР за год до парламентских выборов, четыре года спустя после событий «арабской весны», вынудивших короля Мухаммеда VI пойти на пе-

решотр конституции. На волне «арабской весны» ПСР удалось победить на парламентских выборах 2011 года, после чего ее лидер А. Бенкиран был назначен премьер-министром.

Несмотря на то, что ПСР не выполнила свое главное предвыборное обещание в части борьбы с коррупцией, демагогия исламистов никуда не делась, и А. Бенкиран в условиях полного отсутствия альтернативы продолжал пользоваться значительной популярностью среди марокканцев.

Ожидалось, что к урнам на выборах в местные органы власти должны были прийти примерно 15 млн марокканцев. Около 140 тысяч кандидатов оспаривали свыше 32 тысяч мест в региональных и коммунальных ассамблеях. А. Бенкиран заранее объявил, что победа ПСР на этих выборах «была бы логичной».

Среди очевидных заслуг правительства А. Бенкирана к тому времени можно было назвать сокращение дефицита ВВП с 7 до 5% при том, что это было сделано путем проведения мало популярных мер, коснувшихся частичного отказа от поддержки цен на товары первой необходимости. При этом сама реализация этих мер не вызвала бунта населения, что в общем-то было нетипично для Марокко.

А. Бенкирану за 4 года в целом удалось сохранить сбалансированные отношения с дворцом – реальной властью в стране. При этом ПСР избегала критики короля и его советников.

На предыдущих выборах в местные органы власти, которые прошли в 2009 г., победу одержала продворцовая ПИМ, получившая тогда 21% голосов. ПСР на тех выборах добилась более чем скромных результатов – 5,4%. Но впереди была «арабская весна»...

Изначально ожидалось, что главными конкурентами на выборах в местные органы власти станут дворец и исламисты в лице ПИМ и ПСР соответственно. Две оппозиционные организации призвали к бойкоту выборов: самая

влиятельная в Марокко среди исламистских организаций – движение «Аль-Адль валь-Ихсан» и левацкая Партия демократического пути.

Накануне выборов А. Бенкиран всю использовал пресловутый административный ресурс, перемещаясь по стране и ежедневно выступая на митингах сторонников ПСР. Огонь критики он направил на лидера ПИ Х. Шабата и второго человека в ПИМ Ильяса аль-Омари. Не обошлось и без скандалов: исламистам пришлось объяснять, откуда они взяли 30 тысяч евро на аренду самолета «Фалькон-10».

По данным МВД Марокко, в выборах в местные органы власти приняли участие 53,6% марокканцев, имевших право голоса. За голосованием следили около 4 тысяч наблюдателей, в том числе 125 международных.

Согласно предварительным итогам голосования, распространенным 5 сентября, ПСР победила на региональных выборах, но заняла всего третье место на коммунальных выборах. На региональных выборах она получила 25,6% мест (174 из 678). Второе место заняла ПИМ с 19,4% (132 места), третье досталось ПИ – 17,5% (119 мест).

ПСР одержала победу в Марракеше, считавшемся оплотом ПИМ, в бастионе ПИ – Фесе, в Касабланке, Рабате, Агадире и Кенитре, всего – в 9 из 10 крупных городов королевства. В трех самых населенных городах страны – Касабланке, Фесе и Танжере – исламисты получили абсолютное большинство мест.

На коммунальных выборах победу одержала ПИМ, получившая 21,1% голосов и завоевавшая 6655 мест. ПИ была второй – 16,2% голосов (5106 мест), ПСР оказалась третьей – 15,9% голосов (5021 мест). Напомним, что на выборах 2009 года ПСР получила всего 1513 мест. Четвертое и пятое места заняли союзники ПСР по правительственной коалиции – НОН (4408 мест) и НД (3007 мест).

В любом случае можно было констатировать поступательное шествие исламистов, и это не могло не тревожить дворец. Выборы подтвердили поляризацию марок-

канского общества между ПСР и ПИМ, и это тоже было очень тревожно. Причем эта поляризация шла явно в пользу исламистов в преддверии парламентских выборов 2016 года. Исламисты при этом все больше завоевывали города и средний класс, а ПИМ благодаря административному ресурсу получала поддержку в сельских районах. Показательно, что ПСР, дистанцировавшаяся от родившегося в 2011 году протестного «Движения 20 февраля», в итоге убила это движение, переняв ряд его лозунгов. В любом случае очевидно, что рост влияния ПСР должен был ограничить свободу маневра дворца, и было понятно, что кому-то когда-то придется решать эту проблему.

Очевидным был провал левых партий, в первую очередь ССНС. Ему, судя по всему, не простили конформизм его лидеров в период, когда эта партия была формально у власти. Впервые ССНС не получила ни одного места в муниципалитетах Касабланки и Рабата.

В проигравших оказались все без исключения левые партии. Вместе на коммунальных выборах они получили около 15% мест вместо 21% в 2009 году.

Впрочем, в престижных столичных кварталах Агдаль и Рияд, где живут далеко не бедные люди, Федерация левых демократов была второй, что более чем удивительно. Похоже, что левые идеи начали находить поддержку у марокканцев, получивших хорошее образование.

Тем временем 7 сентября Национальное агентство по борьбе с неграмотностью подтвердило в общем-то известный факт: около 10 млн марокканцев (то есть почти треть населения Марокко) не умеют читать и писать при том, что королевство поставило перед собой задачу решить проблему неграмотности до 2024 года. По данным этой структуры, свыше половины марокканцев старше 15 лет неграмотны.

5 октября 2015 г. префектура Касабланки запретила проведение первого в Марокко фестиваля пива, который намеревалась организовать компания Groupe des Brasseries du Maroc. Префектура мотивировала это ре-

шение тем, что организаторы якобы не соблюли некие юридические нормы. Фестиваль должен был пройти в период с 8 октября до 8 ноября при том, что формально в Марокко продажа алкоголя запрещена для мусульман, составляющих 99,9% населения страны. При этом королевство ежегодно производит свыше 40 млн бутылок прекрасного вина, большинство из которых потребляется в пределах страны, и не только туристами.

Судя по всему, за отменой фестиваля стояли исламисты. С соответствующим призывом выступила близкая по идеологии к правящей ПСР исламистская партия Движение за единство и реформу (ДЕР). В своем коммюнике она охарактеризовала готовившийся фестиваль пива как праздник «в честь матери всех пороков». По ее оценке, это событие в случае его проведения «стало бы рискованным шагом, направленным на очевидную конфронтацию с ценностями и идентичностью марокканцев».

Мэрию Касабланки возглавлял представитель ПСР. В декабре 2015 г. стало очевидным, что террористы и журналисты – две категории людей, которых, судя по действиям марокканских властей, они считали олицетворением зла. Про первых все понятно: с ними боролась вся планета. А вот рассказать про вторых, вернее, про их работу, тогда появилось несколько поводов.

3 декабря марокканские спецслужбы сначала допросили, а затем арестовали журналиста Мухаммеда Дрисси в связи с его якобы участием в съемках документального фильма для французского телеканала Canal+, посвященного проблеме выращивания и торговли каннабисом – «мягким» наркотиком типа марихуаны.

Как сообщил Али Амар – глава электронного ресурса www.ledesk.ma, на который работал журналист, М. Дрисси был арестован в его квартире в Касабланке и помещен в тюрьму близ города Шефшауен на севере Марокко. По его словам, М. Дрисси «не принимал какого-либо участия в съемках и монтаже фильма, а лишь содействовал работе съемочной группы своими связями».

В свою очередь Марк Бердуго, владелец компании Magneto Presse, снимавшей фильм для Canal+, заявил для АФП, что М. Дрисси «ничего не знал о содержании фильма и не принимал участия в его съемке». «Он только дал нам номер телефона одного из крестьян (выращивающего каннабис – авт.)», – сообщил он.

Снятый в Марокко документальный фильм под названием «В королевстве шита» (одно из местных названий каннабиса) был показан по телеканалу Canal+ 18 ноября. Он был посвящен актуальной для Марокко теме производства и контрабанды каннабиса на севере королевства. В нем была, в частности, затронута проблема соучастия в этой контрабанде полицейских и сотрудников береговой охраны, которые, по версии создателей фильма, за взятки закрывали глаза на поток наркотиков, переправляемых в Европу.

Согласно докладу от 2014 г., подготовленному Международной организацией по контролю за наркотиками, Марокко оставалось на «почетном» «первом месте среди производителей каннабиса на континенте, и на одном из первых мест в мире». При этом признавалось, что поток наркотиков марокканского происхождения в Европу имел тенденцию к снижению.

Организация «Репортеры без границ» в начале марта 2015 г. осудила Марокко за «постоянные преследования независимой прессы».

В январе 2016 г. в Марокко заметно выросла социальная напряженность. 7 января в ряде городов страны была применена сила против участников манифестаций – будущих школьных учителей, которых готовили в 40 центрах дополнительного образования. В результате применения силы ранения получили десятки человек. Участники манифестаций требовали отмены двух министерских декретов, один из которых снизил их ежемесячное пособие с 2,4 тысяч дирхамов до 1,2 тысяч, а второй отменил обязательное трудоустройство по завершении подготовки. 24 января тысячи будущих учителей вышли на манифестацию в Рабате. На сей раз их поддержали активисты

основных профобъединений королевства и протестного «Движения 20 февраля».

12 января около 2 тысяч активистов четырех основных профобъединений приняли участие в манифестации протеста против планов правительства, возглавляемого исламистами из ПСР, реализовать непопулярную реформу пенсионной системы. В манифестации, проходившей в центре Рабата перед зданием парламента, приняли участие представители МСТ, ДКТ, ВСМТ и ДФТ. Она стала ответом на принятие 7 января правительством исламистов серии проектов законов относительно реформы пенсионной системы. Для их вхождения в силу они должны были быть одобрены парламентом.

Участники манифестации несли плакаты с требованиями отставки правительства и его главы А. Бенкирана. «Мы протестуем против позиции правительства, которое отвергает переговоры и социальный диалог», – заявил генеральный секретарь МСТ Милуди аль-Мохарик. По его оценке, правительство «хочет заставить заплатить за эту реформу работников и работниц». В случае, если проекты законов были бы приняты парламентом, профобъединения угрожали призвать к всеобщей забастовке.

Планами правительства предусматривалось, в частности, постепенное увеличение к 2019 г. пенсионного возраста с 60 до 63 лет, а также увеличение до 2019 г. пенсионных отчислений с 10 до 14%.

28 января 2016 г. министр информации Марокко Мустафа аль-Хальфи объявил, что парламентские выборы пройдут в стране 7 октября. Они должны были стать вторыми выборами после конституционной реформы, принятой королем Мухаммедом VI в 2011 г. в разгар «арабской весны». Первые выборы, состоявшиеся в 2011 г., выиграла исламистская ПСР.

Предполагалось, что предвыборная кампания стартует 24 сентября и продлится до 6 октября.

В начале января 2016 г. Марокко пошло на очень рискованный шаг. Воспользовавшись низкими ценами на нефть

на мировом рынке, оно отказалось от поддержания цен на бензин и дизельное топливо, пустив их в свободное плавание. Понятно, что тогда это прошло незамеченным для потребителя, поскольку цены на бензоколонках вслед за ценами на нефть на мировом рынке снизились (в отличие от России). Но ведь известна цикличность изменений цен на углеводороды на мировом рынке, и ясно, что так будет не всегда.

15 апреля 2016 г. на Площади ООН в центре Касабланки полиция разогнала немногочисленную манифестацию, участники которой протестовали против бездействия властей в отношении лиц, упоминавшихся в марокканской части международного скандала под названием *Panama Papers*. Они попытались потребовать начать расследование в отношении этих лиц, среди которых значился, в частности, личный секретарь монарха Мунир аль-Маджиди.

18 апреля 2016 г. в Кенитре состоялась манифестация торговцев вразнос, которые потребовали открыть расследование обстоятельств гибели их коллеги. Женщина облила себя бензином и подожгла в знак протеста против захвата ее товара местными властями. За счет торговли вразнос она кормила себя и маленькую дочь.

Напомним, что аналогичный жест отчаяния в конце 2010 г. стал причиной массовых выступлений населения в Тунисе, которые в итоге привели к свержению президента Зин аль-Абидина бен Али.

В мае 2016 г. в Марокко больше всего шума вызвал документальный фильм про короля Мухаммеда VI, созданный по заказу телеканала France 3 журналистом Жаном-Луи Пересом и режиссером Люком Херманном. Лента под названием «Король Марокко, секретное царствование» еще до демонстрации в эфире вызвал противоречивую реакцию. Такие известные в Марокко лица, как Фуад Абдельмумни, Наджиб Акесби, Карим Тази, Али Амар, по всей видимости, осознав, что интервью с ними могли быть использованы по некоему замыслу, заранее поспе-

шили дистанцироваться от создателей фильма. Их не устроило то, что французы дали также слово неизвестной К. Грасье, которая в судебном порядке преследовалась во Франции по обвинению в шантаже марокканского монарха.

Генеральный секретарь правозащитной организации Transparency Maroc Ф. Абдельмумни, университетский преподаватель экономики Н. Акесби, предприниматель и один из организаторов «арабской весны» в Марокко в 2011 г. К. Тази выступили с совместным коммюнике, в котором они отвергли редакционную линию создателей фильма, представленного французским телеканалом как раскрывающего «теневые стороны короля Мухаммеда VI». В этом документе они утверждали, что когда Ж.-Л. Перес вступил с ними в контакт, речь шла об их участии в «серии репортажей об экономике трех стран Магриба». По их версии, «в случае Марокко он хотел наряду с другими темами затронуть вопрос о роли в экономике страны предприятий, принадлежащих королевской семье». Они также утверждали, что после соответствующих интервью не имели никаких новостей об этом проекте вплоть до дня, когда было анонсировано, что «26 мая будет показан документальный фильм, посвященный личному состоянию и бизнесу короля». Их можно понять: в Марокко, согласно законам, личность короля священна и неприкосновенна со всеми вытекающими последствиями в противном случае.

Согласно заверениям марокканцев, они узнали про участие в фильме К. Грасье лишь в последний момент. Эту троицу поддержал журналист А. Амар, заявивший, что «Ж.-Л. Перес никогда не говорил мне, что речь идет о расследовании, построенном на книге К. Грасье и Э. Лорана».

Среди прочих интервьюированных для фильма лиц значились также традиционный критик дворца двоюродный брат монарха принц Мулай Хишам, бывший функционер марокканской прессы Абубакр Джамай (ныне проживает в изгнании во Франции), марокканский журналист

Али Лимбарет (в изгнании в Испании), бывший функционер марокканской прессы Ахмед Беншемси (в изгнании в США), писатель Жиль Перро, автор нашумевшей в свое время книги «Наш друг король», бывший капитан марокканской армии Мустафа Адиб, еще один бывший военный Абдеррахим Мернисси, французский банкир и советник королевского холдинга SNI Жан Пейрелевад.

Июль 2016 г. в Марокко начался с многозначительного предупреждения, с которым через официальное информационное агентство МАП выступило МВД королевства. Оно в специальном коммюнике напомнило, что любые попытки создать помехи на пути следования королевского кортежа являются уголовно наказуемым преступлением. По оценке этого ведомства, такие действия создают опасность как для жизни самого нарушителя спокойствия, так и окружающих.

По данным СМИ, в конце июня в Рабате неизвестный попробовал остановить кортеж, в котором находился монарх, а затем попытался скрыться бегством. Охрана короля задержала его, и, по имеющимся данным, он поскорому получил 1 год тюрьмы.

В начале июля 2016 г., за 3 месяца до назначенных на 7 октября парламентских выборов, появились признаки того, что король Мухаммед VI недоволен действиями премьера – исламиста А. Бенкирана. Последний, демонстрируя свою лояльность по отношению к монарху, позволил себе неоднократные высказывания против марокканской реалии – существования двух «правительств»: одного, сформированного А. Бенкираном на базе исламистской ПСР, и второго, параллельного и неофициального, составленного из советников монарха. Премьер даже стал требовать роспуска продворцовой ПИМ во главе с Фуадом Али аль-Химмой.

Еще один интересный факт показывает, какая «демократия» действовала внутри ПСР. В июле 2016 г. должен был состояться конгресс этой партии, на котором должен был быть переизбран ее лидер. Руководство партии при-

няло решение провести съезд уже после парламентских выборов. Цель этого решения понятна: выгоднее было идти на выборы, имея лидера партии на посту премьера. Однако такое решение в определенной мере лишало законности само нахождение А. Бенкирана на посту премьер-министра, который достался ему как лидеру победившей на парламентских выборах партии.

В августе 2016 г., когда до предстоявших парламентских выборов осталось 2 месяца, появился повод подвести итоги 5-летнего нахождения у власти правительства во главе с А. Бенкираном.

Многие аналитики указывали на более чем посредственные результаты работы кабинета министров во главе с исламистами. Отдельные из них при этом отмечали, что кабинет А. Бенкирана в условиях марокканских реалий не имел всей полноты власти, которая оставалась у монарха.

Говоря о результатах работы исламистов в сфере экономики, аналитики отмечали, что средний показатель экономического роста оказался меньше 3,2% в год, что являлось самым низким показателем начиная с 1960 г. Бюджетный дефицит к 2015 г. вырос до 7,5%. Они же критиковали правительство А. Бенкирана за отсутствие стратегии индустриального развития страны. По их данным, реализация всех проектов, задуманных монархом, осуществлялась со значительным запаздыванием. Так, к середине 2016 г. не были реализованы планы по реформированию системы образования и пенсионной системы. Как иронизировали некоторые аналитики, А. Бенкиран то и дело забывал о своих премьерских обязанностях, зато занимался задачами, которые лежали на нем как на лидере ПСР. В качестве примера они приводили его отношение к женщинам, продиктованное требованиями исламистской морали.

Появление подобной критики в марокканской прессе накануне выборов представлялось не случайным, поскольку у дворца появился повод свести счеты с теми,

кого он не очень-то любил, но с кем был вынужден пойти на сосуществование на фоне «арабской весны».

Показательно, что примерно в это же время выступил министр хабусов и по делам ислама Ахмед Туфик, предупредивший проповедников и имамов, что мечети должны быть вне политики. В циркуляре министерства прямо говорилось, что тот, кто проигнорирует это предписание, будет уволен. Тем из проповедников, кто намеревался выставлять свои кандидатуры на предстоящих выборах, предписывалось сообщить об этом в надзорное ведомство как минимум за месяц до голосования.

Диссонансом по отношению к официальному предписанию прозвучало заявление имама мечети «Хасан II» в Касабланке (она является одной из самых больших в мире) Омара аль-Казабри, который обрушился с яростной критикой на марокканских женщин, «демонстрирующих обнаженность (отдельных частей тела – авт.) как летом, так и зимой». Досталось также «бандитам с большой дороги», которые «борются с защитниками целомудренности» и «не уважают свободу тех, кто выбрал платок или никаб».

Ряд марокканских СМИ тут же подверг критике выступление имама. «Какая муха его укусила?», – задалось вопросом издание Media24. Оно назвало это выступление имама «вызывающим страх и опасным», поскольку «речь идет не об имаме квартальной мечети».

Тем временем «отличились» два вице-президента религиозного крыла правящей исламистской ПСР – «Движения за единство и реформу» (ДЕР). 63-летний Мулай Омар Бенхаммад (женат, отец семерых детей) и 62-летняя Фатима Неджар (вдова, мать шестерых детей) были застигнуты полицией рано утром на одном из пляжей близ Мохаммадии при совершении понятного действия. Как сообщило ДЕР, обоих нарушителей общественной морали вывели из всех руководящих структур Движения. Как заявил Бенхаммад, с его коллегой по ДЕР они связаны отношениями «обычного» брака. В Марокко по-

добное «преступление» уголовно наказуемо. Тем не менее прокурор предоставил обоим нарушителям «временную свободу». Однако женщина должна была предстать перед судом по обвинению в «содействии адюльтеру». Мужчину первоначально не преследовали за адюльтер, поскольку его жена не подала иск. Поскольку парочку взяли с поличным всего за полтора месяца до парламентских выборов, это позволило некоторым лидерам ПСР утверждать, что речь якобы шла о полицейской провокации, призванной дискредитировать исламистскую партию.

Согласно марокканским СМИ, злополучная пара до этого уже 6 месяцев вынашивала планы того, как им узаконить отношения, но против этого выступили их семьи.

По марокканским законам, за внебрачную связь предусмотрено наказание от 1 месяца до 1 года тюрьмы. В итоге и мужчина, и женщина получили по два месяца тюрьмы условно и по штрафу в 500 дирхамов по обвинению в адюльтере, покушении на нравственность и попытке подкупа.

20 августа 2016 г. король Мухаммед VI в обращении к нации по случаю национального праздника – 63-й годовщины «Революции короля и народа» призвал к созданию «единого фронта, чтобы противостоять фанатизму» джихадистов. «Перед лицом распространения обскурантизма, совершаемого от имени религии, все – мусульмане, христиане и евреи – должны создать единый фронт с тем, чтобы противостоять фанатизму и ненависти», – сказал он. По оценке Предводителя верующих (такой религиозный титул имеет монарх), «террористы, которые действуют от имени ислама, – изолированные люди, обреченные на ад». Он также указал на ответственность «ряда групп и исламских инстанций», претендующих на то, что именно они проповедуют «истинный ислам», а на деле способствуют «распространению идеологии экстремизма».

22 августа марокканские власти под страхом уголовного наказания запретили проведение опросов обще-

ственного мнения по политическим вопросам перед парламентскими выборами. Соответствующее коммюнике исходило от МВД страны, которое традиционно отвечало за проведение выборов.

8 сентября 2016 г., за месяц до парламентских выборов, коалиционное правительство Марокко во главе с исламистской ПСР представило «позитивный итог» своей 5-летней работы. Как утверждал на пресс-конференции министр информации и член Политбюро ПСР Мустафа аль-Хальфи, «наш итог почетный и позитивный». По его словам, «мы смогли выполнить наши обещания вопреки трудной конъюнктуре, были осуществлены большие реформы». Согласно его данным, правительство смогло, в частности, улучшить баланс государственных расходов, сократив дефицит бюджета с 7,2% ВВП до 3,5%. При этом он признал, что остаются основные проблемы, связанные с качеством системы образования, здравоохранения, безработицей, особенно среди дипломированных выпускников университетов.

Со своей стороны 13 сентября королевский дворец осудил «опасные» и «безответственные» высказывания министра жилищного строительства Набиля Бенабдаллы, который подверг резкой критике близкого советника монарха Фуада Али аль-Химму, назвав последнего и созданную им в свое время ПИМ «воплощениями авторитаризма». ПИМ рассматривалась как главный соперник ПСР на парламентских выборах, и реакция дворца ясно показала, на чьей он стороне.

19 сентября самое влиятельное в Марокко исламистское движение «Аль-Адль валь-Ихсан» призвало к бойкоту парламентских выборов, отметив, что они всего лишь будут служить «увечиванию деспотизма». «В современном Марокко реальные нити власти остаются в руках королевского дворца, а не в руках правительства», – отмечалось в коммюнике движения.

Как предсказал незадолго до парламентских выборов двоюродный брат монарха Мулай Хишам («Красный

принц»), очередное голосование ничего не изменит в Марокко, где, по его определению, каждый среди власть имущих «делает свой обычный бизнес». По его словам, «ничего не понимающие наблюдатели увидят в этом событии доказательство продвижения в Марокко демократии», но на деле «целью этих выборов является продолжение обычного бизнеса». По его оценке, выборы подтвердят влияние ПСР, однако это влияние будет ограничено «близкими к дворцу партиями». Он категоричен и в другой оценке, согласно которой «ПСР и монархия связаны, как сямские близнецы» /21/. Забегая вперед, надо сказать, что принц не ошибся в своем прогнозе.

22 сентября очередным свидетельством ожесточенной борьбы за власть стал демарш исламиста – министра юстиции Мустафы Рамида против его коллеги по правительству – главы МВД М. Хассада. Представитель ПСР обвинил своего визави, который в марокканских реалиях отвечает за проведение выборов, в том, что тот никак не консультировался с министром юстиции относительно подготовки к голосованию, назвав это как минимум «странным». Это заявление последовало сразу вслед за манифестацией против ПСР, организованной неизвестными ранее в тот же день в Касабланке. Ее участники осудили – и по делу – «исламизацию общества».

25 сентября около 10 тысяч человек приняли участие в состоявшемся в Рабате собрании сторонников ПСР. Днем ранее в стране стартовала предвыборная кампания.

27 сентября 2016 г. в Марокко имели место две мини-революции, связанные с принятием Советом министров двух проектов законов, рожденных на волне «арабской весны». Фактически они означали завершение конституционной реформы, объявленной в 2011 г. Согласно одному из проектов законов, амазиг – язык марокканских берберов – станет официальным, войдя как в систему образования, так и в общественную жизнь. Второй закон впервые за время новейшей истории страны введет в оборот условия реализации права марокканцев на за-

бастовки. Для того, чтобы войти в силу, эти два закона должны быть приняты новым парламентом, сформированным после парламентских выборов.

7 октября 2016 г. в Марокко состоялись парламентские выборы. За 395 мест в Палате представителей боролись около 7 тысяч кандидатов. Свой выбор должны были сделать около 16 млн марокканцев, зарегистрированных в 92 избирательных округах. В выборах намеревались принять участие около 30 партий.

Одной из особенностей выборов было то, что за места в парламенте боролись несколько десятков салафитов, выступавших «под знаменами» некоторых партий, при том, что наиболее одиозным из них было отказано участвовать в выборах в качестве кандидатов на избрание. Тем не менее в списках кандидатов остался Абдельвахаб Рафики (боевой псевдоним – Абу Хафс). Этот бывший радикальный проповедник в свое время получил 30 лет тюрьмы после терактов в Касабланке в 2003 г. Позднее, однако, в 2012 г. он, а также ряд его единомышленников были помилованы монархом, что может говорить о достижении некоей договоренности между дворцом и лидерами салафитов. Известно, что для того, чтобы выйти на свободу, они должны были заявить об отказе от насилия и присягнуть на верность Предводителю верующих, каковым в марокканских реалиях значитесь король Мухаммед VI. На выборы А. Рафики вышел как представитель национал-консервативной ПИ.

Даже выдающая себя за оплот против джихадистов продворцовая ПИМ предоставила свои возможности шейху Аль-Маграуи, в свое время ставшему известным тем, что он издал фетву (религиозное предписание), разрешившую вступать в браки девочкам начиная с 9 лет.

Подобное принятие в политическую игру салафитов, скорее всего, свидетельствовало о некоем частичном пересмотре дворцом его стратегии борьбы против религиозного экстремизма. По оценке марокканского политолога Абдельхакима Абулуза, «на деле салифиты всегда были

оружием в руках государства против религиозных экстремистов и левых».

В любом случае марокканцы должны были сделать выбор между исламистской ПСР и «модернистской» ПИМ, главным аргументом против которой была ее историческая близость с дворцом. Напомним, ПИМ была сформирована в 2008 г. советником монарха и его другом детства Фуадом Али аль-Химмой (в то время ПИМ возглавлял Ильяс аль-Омари). Традиционные левые партии были обречены на поражение из-за конформизма и все той же зависимости от дворца. Новые левые партии еще не успели завоевать должного авторитета в условиях быстрого роста влияния исламистов всех мастей и оттенков. Над выборной баталией стоял обладающий абсолютной властью монарх.

Со своей стороны ПИМ указывала на «катастрофический» итог нахождения ПСР у власти (интересно, а разве он мог быть иным, когда фактически правительство ничего не решало?) и выражала озабоченность «галопирующей исламизацией» общества.

Что касалось ПСР, то ее представители в очень осторожной форме стали говорить, что на смену махзену (системе традиционной правящей элиты в Марокко) пришел тахакум. От арабского хукмат – власть, причем скорее авторитарная, и хукумат – правительство, оба эти слова имеют общий корень х – к – м, появилось тахакум, то есть власть, исходящая от дворца.

К исходу дня голосования МВД страны сообщило, что показатель участия в выборах составил всего 43%, то есть к избирательным урнам пришли менее половины марокканцев. К середине следующего дня было объявлено, что согласно официальным предварительным результатам, победу вновь одержали исламисты из ПСР. Они получили 125 мест в Палате представителей, в то время как ПИМ – только 102. Результаты остальных партий были незначительными. На третьем месте оказалась ПИ, получившая 45 мест, четвертой была НОН – 37 мест.

Остальные места разделили 8 партий, в том числе 2 места получила Федерация демократических левых. Таким образом, стало понятно, что ПСР вновь получит право предложить монарху кандидатуру премьера и сформировать правительство, хотя за нее проголосовали всего 2 млн марокканцев из 15.

Надо сказать, что до последнего момента ПСР не верила в положительный для себя результат. Более того, за несколько часов до объявления предварительных итогов голосования она начала кампанию по осуждению допущенных в ходе выборов нарушений.

Итоги выборов в Марокко можно расценивать по-разному. С одной стороны, по сравнению с голосованием 2011 г. ПСР увеличила свое количество депутатов в Палате представителей со 107 до 125. Однако в этих же временных рамках ПИМ увеличила свое представительство с 47 до 102 мест, более чем удвоив свой результат. Такое соотношение развязывает руки дворцу, который в любой момент может пойти на досрочные парламентские выборы с учетом его административного ресурса.

Согласно конституции, король должен был назначить премьера из числа представителей победившей партии. Это неизбежно означало, что А. Бенкиран будет вновь исполнять обязанности премьера. Однако чтобы иметь парламентское большинство, ему вновь понадобится альянс в Палате представителей. При этом заранее было известно, что альянс между ПСР и ПИМ был исключен.

Уже 10 октября было объявлено, что А. Бенкиран решением монарха вновь возглавит правительство Марокко. Ему же было поручено сформировать новый кабинет. К завершению октября было известно, что в него кроме исламистов войдут ПИ и так называемые коммунисты из ППС.

30 октября 2016 г. вновь пришлось вздрогнуть марокканским властям. В тот день тысячи человек по всей стране вышли на манифестации, чтобы помянуть 30-летнего продавца вразнос рыбы Мохсина Фикри, по-

гибшего в нечистотах в машине по уборке мусора после столкновения со стражами порядка в марокканском городе Эль-Хосейма. Обстоятельства его смерти, снятые на мобильный телефон и распространенные в сети интернет, всколыхнули страну и напомнили похожие события конца 2010 – начала 2011 года в Тунисе, спровоцировавшие «арабскую весну».

В Эль-Хосейме траурный кортеж, растянувшийся на километр, проходил под лозунгами «Преступники, убийцы, террористы» и «Мы продолжим борьбу» и больше походил на политическую манифестацию. Инцидент имел место в момент, когда монарх, совершавший африканское турне, находился в Танзании. Небывалый случай – он был вынужден отправить к месту инцидента главу МВД Мухаммеда Хассада: память о тунисце, поджегшем себя в конце 2010 г. в знак протеста против захвата властями его носимого имущества, не дает спокойно спать кое-кому.

Взрывоопасность инцидента была связана и с тем, что он имел место в регионе Рифа, берберы которого всегда по известным мотивам находились в положении отверженных. В частности, именно там вспыхнуло восстание в 1958 г., сразу после достижения независимости. Оно было жестоко подавлено при участии тогда наследного принца, будущего короля Хасана II.

Власти поторопились вмешаться в ход событий. Уже 1 ноября 11 человек, подозревавшихся в «непредумышленном убийстве», предстали перед следователем. Среди них были, в частности, двое сотрудников МВД, два чиновника Министерства морского рыболовства, представитель ветеринарной службы. По данным следствия, водитель машины включил устройство по уплотнению мусора в момент, когда в заборном устройстве находился М. Фикри, попытавшийся вытащить из коллектора реквизированную у него рыбу – примерно 500 кг эспадона (лов этого вида рыбы запрещен осенью). С этим утверждением были не согласны местные жители, утверждавшие, что речь шла о преднамеренном действии.

6 ноября примерно 1 тысяча человек приняла участие в прошедшей в Рабате манифестации протеста против произвола властей в Эль-Хосейме. В ней выступали активисты проберберских организаций и «Движения 20 февраля». Кроме антиправительственных лозунгов демонстранты несли флаги проберберских организаций. Среди участников акции были замечены многочисленные полицейские в гражданской одежде, однако их коллеги в форме в данном случае оказались показательно сдержанными, что говорило о соответствующем приказе.

11 ноября вновь тысячи людей вышли на улицы Эль-Хосеймы с тем, чтобы потребовать правосудия в отношении убийц М. Фикри. Эта акция в очередной раз показала наэлектризованность марокканского общества и его готовность выступить против существующей системы. Она вновь проходила под проберберскими лозунгами. Более того, ее участники несли флаги Республики Риф – это образование существовало в период с 1922 по 1926 годы и было раздавлено войсками Франции и Испании.

Очередная манифестация в Эль-Хосейме прошла 19 ноября под лозунгами «Свобода!», «Справедливость!», «Да здравствует народ!», «Махзен (название марокканской элиты) нас унижает!». Кроме них у ее участников появились портреты вождя Республики Риф Абделькрима (для тех, кому это имя ничего не говорит, предлагается посмотреть голливудский фильм «Легионер»).

11 декабря 2016 г., на 40-й день со дня трагической кончины в Эль-Хосейме торговца рыбой М. Фикри, на улицы этого города вновь вышли тысячи марокканцев. Манифестация проходила под лозунгами «Свобода!», «Справедливость!», а также под флагами берберов и Республики Риф. В знак солидарности с ее участниками забастовали работники местного порта. Власти не стали публиковать данные о численности участников манифестации.

В ночь на 5 января 2017 г. потребовалось вмешательство сил безопасности для подавления очередной сидячей забастовки в Эль-Хосейме, состоявшейся три

месяца спустя после трагической гибели торговца рыбой М. Фикри. Сила против участников подобных акций была применена впервые.

В феврале 2017 г. продолжились массовые выступления берберов Рифа, спровоцированные гибелью 28 октября 2016 г. М. Фикри, ответственность за которую они возложили на местные власти. 5 февраля в Эль-Хосейме имели место ожесточенные столкновения между участниками манифестации протеста и силами безопасности. По данным официальных источников, в ходе подавления беспорядков ранения получили 30 полицейских. Они же опровергли использование при разгоне манифестации резиновых пуль и слезоточивого газа. Согласно властям, не было произведено даже арестов среди участников манифестации, что явно нетипично для марокканских реалий.

По данным правозащитных организаций, на сей раз участники массовой акции хотели почтить память Абделькрима, лидера берберской Республики Риф. Они утверждали, что силы безопасности блокировали все въезды в Эль-Хосейму с тем, чтобы не допустить прибытия в город крестьян из соседних деревень, которые хотели принять участие в акции.

Надо отметить, что с момента трагической смерти М. Фикри первоначально все манифестации, проводившиеся в Эль-Хосейме, были мирными, без случаев насилия со стороны их участников.

Как сообщил в «Фейсбуке» один из организаторов акции Насер Зафзафи, «активисты собрались с целью представить окончательный документ с требованиями» местного населения, однако «репрессивная машина» помешала этому.

В целом показательно, что власти достаточно долго не применяли силу в отношении участников акций протеста против того, что случилось в Эль-Хосейме. Это означало, что они понимали хрупкость относительного равновесия, существовавшего в стране, где любой перегиб чреват непредсказуемыми последствиями.

Тем не менее манифестации в Эль-Хосейме с каждым разом становились все более политизированными. Их участники выдвигали не только социально-экономические требования, обусловленные традиционной депрессивностью региона Рифа, но и политические, в частности, в защиту берберской идентичности.

В марте 2017 г. никуда не делась напряженность в районе Эль-Хосеймы (Риф). Там в населенном пункте Имзурен 27 марта местные жители атаковали здание местной полиции, причинив ему значительный материальный ущерб. Были сожжены пять полицейских машин. По данным марокканской прессы, в столкновениях десятки полицейских получили ранения. В ответ полиция была вынуждена применить силу и произвести аресты.

Уже 28 марта в отставку был отправлен губернатор провинции Эль-Хосейма Мохаммед Зхар. Как было объявлено, это решение главы МВД должно способствовать «созданию новой атмосферы» в провинции и «ответить ожиданиям жителей в части, касающейся развития региона».

5 мая 2017 г. в интервью французскому информгентству АФП лидер протестного берберского движения 39-летний безработный Насер Зафзафи утверждал, что его движение не является сепаратистским и что оно выдвигает только экономические и социальные требования.

Общаясь с французами под портретом Абделькрима – вождя Республики Риф (1921–1926), Н. Зафзафи разразился гневной тирадой в адрес центральных властей: «Они побуждали нас эмигрировать в Европу, они пытались настроить марокканцев против нас, они обвиняют нас в наркотрафике или в том, что мы являемся шпионами Алжира. Сегодня они обвиняют нас в том, что мы получаем деньги извне. Если есть доказательства этого, представьте их».

«В течение шести месяцев наши требования очевидны и законны: надо строить больницы, университеты, объекты инфраструктуры, бороться против лобби в сфере жилищного строительства и мафии в рыболовецких

портах, – обозначил он основные проблемы рифаев. – Мы – дети бедных. Простые люди, которые вышли на улицы, чтобы сказать «нет» тирании. Мы не требуем для себя ничего исключительного, только реабилитации нашего региона, полностью депрессивного в настоящее время».

По его оценке, своими действиями «государство пытается выиграть время». «Но время работает на нас», – утверждал он, предсказав, что скоро на улицы выйдет «миллион человек» /21/.

В тот же день протестное движение, родившееся в октябре 2016 г. в день гибели в Эль-Хосейме торговца рыбой вразнос Мухсина Фикри, получило название «Хирак». Для властей оно было и есть особенно опасным, поскольку опирается на далекое и недавнее прошлое: именно берберы Рифа составили основу воинских формирований Республики Риф, давших в свое время бой Франции и Испании. Не без их помощи Ф. Франко победил в гражданской войне в Испании. Они же первыми подняли восстание в 1958 – 1959 гг. против центральных властей сразу после достижения Марокко независимости.

6 мая 2017 г. в Эль-Хосейме движение «Хирак» прибегло к новой форме протеста, выведя на улицы города несколько тысяч человек на «марш кастрюль». Участники и участницы марша под аккомпанемент грохота, вызванного использованием кастрюль в качестве ударных инструментов, осудили «корруптированное государство». Они скандировали лозунги: «Нет милитаризации», «Нет оскорблениям». «Мы все – Насеры» (от имени Н. Зафзафи, лидера протестного движения). Манифестация прошла без каких-либо инцидентов, поскольку полиция, по всей видимости, получила инструкции не вмешиваться в происходившее.

Уже 7 мая последовало предупреждение от нового губернатора провинции Эль-Хосейма Мухаммеда аль-Якуби о том, что лидерам протестного движения придется отвечать за свои действия перед законом по обвинению

в подстрекательстве к насилию, которого в общем-то не было.

Тем не менее уже 18 мая примерно 5 тысяч жителей Эль-Хосеймы (по официальным данным) вышли на новую манифестацию. Ее участники оценили число вышедших на улицу в 200 тысяч человек. Манифестация была подчеркнута мирной, ее участники избегали каких-либо форм деструктивного выражения их протестных настроений. В дополнение к ставшим уже обычными лозунгам добавилось осуждение исламистского характера действующего правительства. Шествие завершилось без инцидентов.

Днем ранее ситуация в Рифе обсуждалась на заседании Совета министров, на котором с докладом выступил глава МВД. По его итогам правительство подтвердило свое намерение ответить «на законные требования марокканцев» при условии сохранения безопасности и бдительности в отношении «некоторых лиц», стремящихся создать атмосферу «социальной и политической блокады».

22 мая в Эль-Хосейме побывала представительная министерская делегация во главе с министром внутренних дел Абдельуафи Лафтитом. Среди ее участников был замечен, в частности, глава Министерства сельского хозяйства и морского рыболовства А. Аханнуш. По оценке марокканской прессы, все данные указывали на то, что к этому моменту ситуация в Эль-Хосейме стала приоритетом в работе марокканского правительства. СМИ увидели в этом визите очередную попытку возобновить диалог с местным населением. Однако на встречу с министерской делегацией были приглашены порядка 300 представителей только местных властей и общественных организаций. Движение «Хирак» представляли всего несколько человек.

25 мая по итогам визита в Эль-Хосейму глава МВД Марокко А. Лафтит в очередной раз заявил, что развитие северных районов Марокко является «стратегическим приоритетом» для государства, «а не конъюнктурной реакцией на сложившуюся ситуацию».

Тем не менее уже 26 мая власти пошли на обостренные ситуации, объявив об аресте Н. Зафзафи, обвиненного в нарушении общественного порядка во время пятничной молитвы в мечети «Мухаммед V» в Эль-Хосейме. В то же время в окружении главного фрондера сообщили, что ему удалось избежать ареста и скрыться. Уже в 14 часов по местному времени Н. Зафзафи с крыши собственного дома в окружении многочисленных сторонников распространил через интернет следующее заявление: «Я ничего не боюсь. Если они хотят меня арестовать, пусть приходят. Если они меня арестуют, я объявлю голодовку». В то же время он призвал своих сторонников исключительно к мирным акциям.

Как бы признавая, что власти поторопились с объявлением об аресте Н. Зафзафи, 26 мая они же объявили его в розыск. К 27 мая были арестованы свыше 20 наиболее видных активистов движения «Хирак». Их обвинили в покушении на внутреннюю безопасность государства. Как утверждалось в коммюнике прокурора Эль-Хосеймы, арестованные якобы «получали денежные переводы и логистическую поддержку из-за границы с тем, чтобы вести пропагандистскую деятельность, направленную на подрыв целостности королевства».

В ночь с 27 на 28 мая 2017 г. в Эль-Хосейме мирные акции переросли в столкновения с полицией. Манифестации распространились на другие города провинции, и не только. Шествия в поддержку рифаев прошли в Надоре, Танжере, Рабате и Касабланке. Вечером 29 мая в Эль-Хосейме состоялась очередная демонстрация, на сей раз без вмешательства полиции, хотя ее спецподразделения блокировали акцию. Все акции проходили по вечерам, поскольку они пришлись на месяц мусульманского поста рамадан.

Н. Зафзафи был арестован лишь 29 мая. Его тут же перевезли в Касабланку, подальше от Рифа. На следующий день тысячи людей вышли на улицы Эль-Хосеймы с тем, чтобы потребовать освобождения Н. Зафзафи.

В любом случае в части, касающейся берберской фронды, необходимо признать, что власти попытались отреагировать на протестное движение, однако этого явно было уже недостаточно. Необходимы были не проекты, а практические результаты. В противном случае последствия этих протестных действий непредсказуемы. При этом сразу же было замечено, что, как это было и в 2011 г., исламисты в лице «Аль-Адль валь-Ихсан» вроде бы ни при чем, но они пытаются канализировать протестное движение в больших городах со всеми вытекающими возможными последствиями.

Однако вернемся в ноябрь 2016 г. Тогда, месяц спустя после парламентских выборов, на которых вновь победила исламистская ПСР, никуда не делась интрига вокруг создания нового правительства Марокко, которое должен был по поручению монарха сформировать лидер этой партии премьер-министр А. Бенкиран. Ему необходимо было создать дееспособную коалицию при том, что король Мухаммед VI заранее предупредил политические партии о пагубности «арифметических» расчетов.

Известно, что А. Бенкиран в течение месяца после выборов провел консультации с представителями всех политических партий, представленных в парламенте, за исключением продворцовой ПИМ. Напомним, что по итогам голосования ПСР получила 125 мандатов из 395, ПИМ – 102, что сделало фактически Палату представителей (нижняя палата марокканского парламента) двухпартийной. Остальные партии получили незначительное число мест, что осложнило для А. Бенкирана задачу формирования нового парламентского большинства.

К 7 ноября 2016 г. премьер добился согласия на участие в новом кабинете от ППС, ранее входившей в коалицию, а также национал-консервативной ПИ. Последняя состояла в прежнем кабинете до 2013 г., после чего перешла в оппозицию. К той дате А. Бенкиран не сумел убедить НОН, входившее в прежний кабинет, войти в новое правительство. Известно, что новый лидер НОН,

миллиардер и бывший министр сельского хозяйства Азиз Аханнуш выдвинул некие условия премьеру, которые последний не принял. Как заявил А. Бенкиран, он «не поддастся на шантаж никакой партии». По всей видимости, это напрямую относилось к НОН, которое А. Аханнуш возглавил уже после выборов.

По данным прессы, НОН потребовало для себя несколько ключевых министерских портфелей, а также место в будущей коалиции для своего традиционного союзника – партии Конституционный союз. Еще одно условие НОН касалось удаления из новой коалиции ПИ.

Для того, чтобы иметь большинство в парламенте, лидеру ПСР надо опираться на 198 депутатов. Коалиция ПСР-ПИ-ППС не добирала примерно 15 голосов депутатов.

Поскольку новое правительство не появилось и к 20 ноября, в Марокко начали говорить о политическом кризисе. Ранее, 14 ноября, А. Бенкиран обрушился с резкой критикой на лидера НОН, обвинив его в «попытке путча», «блокаде» и «заговоре против воли народа». Ряд СМИ увидел в этом заявлении «признание в провале», а также признаки кризиса в отношениях между ПСР и дворцом. Примечательно, что такой вариант развития событий не предусмотрен конституцией страны, и многое тогда зависело от монарха.

Один из возможных сценариев – назначение новых парламентских выборов. Он представлялся наименее вероятным из-за высокой цены вопроса (необходимо было найти примерно 1 млрд дирхамов), а также связанным с новым голосованием риском того, что ПСР может усилить свои позиции.

8 декабря 2016 г. стало очевидным, что из-за невозможности для А. Бенкирана сформировать новое правительство до конца года не будет принят закон о бюджете на 2017 год. На тот момент проект закона был заблокирован в Палате представителей. Предполагалось, что правительство будет вести текущие дела путем открытия кредитов с помощью декретов. Однако задержка с приня-

тием проекта закона немедленно привела к остановке реализации ряда инфраструктурных проектов в госсекторе.

В начале января 2017 г. после трех месяцев задержки с формированием нового кабинета министров вроде бы ускорился переговорный процесс, направленный на формирование нового правительственного альянса. 4 января глава кабинета А. Бенкиран встретился с лидером партии НОН А. Аханнушем. Это была третья встреча политиков за предшествовавшие 10 дней.

По итогам третьей встречи с А. Бенкираном А. Аханнуш заявил, что получил некое «предложение» от премьера, не раскрывая его деталей. «Мы намерены изучить это предложение с нашими партнерами из КС и НД, после чего сообщим нашу позицию через два дня», – сказал он.

Общение А. Бенкирана с правыми было объяснимо. Для того, чтобы иметь большинство в парламенте, лидеру ПСР надо опираться на 198 депутатов. Ранее предполагавшаяся коалиция ПСР-ПИ-ППС не добирала примерно 15 голосов депутатов. Кроме того, лидер ПИ Хамид Шабат своим неловким заявлением по Мавритании ранее создал дипломатический кризис между Рабатом и Нуакшотом, явно ненужный дворцу. 24 декабря в публичном выступлении лидер ПИ назвал Мавританию «марокканской землей». Это заявление было тут же осуждено МИД Марокко. Даже премьер был вынужден осудить «безответственные» слова своего бывшего союзника. Впрочем, еще до скандала лидер ПИ заявил об отказе его партии участвовать в правительственной коалиции.

Дальше было больше. 9 февраля 2017 г. стало известно, что марокканская Фемида хочет начать расследование относительно заявления лидера ПИ Х. Шабата, утверждавшего в статье, опубликованной на сайте ПИ, что власти якобы хотят ее ликвидировать.

Как стало известно, МВД обратилось в Минюст королевства с требованием начать расследование против Х. Шабата. Что касается злополучной статьи, то она сразу же исчезла с сайта.

Тем временем после встречи с А. Аханнушем премьер встретился с лидером партии НД М. Лаенсаром. По ее завершении генсек НД заявил о своей готовности «согласиться с А. Бенкираном относительно участия в будущем правительстве, если оно будет формироваться на принципе восстановления уходящего большинства». В него входили ПСР, НОН, НД и ППС. При условии восстановления прежней коалиции у нее было бы 201 место при том, что требовалось 198. Это сделало бы парламентское большинство очень хрупким.

6 января 2017 г. премьер объявил, что в новый кабинет войдут ПСР, НОН, НД и ППС. Однако уже 8 января он же заявил об отказе от дальнейших переговоров с НОН и НД, спровоцировав тем самым новый кризис. Однако сложилось впечатление, что этот кризис был заказан из дворца, а его действующими лицами стали НОН и НД, выдвинувшие такие требования, которые были неприемлемы для премьера. Ранее их лидеры указали на необходимость присоединения к коалиции партий КС и ССНС с тем, чтобы сделать парламентское большинство дееспособным.

Уже 11 февраля 2017 г. А. Бенкиран в очередной раз признал, что процесс переговоров о создании новой правительственной коалиции «не движется в нужном направлении». По его словам, этот процесс блокирует партия НОН. Понятно, что она не могла делать это без ведома дворца, которому, похоже, исламисты изрядно надоели за предыдущие 5 лет сосуществования.

Конституция Марокко не предусматривает, что надлежит делать в случае, если глава победившей на выборах партии не может сформировать правительство.

В любом случае очевидно, что если бы дворец хотел скорейшего формирования нового кабинета во главе с А. Бенкираном, он бы принудил к «сосуществованию» то же НОН, всегда имевшее репутацию продворцовой партии. Раз он до тех пор этого не сделал, значит, у него были какие-то свои виды на дальнейшее развитие политической ситуации в Марокко.

15 марта 2017 г. король Марокко Мухаммед VI в очередной раз показал, что он играет главную роль в решении всех дел страны, одним махом закончив продолжавшийся 5 месяцев правительственный кризис. В тот день королевский кабинет объявил, что монарх намерен в кратчайшие сроки назначить нового премьер-министра вместо А. Бенкирана, не сумевшего сформировать новый кабинет. Такая ситуация впервые сложилась в новейшей истории Марокко.

Как отмечалось в коммюнике дворца, «для того, чтобы преодолеть существующую сейчас застывшую ситуацию, король решил в кратчайшие сроки назначить другую политическую фигуру из состава ПСР на пост главы правительства».

ПСР, генеральным секретарем которой являлся на тот момент А. Бенкиран, одержала победу на парламентских выборах 7 октября 2016 г., после чего монарх вновь назначил было его на пост, который он занимал с 2011 г., добившись его на волне «арабской весны». Однако А. Бенкирану не удалось сформировать новую правящую коалицию из-за позиций партий НОН и НД, которые, по всей видимости, получили соответствующий сигнал из дворца. Там крайне нервно отреагировали, в частности, на прозвучавшую из уст несостоявшегося премьера критику российской политики в Сирии при том, что у Рабата и Москвы есть схожие проблемы – Западная Сахара и Крым соответственно.

А. Бенкиран предлагал вернуться к коалиции, существовавшей до октябрьских выборов, однако этой идее воспротивился лидер НОН А. Аханнуш. Похоже, именно ему дворец приготовил роль политика, который будет в дальнейшем противостоять исламистам.

Что касается преемника А. Бенкирана на посту премьера, то марокканские СМИ сразу же назвали имена трех его однопартийцев: Саадэддин аль-Османи, Мустафа Рамид и Азиз Рабах, соответственно номер 2 в иерархии ПСР, бывший министр юстиции и бывший министр оборудования территории.

Достаточно интересной была реакция А. Бенкирана на его отставку. «Не говорят слово «нет» Его Величеству», – сказал он, дав понять реальное место короля в политической системе Марокко. Одновременно он же сообщил о намерении оставить пост главы ПСР.

17 марта 2017 г. король Мухаммед VI назначил на пост премьера 61-летнего С. аль-Османи. Психиатр по образованию, уроженец региона Сус, этот политик уже занимал пост генсека ПСР в период с 2004 по 2008 годы. После победы ПСР на парламентских выборах в 2011 г. с января 2012 г. по октябрь 2013 г. занимал пост главы МИД Марокко. С 2008 г. занимал пост председателя Национального совета ПСР, являясь таким образом фигурой номер 2 в партийной иерархии.

Как отметил в этой связи марокканский политолог Абдалла Тураби, «выбор С. аль-Османи – самый логичный и самый мудрый». «Он пользуется популярностью в своей партии, его уважают другие политики. Он – фигура консенсуса, он против прямых столкновений, и его стиль отличается от стиля А. Бенкирана», – сказал он. По оценке политолога Азиза Шахира, С. аль-Османи воплощает в себе «политическую практику, основанную на консенсусе и компромиссах».

В первом заявлении для прессы в новом качестве С. аль-Османи признал, что перед ним стоит «тяжелая задача в этом особом политическом контексте».

В связи с тем, что С. аль-Османи предстояло решать задачу, которую не смог решить А. Бенкиран, а именно – сформировать правящую коалицию, ПСР сразу же предупредила, что если «условия (участия в кабинете), высказанные некоторыми партиями, останутся в силе, будет сложно сформировать правительство, кто бы ни был назначен во главе его».

Но, похоже, все упиралось именно в фигуру А. Бенкирана.

Уже 18 марта 2017 г. ПСР заявила о своей поддержке С. аль-Османи и призвала к скорейшему формированию

нового кабинета министров. Как сообщил на состоявшейся в Сале закрытой встрече руководства ПСР новый премьер, монарх при встрече с ним сообщил, что хотел бы «продолжить работать с ними (исламистами)».

21 марта С. аль-Османи приступил к консультациям с возможными участниками новой правительственной коалиции. По данным прессы, монарх дал ему 15 дней на формирование кабинета. Уже 25 марта премьер объявил, что в новое правительство войдут представители шести партий – ПСР, НОН, НД, ППС, КС, ССНС. Как заявил С. аль-Османи, распределением министерских портфелей и выработкой правительственной программы займется специальная комиссия. Таким образом, новый премьер пошел на участие в его кабинете ССНС, против чего категорически выступал А. Бенкиран.

В Палате представителей новая коалиция будет пользоваться поддержкой 240 депутатов из 395.

В целом повторное назначение представителя ПСР на пост премьера отразило стремление дворца не допустить возникновения каких-либо протестных движений в стране, чреватых непредсказуемыми последствиями. При этом очевидно, что представительство явно надоевшей дворцу ПСР во власти будет не всегда. Подтверждение тому – появление нового политического тяжеловеса в лице главы НОН. Его подъем, по всей видимости, связан с осознанием дворцом того, что его проект в лице ПИМ – пусть она и заняла второе место на парламентских выборах – по большому счету вряд ли жизнеспособен.

5 апреля 2017 г. король Мухаммед VI утвердил новый состав правительства страны. В кабинет вошли 39 министров, представляющих исламистскую ПСР, либеральное НОН, левые ППС и ССНС, проберберское НД и консервативный КС. В нем стратегические посты сохранились за доверенными лицами дворца, в то время как формально правящая ПСР, победившая в октябре 2016 г. на парламентских выборах, лишилась некоторых ключевых постов.

Несмотря на то, что по итогам выборов ПСР получила 125 депутатских мандатов из 398, то есть больше, чем пять других участников правительственной коалиции, фактически новый кабинет стал правительством технократов, хотя им руководит второе лицо в иерархии ПСР С. аль-Османи.

В целом ПСР потеряла три ключевых портфеля. Исламисты не получили ни одного министерства т.н. суверенитета и довольствовались лишь портфелями второго уровня – транспорта (Абделькадер Амара), энергетики и шахт (Азиз Реббах), занятости (Мохаммед Ятим), по делам семьи (Бассима Хаккауи). Да, количественно они формально выиграли, получив 12 портфелей, но эта победа оказалась нивелированной дворцом, лишившим исламистов ряда ключевых постов.

Министерства суверенитета – иностранных дел, внутренних дел, обороны, ислама и по делам вакуфов – возглавили лица, преданные дворцу, соответственно Насер Бурита, Абдельуафи Лафтит, Абдельлатиф Лудийи (сохранил свой пост) и Ахмед Туфик. Пост министра национального образования достался бывшему главе МВД страны Мохаммеду Хассаду.

Партия НОН, занявшая всего 4-е место по итогам выборов, получила важные министерства экономического пула – промышленности и внешней торговли, сельского хозяйства и морского рыболовства, экономики, а также ключевой пост министра юстиции, на котором ранее находился представитель ПСР.

Лидер НОН миллиардер А. Аханнуш, как и ожидалось, вновь возглавил министерство сельского хозяйства и морского рыболовства.

Такой состав правительства означал явное поражение ПСР, рассчитывавшей, очевидно, на большее. Более того, исламисты даже лишились многого из того, что они получили после выборов 2011 г. И это при том, что они явно сохранили привлекательность в глазах населения

после 5 лет формального нахождения у власти, что подтвердили парламентские выборы.

Подобная расстановка сил в правительстве, а также фактическое отстранение от дел лидера ПСР и бывшего премьера А. Бенкирана, оказавшегося неспособным сформировать правительство, вызвали недовольство в рядах этой партии.

26 апреля 2017 г. Палата представителей выразила доверие новому кабинету министров во главе с С. аль-Османи. Первым приоритетом правительства стало проталкивание проекта закона о бюджете на 2017 год, который ждал своего утверждения 6 месяцев.

Примечательно, что одним из первых шагов нового главы МВД А. Лафтита стала поездка на север Марокко в регион Рифа в г. Эль-Хосейма, бурливший с конца 2016 г., – власти явно понимали их слабое место.

В целом было очевидно, что новое правительство Марокко будет еще более управляемым из дворца, нежели предыдущее. Об этом свидетельствует его состав. Однако главный вопрос в следующем: сколько времени как ПСР, так и дворец будут довольствоваться таким положением? К тому же, судя по всему, взрыв назрел и только ожидает себя ждать. «Доклады DST отмечают, что протестное движение носит всеобщий характер, что оно находится в больших и малых городах, но оно испытывает проблемы с мобилизацией масс. Однозначно, исламисты из «Аль-Адль» вмешиваются все больше и больше в протестное движение. Но перспективы его развития остаются неопределенными», – утверждал О. Брукси /23/.

В любом случае можно констатировать, что перед лицом протестного движения монархия – в целом – смогла приспособиться к сложившейся ситуации, осуществив определенные реформы, связанные, в частности, с языковыми и культурологическими требованиями. Но основные прерогативы монарха – политические, религиозные и военные – сохранились за ним. Таким образом, Мухаммед VI остался главным действующим лицом страны.

ГЛАВА 2

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ

Главной проблемой марокканских властей в течение событий начала 2011 – конца 2016 года было не дать радикальным исламистам канализировать движение общественного протеста. Поводов для подобных опасений было более чем предостаточно. И один из них имел явно внутримарокканское происхождение.

Первый из них проявил себя 28 апреля 2011 г. В тот день в Марракеше был совершен теракт против иностранных туристов. Как уже не раз бывало, террорист выбрал для атаки объект туристической инфраструктуры – часто посещаемое иностранцами кафе «Аргана» на всемирно известной площади Джамаа аль-Фна, в просторечье именуемой «Площадью дураков». В результате подрыва взрывного устройства, приведенного в действие дистанционно, погибли в общей сложности 16 человек, в том числе 8 французов, 2 канадца и 1 голландец. 23 человека, среди которых были россияне, получили ранения.

Теракт 28 апреля в Марракеше стал вторым по тяжести последствий из числа совершившихся в Марокко после терактов 16 мая 2003 года в Касабланке. Тогда погибли 33 человека, а также 12 смертников.

Кстати, за три дня до теракта «Аль-Каида в странах (исламского) Магриба» (АКМ) распространила в интернете видеоклип с угрозами в адрес Марокко. Озвучивший эти угрозы марокканец, скрывавшийся под маской и представившийся боевым псевдонимом Абу Абдеррахман аль-Магриби, утверждал, что эта запись была сделана на территории Алжира.

Немедленно после теракта марокканские власти перевели свои силовые структуры на усиленный вариант несения службы. На въездах во все крупные города страны появились блок-посты полиции. Как заявил глава МВД Марокко Тайеб Шеркауи, «с помощью дружественных и соседних стран мы проведем расследование, чтобы выявить обстоятельства этого преступления и тех, кто его совершил». Подозрение немедленно пало на АКМ. Поскольку в теракте погибло много французов, Париж отправил в помощь марокканцам своих специалистов и экспертов по борьбе с терроризмом.

Со своей стороны министр информации Марокко Халид Насири тут же заверил, что теракт в Марракеше не заставит марокканские власти свернуть с пути начатых ими реформ. Это заявление прозвучало очень кстати, поскольку оно на корню пресекло рассуждения некоторых лиц, утверждавших, что теракт в Марракеше косвенно оказался на руку Рабату или, по крайней мере, «определенным кругам», поскольку, по их логике, он мог быть оправданием кампании «закручивания гаек» в условиях, когда в королевстве по примеру ряда других стран стало разрываться массовое протестное движение.

День спустя исламистское движение «Аль-Адль валь-Ихсан» поторопилось осудить «варварский» теракт в Марракеше. Побудительные мотивы такого шага были очевидны: в мае 2003 г. после теракта в Касабланке власти без особого разбора обрушили кампанию репрессий на исламистское движение в целом.

«Мы осуждаем этот варварский акт, кем бы ни были его заказчики и исполнители, и подтверждаем, что отвергаем любую форму насилия»- утверждалось в коммюнике организации. В документе выражалась надежда, что нарушения прав человека, которые последовали после терактов в Касабланке, на сей раз не повторятся.

Согласно оценке близкого к властям марокканского политолога Мухаммеда Дарифа, организация «Справедливость и благочестие» насчитывала тогда до 40 тысяч

активных сторонников. Само движение утверждало, что пользуется поддержкой по меньшей мере 200 тысяч марокканцев. Кстати, в свое время исламисты из «Аль-Адль валь-Ихсан» вместе с крайне левыми составили два основных центра влияния в «Движении 20 февраля» – организации, которая пыталась канализировать массовые акции протеста марокканцев.

В первые дни мая 2011 г. марокканская пресса продолжила расследование обстоятельств теракта, совершенного 28 апреля в Марракеше и унесшего жизни 17 человек, в том числе 8 французов. Как сообщил газете «Ожурд`уи ле Марок» политолог М. Дариф, «были по меньшей мере 4 версии происшедшего, причем две из них связаны с «Аль-Каидой». Третью версию он связывал с «определенными силами внутри страны или вне ее, которые хотели бы заблокировать развертываемый в настоящее время процесс строительства правового государства в Марокко». Четвертая версия, считал М. Дариф, могла быть связана с сепаратистами из Фронта ПОЛИСАРИО, которые этим актом хотели бы показать, что Марокко «не в состоянии обеспечить стабильность на своей территории».

Третьей версии в той или иной форме придерживались и многие активисты «Движения 20 февраля», которые утверждали, что теракт якобы был организован марокканскими спецслужбами с тем, чтобы заблокировать процесс демократических преобразований.

Тем временем марокканские спецслужбы приступили к допросам главного подозреваемого в совершении теракта в Марракеше – некоего Адила аль-Атмани. 25-летний житель марокканского города Сафи взял всю вину на себя, заявив 11 мая, что ставил своей целью убийство иностранцев и что тщательно выбирал место теракта. Сам А. аль-Атмани назвал себя сторонником «Аль-Каиды». По его словам, он действовал согласно своим убеждениям. В день теракта он сначала пришел в «Кафе де Франс», также находящееся на площади Джамаа аль-Фна, но там

было «мало иностранцев». Поэтому он направился в кафе «Аргана», где и оставил взрывное устройство.

Вместе с А. аль-Атмани были задержаны еще двое жителей Сафи – 41-летний Хаким Дах и 28-летний Абдессамед Битар, о чем марокканские власти объявили 5 мая. По данным полиции, все трое были сторонниками «Аль-Каиды» при том, что действующая в регионе АКМ заявила, что не имела никакого отношения к теракту в Марракеше. Как утверждал в связи с арестом подозреваемых глава МВД Марокко Т. Шеркауи, было установлено, что А. аль-Атмани одно время проживал в Ливии, откуда был выдворен в 2008 г. По данным министра, в намерения А. аль-Атмани входило из Ливии отправиться на джихад в Ирак или в Чечню. Ранее его арестовывали в Португалии в 2004 г. и в Сирии в 2007 г. и всякий раз выдавали марокканским властям, признал Т. Шеркауи. Остается загадкой, почему марокканские власти не обратили внимания на этого человека, хотя очень сильные подозрения на этот счет имеются.

Похоже, что марокканские силовики в мае 2011 г. опасались новых терактов. В качестве превентивных мер они пошли на устройство блок-постов на въездах в города и усиление полицейского режима в туристических центрах. В любом случае необходимо признать, что в тот раз марокканские власти не стали прибегать к массовым арестам среди исламистов, как они это сделали после терактов в 2003 г.

18 августа 2011 г. продолжился и тут же был перенесен на 22 сентября судебный процесс над 9 лицами, подозревавшимися в причастности к теракту 28 апреля в Марракеше. Как объявило сразу после теракта МВД страны, один из подозреваемых «находился под сильным влиянием исламистской идеологии и открыто заявлял о своей принадлежности к «Аль-Каиде».

20 октября в ходе судебного процесса над подозреваемыми в причастности к подготовке и совершению теракта против иностранных туристов в Марракеше королевский

прокурор потребовал смертной казни для главного подозреваемого и одного из его сообщников. Высшая мера наказания предусмотрена марокканским Уголовным кодексом. Однако на практике она не применяется с 1992 г.

Тем временем адвокаты родственников погибших в результате теракта (всего тогда погибли 17 человек, в том числе 8 французов и 3 швейцарца) сообщили, что потерпевшую сторону удовлетворило бы наказание в виде пожизненного заключения. «Доказательства виновности подозреваемых собраны. Родственники погибших требуют максимальных сроков тюремного заключения, но не смертной казни», – заявил один из адвокатов потерпевшей стороны марокканец Омар Абу Зохор. Такую же точку зрения изложил его французский коллега Франк Берпон. «Защитите марокканскую демократию. Не приговаривайте их к смерти, потому что в этом случае они хотя бы выглядели шахидами (умершими за веру). Не предоставляйте им такой возможности. Их деяния заслуживают пожизненного заключения. Надо, чтобы они завершили свою жизнь в забвении», – сказал он, обращаясь к судьям.

28 октября 2011 г. процесс завершился вынесением высшей меры наказания исполнителю теракта и пожизненного заключения – одному из его сообщников. Еще четыре злоумышленника получили по четыре года тюрьмы каждый, трое – по два года тюрьмы. Столь незначительные сроки для соучастников преступника вызвали протесты среди присутствовавших на процессе французов – родственников погибших. «Это недопустимо и неприемлемо присуждать всего по 4 года тюрьмы для сообщников. Это означает, что вы помогаете террористам-убийцам. Мы потеряли доверие к марокканскому правосудию», – заявила Изабель Девайи – мать 10-летней девочки, погибшей в результате теракта /1/.

4 августа 2011 года в антитеррористическом суде г. Сале начался процесс над 27 марокканцами, арестованными в январе того же года по обвинению «в создании преступного сообщества с целью подготовки терактов

на территории Марокко». Как объявило в начале 2011 г. МВД королевства, в составе этой группы был, в частности, участник АКМ, целью которого было превратить Марокко «в тыловую базу для совершения терактов». Аресты участников этой группы были проведены сразу после обнаружения в районе Амгалы (сахарские провинции Марокко) крупного склада оружия.

1 октября 2011 г. марокканская полиция объявила о нейтрализации «террористической ячейки» из пяти человек, которые использовали интернет для установления связей с «Аль-Каидой». Как отмечалось в коммюнике полиции, «участники этой террористической группы принесли присягу на верность новому главарю «Аль-Каиды» Айману аз-Завахири и установили тесные контакты с ячейками «Аль-Каиды» в Сирии, Ираке, Турции, Йемене и Сомали». Им также вменялось в вину использование поддельных банковских карт, с помощью которых им удалось обналичить значительные суммы денег.

В противостоянии с радикалами дворец в целом умело использовал политику «кнута и пряника». 4 февраля 2012 г. в связи с религиозным праздником – днем рождения пророка Мухаммеда король Мухаммед VI помиловал 458 человек. Среди них, в частности, оказались три радикальных проповедника, ранее состоявших в группировке «Ас-Салафия аль-Джихадия». Странники этой группировки неоднократно подвергались преследованиям за предыдущее десятилетие по обвинениям в попытках нанести ущерб безопасности государства. Что касается упомянутых проповедников, то Хасан Кеттани, Мохаммед Рафики (боевой псевдоним – Абу Хафс) и Омар Хаддуши были осуждены в сентябре 2003 г. на 25, 20 и 30 лет соответственно. Процесс над ними состоялся сразу после терактов в Касабланке в мае 2003 г., в результате которых погибли 45 человек, в том числе 14 боевиков-смертников.

Среди помилованных монархом оказались также 7 активистов протестного «Движения 20 февраля».

Также 4 февраля 2012 г. МВД Марокко объявило о нейтрализации «ячейки, связанной с Партией исламского освобождения (ПИО)» – международной террористической структурой, внесенной рядом стран в списки террористических организаций. Марокканские спецслужбы арестовали троих участников этой ячейки. Один из них – «датчанин марокканского происхождения – был направлен ПИО в Марокко с целью контроля за реализацией плана, призванного нанести ущерб безопасности и стабильности страны, а также для вербовки максимально большего числа сторонников» /2/.

Тогда же, в феврале 2012 г., состоялся приговор, вынесенный антитеррористическим трибуналом в Сале в отношении 27 марокканцев, арестованных в 2011 г. по обвинению в попытках подготовки терактов в Марокко по заказу АКМ. При этом на юге сахарских провинций в районе населенного пункта Амгала был обнаружен склад боеприпасов этой группы. Проходившие по этому делу получили от 1 до 6 лет тюрьмы.

5 мая 2012 г. МВД Марокко объявило о нейтрализации «террористической сети», действовавшей в нескольких городах страны и поддерживавшей связь с АКМ. Как отмечалось в коммюнике МВД, руководство ликвидированной «сетью» осуществлял «влиятельный» активист террористической организации, именующей себя «Движение муджахидинов в Марокко» (ДММ). Он «находился в национальном и международном розыске по обвинениям в причастности к ряду терактов и попыткам покушения на внутреннюю безопасность королевства».

По оценкам представителей марокканских спецслужб, малоизвестное в Марокко ДММ представляло собой «хорошо организованную и очень опасную структуру». По их данным, главарь разгромленной «сети» «поддерживал связи с международными террористическими группировками, он сумел организовать ввоз в Марокко большой партии оружия и взрывчатки с целью проведения террористических актов». В коммюнике сообщалось, что участ-

ники этой «сети» в ближайшее время предстанут перед судом.

1 ноября 2012 г. МВД Марокко объявило об аресте 9 участников террористической группы, которые создали тренировочный лагерь в горах Рифа для подготовки терактов против представителей власти. Для финансового обеспечения терактов они планировали серию ограблений торговцев в г. Сале (город-спутник Рабата). В их «послужном» списке – организация ложного блок-поста на одной из автодорог на севере страны, где они под видом полицейских обирали торговцев и контрабандистов. При обысках в местах их проживания была обнаружена символика, подтверждавшая их причастность к АКМ.

Об аресте еще одной группы из 8 человек, готовившихся «совершить акты саботажа на стратегических объектах и объектах туристической инфраструктуры», марокканские власти объявили 5 ноября. Боевики этой группы называли ее «Сторонники шариата в исламском Магрибе». По данным властей, участники группы «устанавливали контакты с террористическими организациями, действующими под знаменами «Аль-Каиды» в регионе Сахеля и на севере Мали». В частности, в ближайшие планы главаря группы входила поездка в зону Сахеля, где он намеревался попросить финансовую поддержку у действующих там исламистских группировок.

24 ноября МВД Марокко объявило о нейтрализации террористической «ячейки», которая занималась вербовкой и подготовкой молодых джихадистов для их последующей отправки на север Мали в ряды формирований АКМ. Аресты участников «ячейки» были произведены в Надоре, Касабланке и Эль-Аюне, то есть в городах, географически достаточно удаленных друг от друга. По данным полиции, активисты «ячейки» к моменту ее нейтрализации уже успели подготовить и отправить в Мали «свыше 20 марокканских добровольцев».

19 января 2013 г. марокканские власти объявили о нейтрализации очередной, пятой по счету начиная

с осени 2012 г., ячейки «Аль-Каиды», занимавшейся вербовкой кандидатов в джихадисты. В этой связи они выразили озабоченность по поводу распространения таких ячеек в Марокко. По данным властей, эти ячейки действовали, в частности, в Танжере и Мекнесе с задачей вербовки молодежи с последующим направлением новобранцев на джихад. При этом не уточнялись страны, куда могли быть направлены молодые джихадисты. Как сообщило МВД, расследование деятельности этих ячеек показало, что в «организации, связанные с «Аль-Каидой», они отправили порядка 40 молодых марокканцев, в том числе двух бывших узников Гуантанамо».

5 мая 2013 г. МВД Марокко сообщило о нейтрализации в Надоре (северо-восток королевства) двух групп, «зараженных идеологией террора». В коммюнике МВД не уточнялась численность этих групп, действовавших под названиями «Аль-Мувахидун» и «Ат-Таухид». По данным марокканских спецслужб, обе эти группы поддерживали контакты с единомышленниками, воевавшими на севере Мали. Двое из числа арестованных ранее уже отбыли наказания «в рамках исполнения закона по борьбе с терроризмом».

Уже 9 мая МВД Марокко сообщило, что арестованные поддерживали связи с единомышленниками в испанском анклав Мелилья и в Бельгии. Утверждалось, что обе группы по идеологии были такфиристскими. Они поставили перед собой цель «развернуть джихад внутри Марокко». Новым явлением как для Марокко, так и, пожалуй, для других стран стало то, что адепты этих двух групп создали в районе н.п. Фархана на севере Марокко частную школу для того, чтобы «заражать детей идеями такфиристов». Тогда же стало известно, что речь шла о 8 арестованных, все – подданные Марокко.

21 июня 2013 г. МВД Испании объявило о нейтрализации в испанском анклав Сеута на севере Марокко связанной с «Аль-Каидой» террористической организации, которая подозревалась в вербовке добровольцев для участия в джихаде в Сирии. В связи с этим делом были

арестованы 8 человек – испанцы марокканского происхождения и «чистые» марокканцы. По данным испанских спецслужб, второй базой для участников группы, действовавшей по инструкциям «Аль-Каиды», был примыкающий к Сеуте марокканский городок Фнидек. По тем же данным, участникам группы удалось отправить из Сеуты и из Марокко «десятки человек, в том числе несовершеннолетних». Некоторые из них уже были зафиксированы как террористы-смертники, погибшие в результате совершенных ими терактов, другие были направлены в лагерь для военной подготовки. В частности, именно один из смертников, завербованных этой группой, совершил теракт 1 июня 2012 г. против базы сирийской армии Ан-Найраб близ Идлиба. Таких испанцы насчитали по меньшей мере 5 человек.

Уже день спустя глава МВД Испании Хорхе Фернандес Диас сообщил, что в общей сложности участникам группы удалось завербовать и отправить в Сирию 50 человек, в том числе «12 – из Сеуты, остальных – из Марокко». Всех вербовщиков группы немедленно отправили на вертолете в Мадрид, где им немедленно было предъявлено обвинение в «принадлежности к террористической организации». По данным министра, всех новоявленных джихадистов перебрасывали в Сирию через территорию Турции (сложно понять возобновившееся «сотрудничество» РФ с этой страной в вопросах борьбы с терроризмом). В Сирии их ожидали формирования группировки «Джабхат ан-Нусра», которая не скрывала своих связей с «Аль-Каидой». Министр также предсказал возможность обострения обстановки в странах Европы после того, как навоевавшись в Сирии, эти джихадисты начнут возвращаться в страны, откуда они выехали.

24 июня испанский судебный следователь Исмаэль Морено назвал имя главаря группы: им был 39-летний Карим Абдессалам Мохаммед.

Понятно, что раскрытие этой группы было лишь верхушкой айсберга. Сколько таких групп действовало и дей-

ствуем на территории двух королевств – сказать трудно. Зато можно вспомнить, что в свое время прежний марокканский режим – и это признано марокканскими СМИ, – мягко говоря, сквозь пальцы смотрел на то, что марокканские исламисты отправлялись на джихад в Афганистан. Похоже, что история повторилась, особенно с учетом позиции Рабата по отношению к гражданской войне в Сирии.

3 сентября 2013 г. МВД Испании объявило об аресте в г. Мелилья (один из двух испанских анклавов на территории Африки) «подозреваемого в терроризме», который был объявлен в международный розыск марокканскими властями. По первоначальным данным испанских спецслужб, подданный Марокко некий Мухаммед аль-Бали являлся «главарем джихадистской ячейки, обосновавшейся в г. Надор» – марокканском городе, граничащем с испанским анклавом Мелилья. Позднее ему предъявили обвинения в том, что он являлся координатором деятельности двух джихадистских ячеек, действовавших в Надоре: «ячейки муджахидинов» и «ячейки таухид». Эти ячейки были частично нейтрализованы марокканскими спецслужбами в мае 2013 г. в ходе операции, которая позволила арестовать 11 человек. Они занимались «рекрутированием радикальных элементов, распространением джихадистской идеологии, финансированием террористических проектов и созданием тренировочных лагерей». В момент нейтрализации этих ячеек аль-Бали, понятно, находился в главном пристанище исламистов всех мастей и народов – в Европе, в частности, в Бельгии.

В сентябре – октябре 2013 г. марокканские власти резко отреагировали на размещение журналистом Али Анузлой в арабоязычной версии информационного сайта Lakome ссылки, через которую можно было выйти на 40-минутный видеоролик АКМ под названием «Марокко – королевство коррупции и деспотизма». Журналист был арестован еще 17 сентября по обвинению в «аполитетике и побуждении к терроризму». Подобную реакцию властей наблюдатели связали с опасениями Рабата от-

носителем ожидавшегося возвращения на родину тех марокканцев, которые отправились воевать в Сирию. Их число тогда оценивалось в 1 тысячу человек. Согласно официальным данным, примерно 90 из них погибли в Сирии. К тому времени процесс возвращения уже начался, причем марокканские джихадисты возвращались, получив хорошую военную подготовку и заряд более чем радикальной идеологии. Что касается журналиста, то 25 октября он получил временную свободу.

5 января 2014 г. испанская полиция арестовала испанского подданного Абдельвахида Садика Мухаммеда, подозревавшегося в причастности к воевавшей в Сирии джихадистской организации «Исламское государство» (ИГ). Он был арестован в аэропорту Малаги, куда прибыл из Стамбула. Арестованный являлся выходцем из испанского анклава Сеута. По данным МВД Испании, он в мае 2013 г. отправился из Марокко через Турцию в Сирию, где прошел подготовку в лагерях ИГ. До этого он состоял в испано-марокканской группе, отправившей несколько десятков проживавших в Сеуте кандидатов в джихадисты в Сирию.

25 января 2014 г. марокканские власти объявили о нейтрализации очередной джихадистской ячейки, действовавшей на севере королевства, а также в Марракеше. Особенностью этой группы было то, что ее главарь до участия в боевых действиях в Афганистане в формированиях «Аль-Каиды» прошел службу в одной из частей испанской армии в Мелилье.

14 марта 2014 г. МВД Испании объявило, что совместными усилиями спецслужб двух королевств ликвидирована действовавшая в Испании и Марокко ячейка, занимавшаяся отправкой джихадистов на войну в Сирии. В общей сложности в двух странах были арестованы 7 человек. В Испании трое были арестованы в Мелилье, один – в Малаге, остальные – в Марокко.

23 марта марокканские спецслужбы объявили об аресте в Рабате гражданина Франции по подозрению в «при-

частности к террористической сети». Личность арестованного не раскрывалась. Было известно, что в отношении него действует международный мандат на арест, инициированный Испанией. По данным марокканских спецслужб, арестованный входил в «террористическую сеть», занимавшуюся рекрутированием добровольцев для их последующей отправки на фронты джихада в Сирию, Мали и Ливию. Ранее марокканские и испанские спецслужбы в ходе совместной операции арестовали семерых участников этой сети, которая, по данным испанских сыщиков, имела свои подразделения в Марокко, Бельгии, Франции, Тунисе, Турции, Ливии, Мали, Индонезии и Сирии.

12 апреля 2014 г. марокканские спецслужбы сообщили о нейтрализации очередной «террористической ячейки», занимавшейся рекрутированием джихадистов для участия в боевых действиях в Сирии. Их отправка на джихад осуществлялась в координации с представителями террористических организаций, связанных с «Аль-Каидой».

25 июня 2014 г. марокканская полиция объявила о нейтрализации «террористической» ячейки, которая занималась рекрутированием и отправкой добровольцев на джихад в Ирак и Сирию. Среди арестованных оказался исламист, который ранее уже попадал за решетку на основании закона о борьбе с терроризмом от 2003 г. По данным полиции, в период с 2011 по 2013 годы в стране было нейтрализовано 18 аналогичных ячеек.

В это время в Марокко быстро росла тревога в связи с начавшимся годом ранее процессом возвращения из Сирии воевавших там марокканцев. По оценкам на то время, в Сирии успели повоевать уже свыше 2 тысяч подданных королевства. Как предупредило в июне 2014 г. МВД Марокко, «марокканские боевики, принимавшие участие в операциях групп, связанных с «Аль-Каидой», приняли решение вернуться в Марокко для совершения терактов». Их предполагаемая численность была такой, что нельзя было исключать, что они будут в состоянии не

просто совершать теракты, а соорганизоваться в отряды, способные вести полномасштабные боевые действия. Тем более, что география Марокко – наличие нескольких горно-лесистых массивов – могла способствовать этому. На момент завершения работы над этой книгой, т.е. на 2017 г., этого пока не случилось.

В июле 2014 г. Марокко реализовало ряд превентивных мер в рамках борьбы против терроризма. 7 июля Марокко объявило, что по просьбе Вашингтона предпринимает повышенные меры безопасности на авиарейсах, направляющихся в США. В первую очередь эти меры коснулись международного аэропорта «Мухаммед V» в Касабланке. Всем пассажирам, намеревавшимся вылететь в США, было предложено в этой связи прибывать в аэропорт пораньше, чтобы успеть пройти все формальности.

Ранее, 2 июля, Министерство внутренней безопасности США объявило об усилении мер безопасности на линиях, связывающих американские аэропорты с рядом стран Северной Африки, Ближнего Востока и Европы.

Эксперты связали эти меры с появлением у террористов взрывчатки, которую невозможно выявить существующими техническими средствами, а также с начавшимся массовым исходом из Сирии иностранных джихадистов.

В частности, во всех странах, принявших повышенные меры безопасности, было запрещено проносить на борт самолета разряженные электронные устройства, которые не включались из-за этого. Считалось, что в них может находиться взрывчатка.

10 июля 2014 г. Марокко объявило об усилении мер безопасности в стране в связи с появлением «серьезной террористической угрозы», связанной «с ростом числа подданных Марокко в рядах джихадистов в Сирии и Ираке». За этой фразой главы МВД Марокко М. Хассада, высказанной в ходе заседания кабинета министров, стояло явное опасение, понятно, не собственно роста числа марокканских джихадистов в указанных странах, а их вероятного массового возвращения на родину. По словам ми-

нистра, «определенное число этих боевиков занимает важные посты в джихадистских организациях, и они не скрывают свои намерения совершить террористические акты в Марокко». По его данным, эти террористы рассчитывают на «поддержку со стороны джихадистских групп, действующих в Северной Африке, а также на помощь тех марокканских экстремистов, которые, находясь в Марокко, присягнули на верность ИГ».

По словам министра, в этих условиях Марокко приняло соответствующие меры с тем, чтобы «обеспечить безопасность марокканцев и их имущества, а также стратегических объектов государства».

Уже 15 июля 2014 г. глава МВД Марокко пошел «на повышение» числа марокканских джихадистов. По его данным, свыше 3 тысяч марокканцев либо лиц с марокканскими корнями (среди них значились представители руководства ИГ) воевали в Ираке и Сирии. К первой категории он отнес 1122 марокканца, ко второй – порядка 2 тысяч человек. По его оценке, лица, принадлежащие ко второй категории, представляли собой большую опасность для королевства, нежели первой, поскольку они являлись обладателями паспортов европейских стран. Последнее обстоятельство облегчало им перемещение по всему миру. По его словам, марокканские джихадисты даже составили «расстрельный» список функционеров королевства, и спецслужбы смогли получить его.

В целом, говоря о развернувшейся тогда в Марокко антитеррористической кампании, следует заметить, что Рабат во многом пожал то, что посеял. Ведь он всегда шел в кильватере политики США в том, что касалось антисирийской риторики, и фактически встал на одну сторону с теми марокканцами, которые – в том числе и под воздействием официальной пропаганды – отправились в Сирию воевать против режима Башара Асада. К сожалению, история кое-кого ничему не научила, ведь уже давно не секрет, что покойный король Хасан II закрывал глаза на то, что марокканцы уезжали в Афганистан воевать против советских войск...

2 августа 2014 г. МВД Франции объявило о задержании в столичном аэропорте им. Шарля де Голля франко-марокканского джихадиста, прибывшего в Париж из Стамбула, откуда он был выдворен турецкими властями. Ему тут же было предъявлено обвинение в создании «организации злоумышленников, готовивших теракты». По данным полиции, 37-летний подозреваемый – уроженец Арлеса на юге Франции. В коммюнике МВД признавалось, что Турция стала «главным транзитным пунктом для кандидатов в джихадисты на их пути в Сирию или Ирак».

14 августа 2014 г. МВД Марокко объявило о нейтрализации джихадистской ячейки, занимавшейся вербовкой добровольцев для действующей в Сирии и Ираке группировки ИГ. Операция проводилась при содействии испанских спецслужб. Кроме того, участники ячейки планировали и активные акции на территории Марокко. Как сообщило со своей стороны МВД Испании, участники ячейки действовали в Тетуане, Фнидеке, Фесе и Сеуте.

В сентябре 2014 г. громкую новость преподнес американский телеканал CNN. Он утверждал (и это утверждение никто не оспорил), что Марокко занимает третье место среди стран, генерировавших исламистов на джихад в Сирию. По данным телеканала, в то время в Сирии воевали свыше 1500 марокканцев. На первом месте в этом списке находился Тунис – 3000 джихадистов, на втором – Саудовская Аравия – 2500. Здесь же стоит заметить, что в Сирии тогда воевали 700 граждан Франции, многие из которых – марокканского происхождения.

Данные CNN оказались того же порядка, что и приведенные главой МВД Марокко, согласно которому в общей сложности на фронты джихада выехали 3 тысячи марокканцев и лиц марокканского происхождения.

В Марокко с понятным страхом ожидали их возвращения на родину. По данным марокканских властей, к тому времени им удалось арестовать свыше 200 марокканцев, вернувшихся в страну после того, как они повоевали в составе отрядов ИГ.

В 2014 г. в Марокко напряженно ждали 11 сентября, ставшего «праздничным» днем для террористов всех мастей и оттенков. Это напряжение усилилось в связи с тем, что по данным ряда СМИ, ливийские террористические группировки «Аль-Мулатамун» и «Ансар аш-Шариа» подготовили двух боевиков (британца с венгерскими корнями и марокканца) для повторения воздушной атаки, аналогичной 11 сентября 2001 года против Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, с использованием авиалайнеров, захваченных ливийскими исламистами при взятии международного аэропорта в Триполи. Предполагалось, что для атаки будут выбраны цели в странах Северной Африки.

12 сентября 2014 г. власти объявили о нейтрализации очередной «террористической ячейки», которая занималась отправкой будущих джихадистов в Сирию и Ирак для участия в боях в рядах ИГ. Во главе группы стоял преподаватель одного из университетов. Семь ее участников были арестованы в Фесе, Уатат эль-Хадже и Зайу. Кроме отправки новобранцев на фронты джихада они готовили теракты в самом Марокко. 23 сентября участники группы были осуждены к тюремному заключению сроком от одного до четырех лет.

15 сентября 2014 г. марокканские СМИ сообщили о готовившемся ужесточении антитеррористического законодательства в части, касающейся ответственности за вербовку и отправку добровольцев на фронты джихада. Предполагалось, в частности, ввести уголовную ответственность за присоединение или попытку присоединения к террористической организации, даже если ее акции не направлены против Марокко и его интересов. Уже 18 сентября правительство Марокко одобрило проект нового антитеррористического закона.

27 сентября 2014 г. стало известно об аресте членов еще одной джихадистской ячейки. 9 ее участников были арестованы в Надоре и испанском анклав Мелилья по обвинению в рекрутировании бойцов для ИГ. 29 сентября

МВД Марокко сообщило, что ранее участники группы приняли решение примкнуть к аффилированной с ИГ организации «Джунд аль-Халифа», взявшей на себя ответственность за предшествовавшее убийство француза Эрве Гурделя в Алжире.

Тогда же стало известно, что американский госдеп внес в список террористических организаций состоящую преимущественно из марокканцев группу «Харакат Шам аль-Ислам». Про эту группу известно, что ее боевики воевали в Сирии бок о бок с сирийской ветвью «Аль-Каиды». Некоторое время ее возглавлял некий Брахим Беншекрун (боевой псевдоним – Абу Хамза аль-Магриби), погибший затем в Сирии. Он, а также двое его соратников попали в плен к американцам в 2001 г. в Афганистане, до 2004 г. сидели в тюрьме в Гуантанамо, а затем были освобождены... по требованию Рабата: они ведь не совершали никаких преступлений в Марокко! Сразу после освобождения они и создали свою организацию. По американским данным, Б. Беншекрун был одним из главных идеологов Теологической комиссии Воюющей исламской группы – марокканской, но это не помешало его немедленному освобождению по прибытии в Марокко. Власти очень быстро пожалели о сделанном: Беншекрун взялся за старое. В 2007 г. он оказался уже в марокканской тюрьме, однако затем последовало таинственное освобождение. Двое из троицы основателей «Харакат Шам аль-Ислам» погибли в Сирии. Единственный уцелевший – Мухаммед Мазуз, – по имевшимся данным, возглавлял организацию в то время.

Октябрь 2014 г. начался с очередного недоразумения в мароккано-французских отношениях, связанного с включением Марокко в составленный Парижем список из примерно 40 стран, которые французам не рекомендовалось посещать из-за угрозы терроризма. Этот список появился сразу вслед за убийством в Алжире гражданина Франции Эрве Гурделя.

Понятно, что попадание Марокко в этот список немедленно и достаточно больно ударило по туристическому

сектору королевства – второму по значимости при формировании ВВП. Его доля составляет порядка 10%. Ежегодно Марокко посещали примерно 2 млн французов. Немедленно после предупреждения Парижа обвалились заявки на резервацию мест в отелях королевства.

Франция была вынуждена объясняться в ответ на критику, прозвучавшую из Марокко. Ее представители пояснили, что большая часть королевства составляет т.н. зеленую зону, где французам предписывается соблюдать обычную бдительность, и лишь небольшой участок его территории, примыкающий к южной части границы страны с Алжиром, отнесен к желтой зоне, где необходимо соблюдать повышенное внимание.

Тем не менее повсеместно в Марокко французам было рекомендовано соблюдать «самую высокую бдительность» в общественных местах и местах массового скопления людей в связи с террористической угрозой, исходящей из зоны Сахары и Сахеля, а также из-за массового присутствия марокканских джихадистов в Сирии.

Многие французы прислушались к предупреждениям правительства. По данным французских туроператоров, они зафиксировали 15–50%-ное аннулирование ранее сделанных заказов.

23 октября 2014 г. Марокко в лице главы МВД страны М. Хассада потребовало от Франции «исправить несправедливость» и убрать королевство из списка стран, которые французам не рекомендовалось посещать из-за угрозы терроризма. Попадание Марокко в этот список министр назвал «полностью необъяснимым». «Прежде чем включать Марокко в этот список, надо было сперва заняться оценкой рисков в самой Франции. В настоящее время я не уверен, что Франция является более безопасной страной, чем Марокко», – заметил М. Хассад. Забегая вперед, приходится констатировать, что марокканский министр оказался прав в оценке террористической угрозы во Франции.

Случайно или нет, в октябре стало известно, что Франция, в 2013 г. удовлетворявшая 70% потребностей Марокко

в зерне, в 2014 г. потеряла 20% этого рынка. Марокканцы предпочли увеличить закупки зерна в России. При этом утверждалось, что основная причина такого решения – неудовлетворительное качество французского зерна.

Как бы там ни было, 21 октября 2014 г. из публикаций в марокканской прессе стало известно, что опасения Парижа относительно существования террористической угрозы в Марокко разделяет Вашингтон. В частности, госдеп предупредил американцев, проживающих в королевстве, о возможности совершения терактов боевиками ИГ.

9 октября 2014 г. суд г. Сале, занимающийся делами, связанными с террористической активностью, осудил двух марокканцев к трем годам тюрьмы каждого по обвинению в принадлежности к ИГ. Их личности не были объявлены.

До этого, в конце сентября, марокканские власти объявили о нейтрализации на севере страны «террористической ячейки», участники которой хотели отправиться в Алжир, чтобы примкнуть к связанной с ИГ джихадистской группировке, которая взяла на себя ответственность за расправу над Э. Гурделем.

14 октября МВД Марокко объявило об аресте на севере королевства двух человек, обвиненных в пропаганде через интернет в пользу ИГ. Их личности не раскрывались.

Новость следующего дня – марокканские власти задержали в аэропорте Касабланки проживавшего во Франции марокканца, которого сопровождали две его дочери с французскими паспортами двух и четырех лет. Он был обвинен в попытке вступить в ряды ИГ, для чего намеревался пробраться в Сирию через Турцию. Во Франции этот человек, представленный инициалами НР, находился под наблюдением спецслужб. Марокканские спецслужбы утверждали, что в королевстве НР «поддерживал отношения с террористической ячейкой, нейтрализованной 14 августа». На допросах он показал, что эта ячейка «занималась отправкой будущих джихадистов в Сирию и Ирак и находилась в тесном контакте с руководством ИГ.

25 октября в Марокко было объявлено о постепенном развертывании операции «Хадар», проводившейся «для борьбы против различных угроз, стоявших перед королевством, а также для повышения безопасности марокканцев и иностранцев». Еще одна цель операции – обеспечение безопасности стратегических объектов, в частности, аэропортов. К операции привлекались КВС, жандармерия, полиция и Вспомогательные силы. В тексте коммюнике МВД не назывались угрозы, стоявшие перед Марокко, но в королевстве не скрывали озабоченности в связи с тем, что в рядах ИГ воевали свыше 2 тысяч марокканцев и лиц марокканского происхождения.

Известно, что изначально в составе ИГ действовала бригада «Шам аль-Ислам», 80% боевиков которой были выходцами из Марокко. После разгрома этой бригады силами Б. Асада и гибели ее главаря – Ибрагима Беншекруна (боевой псевдоним – Абу Ахмад аль-Магриби) уцелевшие марокканцы были перераспределены среди других бригад ИГ.

28 октября МВД Марокко сообщило об аресте трех лиц – француза, франко-марокканца и алжирца – по обвинению в стремлении воспользоваться Марокко как транзитным пунктом с конечной целью вступить в ряды ИГ. Уже позднее было объявлено, что арестованные намеревались организовать серию нападений на банковские учреждения во Франции и Марокко.

2 ноября 2014 г., неделю спустя после начала операции «Хадар», ИГ пригрозило атаковать школы иностранных миссий в Марокко и работавших в них иностранных преподавателей.

3 ноября МВД Марокко объявило о нейтрализации в Танжере очередной террористической ячейки. Она состояла из четырех человек. Возглавлял группу ветеран боевых действий в Сирии.

13 ноября МВД отрапортовало об аресте четырех «исламистов» с французскими паспортами, связанных с «террористическими организациями». Их аресты были

осуществлены в Марракеше и Эль-Аюне. Один из арестованных привлек внимание марокканских спецслужб тем, что «собирал информацию об общественных местах», а второй «совершал подозрительное перемещение из Египта в Йемен» через Марокко.

Новое сообщение МВД об очередных арестах последовало 15 ноября. На сей раз в Марракеше арестовали 5 человек, подозревавшихся в террористической активности в Марокко и стремлении выехать из страны и примкнуть к ИГ для участия в боевых действиях в Ираке или Сирии.

16 ноября 2014 г. трое марокканцев, представившихся «солдатами ИГ в Марокко», распространили в Ю-тьюб видеоролик, в котором призвали обитателей г. Беркан не слушать выступления «улемов султана и агентов сионизма».

23 ноября МВД Марокко объявило об аресте шести человек после того, как в интернете был распространен ролик, объявивший о создании на северо-востоке королевства джихадистской группы, принесшей присягу верности ИГ. Эта группа получила название «Джунд аль-Халифа фи Магриб аль-Акса». По данным МВД, трое из арестованных уже осуждались в 2008 г. по обвинению в реализации террористических проектов, связанных с АКМ. Все арестованные планировали совершить поездку сначала в Ливию, затем – в зону, находящуюся под контролем ИГ, чтобы получить военную подготовку, а затем вернуться в Марокко.

9 декабря 2014 г. Рабат объявил о намерении создать сеть своих культурных центров в странах, где имеются значительные по численности марокканские диаспоры. Считается, что в то время за пределами исторической родины жили около 5 млн марокканцев, из них 80% – в шести европейских странах: Бельгии, Германии, Голландии, Испании, Италии и Франции. Объявленных целей создания такой сети – две. Это – «сохранение национальной идентичности» у марокканцев, а также «продвижение марокканской культуры» в принимающих зарубеж-

ных странах. На самом деле между строк читалась и третья задача – контроль за умами и настроениями марокканцев, проживающих в других странах, что для Рабата становилось все более и более актуальным.

Проект создания сети зарубежных культурных центров был сразу же одобрен правительством страны. Никто, правда, не раскрывал бюджет проекта, реализовать который должно было Министерство по делам марокканцев, проживающих за границей. Зарубежные культурные центры получили название «Дар аль-Магриб» («Дома Марокко»). К тому времени первый «Дом Марокко» уже работал в Монреале, второй готовился к открытию в Амстердаме.

16 декабря 2014 г. Испания и Марокко объявили о нейтрализации террористической сети, занимавшейся вербовкой молодых женщин для дальнейшего использования в интересах ИГ. Участники этой сети работали главным образом в испанских анклавах Сеута и Мелилья. В общей сложности в Барселоне, Сеуте, Мелилье и Фнидеке были арестованы 9 человек. По данным марокканских спецслужб, все участники сети были связаны с марокканцами, воевавшими в составе формирований ИГ. В их планы входило совершение терактов на территории Марокко.

27 декабря 2014 г. антитеррористический суд в Сале приговорил к длительным срокам тюремного заключения 10 человек, обвиненных в вербовании боевиков и их дальнейшей отправке на фронты джихада в Ирак и Сирию. Трое из числа осужденных получили по пять лет тюрьмы. Про одного из этой тройки было известно, что он уже успел повоевать в рядах формирований ИГ и вернулся в Марокко после ранения.

Марокканские власти не скрывали своих опасений в связи с деятельностью подобных вербовочных структур, поскольку прекрасно понимали, какую опасность могут представлять собой по возвращении на родину те более чем 2 тысячи марокканцев и лиц марокканского проис-

хождения, которые уже воевали к тому времени под знаменами ИГ.

29 декабря того же года в Рабате было объявлено, что арестованные неделей ранее в Танжере 5 участников «преступного сообщества» будут судимы за «преступления, связанные с терроризмом». В частности, им вменялось в вину «создание преступного сообщества с целью подготовки и совершения терактов», «принадлежность к запрещенной религиозной организации», совершение актов «агрессии в общественных местах с использованием холодного оружия».

Проблема терроризма никуда не делась в Марокко и в 2015 г. 13 января марокканские власти объявили о нейтрализации «террористической ячейки» из пяти человек, присягнувшей на верность ИГ и действовавшей в г. Фнидек близ испанского анклава Сеута. Один из участников ячейки отправил на джихад в Сирию своего брата, который погиб там в конце 2014 г. По данным марокканских спецслужб, эта ячейка поддерживала тесные связи с другой группой единомышленников, нейтрализованной в августе 2014 г. на севере Марокко и в г. Фес.

14 января 2015 г. министр-делегат при министре внутренних дел королевства Шарки Драисс заявил, что сотрудничество спецслужб Марокко и Испании по вопросам борьбы против ИГ позволило за несколько предыдущих месяцев нейтрализовать «ряд сетей по рекрутированию джихадистов». По его словам, это удалось сделать благодаря запуску новых механизмов взаимодействия, обеспечивших более высокий уровень обмена информацией.

Спецслужбы двух стран также тесно взаимодействовали в связанных с борьбой с терроризмом вопросах борьбы с незаконной иммиграцией. По данным Ш. Драисса, совместными усилиями удалось остановить порядка 80 штурмов границ испанских анклавов Сеута и Мелилья, нейтрализовать 95 сетей организаторов незаконной переброски иммигрантов в Европу.

17 января 2015 г. МВД Марокко объявило об аресте восьми человек, подозреваемых в причастности к вербовке боевиков для ИГ. Аресты были произведены в городах Мекнес, Эль-Хаджеб и Эль-Хосейма.

25 января 2015 г. марокканские власти объявили об аресте в районе г. Уджда близ границы с Алжиром выходца из этой страны, подозревавшегося в причастности к джихадистской группировке «Джунд аль-Халифа». Ранее эта группировка, присягнувшая на верность ИГ, взяла на себя ответственность за убийство в сентябре 2014 г. француза Э. Гурделя. В момент ареста при алжирце была обнаружена взрывчатка и огнестрельное оружие. Как утверждалось в коммюнике МВД Марокко, этот боевик был направлен в королевство с задачей вербовки адептов идей джихадизма с последующим их направлением в Алжир для прохождения там военной подготовки. В дальнейшем марокканцев планировалось использовать для джихада в странах Магриба и Европы в рамках «стратегии экспансии», принятой ИГ. Не следствием ли этой стратегии стали теракты, последовавшие затем в европейских странах?

5 февраля 2015 г. в суде г. Сала начался процесс над 4 французами, задержанными в ноябре 2014 г. в Марокко по обвинению в терроризме. В ходе первого заседания по этому делу суд отверг прошения французов о предоставлении им временной свободы, оставив их таким образом в тюрьме города – спутника Рабата. В свое время марокканские спецслужбы обвинили четырех «французских исламистов» в связях с «террористическими организациями» в Марракеше и Эль-Аюне. Один из них привлек внимание спецслужб своим «подозрительным поведением при сборе оперативных разведанных об общественных местах», другой – «подозрительными поездками в Египет и Йемен».

10 февраля королевский прокурор при суде второй инстанции Рабата Эль Хасан Эддаки сообщил, что в 2014 г. число возбужденных дел по обвинениям в терроризме

составило 147, что почти на 130% превысило показатель 2013 г. Перед правосудием в 2014 г. предстали 323 человека. В 2013 г. – 138.

19 февраля марокканские власти объявили об аресте трех человек, которые собирались отправиться в Ливию для участия в боевых действиях на стороне ИГ. Все они были выходцами из региона Сиди Беннур.

16 февраля 2015 г. Марокко объявило о «временном приостановлении» всех авиарейсов в Ливию по причинам безопасности. Одновременно был объявлен запрет на прилет в Марокко и пролет над королевством самолетов ливийских авиакомпаний. Эти решения были объявлены в совместном заявлении министерств внутренних дел и оборудования территории, транспорта и логистики.

20 февраля антитеррористический суд в Сале осудил 18 участников «террористической ячейки», нейтрализованной на севере Марокко в январе 2014 г., к тюремному заключению сроком от 3 до 10 лет. Ячейкой руководил испанец марокканского происхождения, прошедший службу в испанской армии в гарнизоне Мелильи, после чего он успел повоевать в формированиях «Аль-Каиды» в Афганистане. Он получил 8 лет тюрьмы.

20 февраля 2015 г. марокканская газета «Аль-Масаа» сообщила, что Пентагон разместил на юге Испании контингент сил специального назначения с соответствующим транспортным обеспечением с тем, чтобы тот мог осуществлять антитеррористические операции в Марокко, Алжире и Тунисе. Утверждалось, что эти операции могут проводиться без предварительного уведомления названных стран, что очень сомнительно, особенно в случае Алжира. Издание полагало, что решение о развертывании подобного контингента принято в Вашингтоне в связи с событиями в Ливии /3/.

24 февраля 2015 г. Испания объявила о нейтрализации сети, которая вербовала молодых женщин для ИГ. Были арестованы 4 человека, в том числе 2 – в испанском анклав Мелилья. Последние оказались специали-

стами IT-технологий, и именно они занимались вербовкой кандидатов в смертницы и клиенток для «браков для удовольствия». Сообщалось, что один из них поддерживал связь с более чем тысячей «клиенток».

26 февраля испанские политологи сообщили, что по соседству с анклавом Сеута близ Фнидека в Марокко действовали небольшие лагеря по подготовке джихадистов, которые затем направлялись в Ирак, Сирию и Мали. Большинство «воспитанников» этих лагерей являлось уроженцами Фнидека и Тетуана. Испанцы предупредили, что начался процесс интенсивного возвращения марокканских джихадистов из Ирака и Сирии со всеми вытекающими последствиями. Они же утверждали, что «возвращенцы», сформировав «спящие ячейки», готовили некую широкомасштабную акцию в Марокко, и это не могло не тревожить марокканские власти.

5 марта 2015 г. марокканские СМИ сообщили о прибытии в страну четырех агентов ФБР, которые допросили отбывавшего 20-летний срок в тюрьме Феса подданного Бельгии относительно методов работы сетей по вербовке джихадистов в Европе. Про узника известно, что ранее он был заочно осужден к 5 годам тюрьмы по делу Малики аль-Аруд – вдовы одного из боевиков, убивших видного афганского полевого командира Масуда. В декабре 2007 г. он оказался в Пакистане, но талибы отказались принять его в свои ряды. По пути в Бельгию он был арестован в 2011 г. в Сирии и по требованию Рабата выдан Марокко, где был осужден по обвинению в терроризме.

В марте 2015 г. в Марокко вновь зазвучала тема ИГ и марокканского присутствия в нем. Как сообщили марокканские СМИ со ссылкой на конфиденциальный доклад индийских спецслужб, число марокканцев, воевавших в рядах ИГ в Сирии и Ираке, выросло к тому времени до 2,5 тыс. человек. Годом ранее их число оценивалось в 1,5 тыс. По данным газеты «Аль-Масаа», марокканцы в рядах ИГ стали третьими по численности после саудовцев (3 тыс. человек) и «россиян» (2,7 тыс.). Ранее публи-

ковались и другие данные, согласно которым на втором месте в этом списке были тунисцы. В то же время констатировалось, что благодаря принимаемым Марокко мерам ряды ИГ пополняли все меньше и меньше марокканцев.

По данным марокканских спецслужб, в то время в рядах ИГ воевали 3 тысячи марокканцев, в том числе 2 тысячи бипатридов.

10 марта 2015 г. власти испанского анклава Сеута объявили об аресте двух джихадистов – испанцев по гражданству, марокканцев по происхождению, – подозревавшихся в принадлежности к «операционной» террористической ячейке, которая готовилась совершить теракты и действовала по приказам ИГ. Ранее, в январе, были арестованы еще 4 участника этой джихадистской ячейки. Испанские спецслужбы тогда отметили их «практическую готовность к совершению терактов». Таким образом, применительно к анклаву речь шла о впервые нейтрализованной операционной ячейке джихадистов. До этого ликвидировались исключительно вербовочные ячейки. Важность этой информации обусловлена тем, что джихадисты, еще относящиеся к «Аль-Каиде», за долго до этого вынашивали планы атаки в Гибралтарском проливе кораблей стран НАТО, включая те из них, которые оснащены атомными энергетическими установками. При этом планировалось использовать брандеры, то есть легкие суда, загруженные взрывчаткой. Эта информация предназначена специально для Главного командования ВМФ России, корабли которой достаточно регулярно проходят через Гибралтар в связи с российской операцией в Сирии.

22 марта 2015 г. Марокко объявило о начале операции на всей территории страны по ликвидации «террористической ячейки», готовившей атаки на политиков и военных от имени ИГ. В частности, в районе Агадира был обнаружен склад с большим количеством оружия и боеприпасов. Операцию проводило только что созданное Центральное бюро криминальных расследований (BCIJ).

Его штаб-квартира обосновалась в Сале. BCIJ находится в ведении DGST (служба контрразведки).

По данным главы BCIJ Абдельхака Хиама, к 23 марта были арестованы 13 человек в возрасте от 19 до 37 лет. Большинство из них учебу завершило на уровне начального образования. Оружие ячейка получала через канал, организованный в Мелилье. Слежка за участниками ячейки велась в течение пяти месяцев.

А. Хиам также сообщил, что с 2002 по 2015 гг. в Марокко были нейтрализованы 132 «террористические ячейки», арестованы 2720 их участников, предотвращены 276 терактов.

1 апреля 2015 г. МВД страны объявило о нейтрализации в г. Фес ячейки, занимавшейся вербовкой добровольцев для их последующей отправки в формирования ИГ, действовавшие в Ираке и Сирии. При этом не уточнялись число участников ячейки и дата проведения операции. В коммюнике утверждалось, что члены группы «получили извне солидное финансирование, предназначенное на необходимые расходы, связанные с переправкой завербованных к местам боевых действий».

Операцию проводило созданное месяцем ранее BCIJ.

2 апреля 2015 г. Министерство по делам ислама и хабусов собрало в Рабате несколько сотен улемов на конференцию, призванную объяснить им разницу между салафизмом и джихадизмом. По оценке главы министерства А. Тауфика, необходимость проведения подобной конференции была вызвана тем, что салафизм – одна из суннитских идеологий, взывающая к возвращению к исламу в его первоначальном виде, «был искажен некоторыми людьми».

В ходе конференции среди ее участников распространялась изданная министерством книга «Салафизм: определение концепции и знание содержания». В ней, в частности, утверждалось, что «войны и конфликты современности являются результатом появления идеологии, которая исключает сдержанность и терпимость,

предписанные шариатом». Как утверждал один из участников конференции, «салафизм был отравлен такфиризмом, и некоторые превратили его в проект разрушения и обезглавливания».

Проведение такой конференции отразило обеспокоенность марокканских властей распространением идей джихадизма в стране.

4 апреля 2015 г. итальянские власти выдворили в Марокко 41-летнего выходца из этой страны, заподозренного в распространении идеологии терроризма. В Италии марокканец пребывал на основании ранее полученного вида на жительство и уже давно попал в поле зрения антитеррористической полиции. По данным главы этого ведомства Марио Папы, всего под надзором этой спецслужбы к тому времени находились почти 4,5 тысяч человек.

8 апреля испанские власти объявили об аресте в Каталонии 9 человек, подозревавшихся в поддержании связей с ИГ. Среди арестованных оказался выходец из Марокко, который намеревался отправить в Сирию двух своих 16-летних сыновей – близнецов. Ранее там уже погиб один из его сыновей.

19 мая 2015 г. марокканские власти объявили об аресте в Касабланке 10 человек, входивших в ячейку, занимающую вербовкой будущих джихадистов для ИГ, и не только. В планы главаря ячейки, действовавшего по указанию руководства ИГ, входило создание «спящих» ячеек на территории королевства, которые впоследствии должны были совершить теракты против «чувствительных» объектов. По данным МВД, нейтрализованная ячейка получала «финансовую и логистическую поддержку со стороны главаря ИГ». Операцию по аресту ее участников проводило ранее созданное Центральное бюро криминальных расследований BCIJ.

3 июня 2015 г. МВД страны сообщило об аресте 9 участников «террористической ячейки», связанной с ИГ. Все они проживали в печально известном квартале Сиди Мумен Касабланки, где в свое время выросли 12 смерт-

ников, совершивших теракты 16 мая 2003 г. в экономической столице Марокко. Согласно коммюнике МВД, участники группы установили контакты с «главарями организации ИГ». В их планы входила «отправка марокканских добровольцев» для участия в боевых действиях на стороне ИГ в Ираке и Сирии.

Среди арестованных значился, в частности, бывший заключенный, осужденный в свое время за принадлежность к «террористической сети, связанной с организацией «Аль-Каида» в Ираке», ставшей в свое время прародительницей ИГ. Согласно коммюнике, «ликвидация этой террористической группы в очередной раз подтвердила решимость ИГ обосноваться в Марокко путем насаждения в стране «спящих» ячеек».

Операция по нейтрализации очередной «террористической ячейки» была выполнена сотрудниками ВСИЖ. 11 июня МВД Марокко сообщило об аресте семи участников террористической группы, которые планировали, в частности, «похищения и физическую ликвидацию» туристов, посещавших курорты королевства. Свои акции они намеревались совершить на северо-востоке страны. По данным ведомства, арестованные заявили о своей принадлежности к ИГ. До этого они успели получить «интенсивную боевую подготовку» в горном районе близ Беркана на востоке Марокко. Операцию по нейтрализации ячейки записало на свой счет ВСИЖ.

13 июня 2015 г. антитеррористический суд в Сале приговорил к 10 годам тюрьмы алжирца, арестованного в Марокко близ г. Уджда в январе того же года по обвинению в принадлежности к джихадистской группировке, «созданию банды с целью совершения терактов», «перевозке взрывчатки и оружия», «незаконном проникновении» в страну. Решением суда предполагалось, что алжирец будет выдворен из Марокко сразу после отбытия наказания.

По данным марокканских спецслужб, этот алжирец состоял в джихадистской группировке «Джунд аль-Халифа». Ранее эта группировка присягнула на верность ИГ.

Алжиро-марокканская граница формально была закрыта к тому времени уже более чем 20 лет. Тем не менее не секрет, что несмотря на принятые двумя странами меры по обеспечению ее герметичности, через нее идут потоки всевозможной контрабанды.

22 июня 2015 г. глава МВД Марокко М. Хассад сообщил, что в период с 2013 по 2015 годы в стране были ликвидированы по меньшей мере 27 террористических ячеек. «Угроза терроризма – реальность для Марокко, как, впрочем, и для других стран», – признал он /4/.

25 июня 2015 г. Госдеп США опубликовал свой ежегодный доклад об угрозе терроризма, согласно авторам которого, безопасности Марокко на тот момент угрожали небольшие террористические группы с ограниченными возможностями. Тем не менее, по их оценке, стране грозила неминуемая опасность со стороны террористов.

Уже 30 июня стало известно, что ИГ призвало своих сторонников в странах Магриба атаковать иностранных туристов. В наибольшей степени этот призыв нес угрозу Марокко и Тунису. В случае последнего это подтвердилось практически немедленно.

В первый день июля 2015 г. власти объявили об аресте трех афганцев. Обладатели фальшивых пакистанских паспортов пытались через аэропорт Марракеша вылететь в Данию. Согласно коммюнике МВД королевства, при них были обнаружены «подозрительные документы джихадистского содержания». В связи с арестом афганцев было начато расследование относительно «существования международной сети по рекрутированию кандидатов для джихада».

2 июля марокканские власти объявили об аресте 9 человек, подозревавшихся в пропаганде джихада и рекрутировании джихадистов для ИГ. Как отмечалось в коммюнике МВД королевства, аресты были проведены в разных городах страны. В нем сообщалось, что подозреваемые «поощряли молодежь к вступлению в ряды ИГ, к овладению навыками обращения с оружием и взрывчаткой».

6 июля марокканская газета «Ахбар аль-Яум» попыталась ответить на вопрос: почему ИГ до сих пор не удалось по-настоящему внедриться в Марокко? Ответ на него дал неназванный офицер полиции в отставке, согласно которому, «компетентность и эффективность марокканских спецслужб» стали главным препятствием для ИГ. По данным издания, им удалось предотвратить по меньшей мере 32 попытки ИГ утвердиться в королевстве.

Еще одна интересная информация относительно активности марокканских спецслужб была распространена 7 июля. Как оказалось, всего за 35 дней, в период между 25 мая и 30 июня, они арестовали свыше 44 тысяч человек по подозрению в совершении различных преступлений. Почти 27 тысяч из них были задержаны в моменты совершения преступлений, что демонстрировало общепризнанный высокий уровень мобильности марокканских спецслужб.

9 июля 2015 г. было объявлено об аресте очередной группы из 8 человек, обвинявшихся в участии в работе вербовочной ячейки, набиравшей новых джихадистов для ИГ. Как следовало из коммюнике МВД королевства, участники этой группы успели отправить десятки будущих боевиков «в координации с элементами, действовавшими на турецко-сирийской границе». Большинству из завербованных была уготована участь смертников.

9 июля сирийские спецслужбы предупредили, что, по их сведениям, ИГ намеревалось нанести очередные террористические удары по Марокко и Египту. По их данным, численность «спящих» ячеек в Египте составляла несколько тысяч человек, их участникам была поставлена задача проникнуть в ряды армии и спецслужб с конечной целью подвести дело к госперевороту в этой стране. Не исключено, что по аналогичному сценарию руководство ИГ видело развитие событий и в Марокко.

11 июля антитеррористический трибунал в Сале приговорил к различным срокам тюремного заключения 12 марокканцев, обвиненных в причастности к «делам,

связанным с терроризмом». «Главный» обвиняемый получил 10 лет тюрьмы, остальные – от 2 до 7 лет. Все осужденные были выходцами из г. Танжер. Они обвинялись в создании банды, которая планировала теракты, а также «нарушала общественный порядок».

17 июля 2015 г. в аэропорте Касабланки марокканские власти арестовали сирийца, заподозренного в принадлежности к ИГ. Повод к подобным подозрениям дал сам сириец, поскольку его документы были признаны фальшивыми. Всего по аналогичным обвинениям за предшествовавший месяц были арестованы пять иностранцев, в том числе «россиянин» азербайджанского происхождения. Можно только предположить, скольким таким эмиссарам ИГ удалось проникнуть на территорию королевства. Как отметили наблюдатели, подобный приток в королевство боевиков ИГ отражал его новую стратегию в отношении Марокко. Что касается арестованных, то они были либо носителями посланий ИГ к различным джихадистским группировкам, либо их задачей было создание «спящих» ячеек на территории Марокко.

24 июля МВД Марокко объявило об аресте двух женщин, обвиненных в принадлежности к ранее нейтрализованной в Танжере джихадистской ячейке, планировавшей совершать теракты от имени ИГ. По данным марокканских спецслужб, обе женщины в прошлом прошли через тренировочные лагеря «Аль-Каиды» на территории Афганистана и Пакистана.

27 июля 2015 г. глава МВД Марокко М. Хассад сообщил, что благодаря превентивным мерам королевских спецслужб за 18 предыдущих месяцев удалось нейтрализовать 30 террористических ячеек, занимавшихся либо рекрутированием джихадистов, либо подготовкой терактов. «Мы делаем все возможное, чтобы угрозы совершения терактов не трансформировались в конкретные действия», – сказал он. По его данным, к тому времени на фронты джихада отправились 1350 марокканцев, 286 из них погибли.

Август 2015 г. в Марокко начался с серьезного предупреждения от французского эксперта Бернара Лугана, согласно которому последствия «ливийской раковой опухоли» и «большая угроза», исходящая от Алжира, должны были сильно повлиять на безопасность королевства в предстоявшие месяцы.

Как утверждал Б. Луган, «в настоящее время Марокко противостоит (натиску джихадистов – авт.), однако уже в ближайшие месяцы королевство рискует стать целью атак новоявленного джихадистского движения «Единство и джихад в Магрибе Аль-Акса (Иерусалима)» (ЕДМИ), которое, как предполагалось, было связано с ИГ». Он отмечал, что такая приверженность ЕДМИ обусловлена тем, что с того времени «Аль-Каиду» некоторые на Западе стали считать «слишком умеренной» исламистской организацией.

Про ЕДМИ к тому времени было известно, что она во многом стала наследницей «Воюющей исламской группы – марокканской» (ВИГ-М), впоследствии примкнувшей к АКМ. На это указывал ее состав: в ЕДМИ вошли главным образом марокканцы и бельгийцы марокканского происхождения, успевшие повоевать в Ираке и Ливии.

Ранее ЕДМИ успела напомнить о себе угрозами в адрес как марокканских «умеренных» исламистов типа министра юстиции М. Рамида, так и в адрес марокканских левых, среди которых запомнился секретарь ССНС Дрис Лахгар. Все они были приговорены к смерти.

Согласно прогнозу Б. Лугана, ситуация в Марокко «будет только ухудшаться, что связано с беспокойными соседями королевства, обустройством ИГ в Ливии, параличом Европы и экономическим, политическим, социальным и моральным кораблекрушением Алжира».

Несколько дней спустя ЕДМИ пригрозила нанести удары в Марокко в преддверии намеченных на 14 сентября выборов в местные органы власти. Первыми в «расстрельном» списке оказались глава МВД М. Хассад и министр юстиции, исламист по убеждениям М. Рамид.

25 августа 2015 г. спецслужбы Марокко и Испании провели совместную операцию на территории двух стран, в ходе которой задержали 14 человек, причастных к сети по вербовке джихадистов для формирований ИГ, воевавших в Сирии и Ираке. Аресты были произведены в Мадриде, а также в марокканских городах Фес (5 человек), Касабланка, Надор (4 человека) и Эль-Хосейма.

12 сентября 2015 г. пришли очередные новости с «антитеррористического фронта». В тот день марокканские сыщики отчитались о нейтрализации «террористической ячейки» из пяти человек. Два дня спустя они сообщили, что захваченное при арестованных оружие поступило в королевство из Алжира. «Арестованные марокканцы ожидали прибытия из Сирии специалиста по изготовлению самодельных взрывных устройств, которые затем планировалось использовать в Марокко для осуществления терактов против известных в обществе людей и значимых мест», – сообщил представитель спецслужб. Эти теракты они планировали осуществить от имени ИГ. Арестованные входили в состав группировки «Джунд аль-Халифа филь-Магриб» («Солдаты халифата в Марокко»).

22 сентября 2015 г. глава МВД Франции Бернар Казнев объявил о выдворении из страны на родину марокканского джихадиста Ахмеда Сахнуни аль-Якуби, который после осуждения на семь лет тюрьмы занялся радикализацией своих сокамерников.

Про С. аль-Якуби известно, что он родился в Касабланке в 1970 году, то есть его вряд ли можно назвать молодым. В 2013 году во Франции он получил семь лет тюрьмы за организацию сети по вербовке добровольцев на фронты джихада. Год спустя его лишили французского паспорта, полученного в 2002 году.

2 октября 2015 г. информационное агентство МАП сообщило, что 19 марокканцев получили от одного до шести лет тюрьмы по обвинениям в причастности к «делам, связанным с терроризмом». Более того, в обвинении утверждалось, что все осужденные уже «совершили тер-

рористические акты» с целью «нанести ущерб общественному порядку».

4 октября МВД Испании объявило об аресте в Испании и Марокко 10 человек, причастных к рекрутированию джихадистов для ИГ. Аресты были произведены в испанских городах Толедо, Бадалона, Ксерако, а также в марокканской Касабланке.

В начале октября 2015 г. странная находка, обнаруженная на мусорной свалке квартала Медиуна в Касабланке переполошила все марокканские спецслужбы. На мусорке нашли чемодан, полный оружия и боеприпасов, включая стреляные гильзы. Поднятые по тревоге спецслужбы в экономической столице королевства в итоге пришли к выводу, что чемодан попал на свалку вместе с отходами из международного аэропорта «Мухаммед V». Кроме автоматического оружия и боеприпасов в чемодане нашли авиабилеты, относящиеся к 2005 г. Судя по всему, некто освободился от опасного груза перед прохождением пограничных формальностей, выбросив чемодан в мусорный бак.

10 октября 2015 г. британская «Дейли Мейл» сообщила, что Лондон в преддверии массового наплыва британских туристов в Марокко, который ожидался в конце октября, направил в королевство контрразведчиков и пиротехников с тем, чтобы те вместе с марокканскими коллегами обеспечили безопасность подданных британской короны. По данным газеты, кроме непосредственной работы «в поле» британские специалисты должны были дать «мастер-классы» их марокканским коллегам. Издание утверждало, что эта мера была предпринята в связи с возросшей угрозой терактов в Марокко. Королевство ежегодно принимает до 500 тысяч британских туристов.

3 ноября 2015 г. испанская полиция объявила об аресте в Мадриде трех марокканцев, подозревавшихся в связях с ИГ. Все трое находились в Испании на законных основаниях. По данным МВД, эти лица в отличие от их ранее арестованных единомышленников не занима-

лись ни вербовкой, ни пропагандой. «Их целью были действия в Испании», – сообщил глава МВД Фернандес Диас. За предыдущие несколько месяцев в Испании были арестованы несколько десятков вербовщиков ИГ. В Мадриде опасались, что бывшие джихадисты – выходцы из Испании, повоевавшие в рядах ИГ (а таких насчитывалось до 100 человек) могли вернуться на Пиренейский полуостров с целью совершения терактов. По данным министра, в Испании с декабря 2011 г. были арестованы свыше 170 джихадистов.

26 ноября 2015 г. МВД Марокко сообщило о нейтрализации «террористической ячейки» из трех человек. Эта группа была связана с ИГ и готовила теракты в королевстве. Она была третьей, раскрытой в Марокко после терактов в Париже 13 ноября. Понятно, что несмотря на высокую эффективность работы марокканских спецслужб, они вряд ли смогут нейтрализовать все без исключения группы, уже насажденные ИГ в королевстве, или которые появятся там в будущем. Очевидно, что с учетом числа марокканцев, воевавших в рядах ИГ, таких групп может быть достаточно много, и когда-нибудь «заряженное ружье» выстрелит. Кто и что будет следующими целями марокканских джихадистов? Среди таких целей видятся, в частности, объекты туристической инфраструктуры – их невозможно отгородить стеной. Новоявленные джихадисты могут попытаться сделать и то, что планировала, но пока не смогла сделать «Аль-Каида» – атаковать с помощью брандера (катер, заряженный взрывчаткой) один из кораблей в Гибралтарском проливе. Приходится констатировать, что инициатива по части выбора целей принадлежит им.

4 декабря 2015 г. стало известно, что марокканская Фемида приговорила 11 человек к срокам тюремного заключения от 2 до 7 лет за их причастность к «делам, связанным с терроризмом». Согласно обвинению, осужденные «сформировали банду с целью подготовки и совершения терактов, а также нарушений общественного порядка». По данным следствия, они были связаны с ИГ.

9 декабря 2015 г. газета «Аль-Масаа» сообщила, что в ближайшее время король может помиловать многих заключенных исламистов – сторонников салафизма. По данным газеты, их список уже составлен. Утверждалось, что все они должны были выйти на свободу еще 18 ноября по случаю Дня независимости, однако теракты в Париже помешали этому.

Марокканские власти провели широкомасштабные аресты среди салафитов сразу после терактов в Касабланке в 2003 г. После многих лет заключения некоторые из них подали прошения на имя монарха о помиловании. Они могли рассчитывать на монаршее прощение, поскольку король Мухаммед VI по случаю очередной годовщины «Зеленого марша» 6 ноября 2015 г. помиловал до 30 лиц, попавших за решетку по делам, связанным с терроризмом. Согласно слухам, в новых списках на помилование значился, в частности, Абделькадер Беллираджд, марокканско-бельгиец, обвиненный в Бельгии в нескольких убийствах на религиозной почве.

10 декабря 2015 г. МВД Марокко объявило об аресте двух лиц, обвиненных в связях с ИГ. По имевшимся данным, уроженцы городов Фес и Улад Тейма распространили в интернете видеозапись, на которой угрожали совершить теракты на территории королевства.

11 декабря марокканские власти заявили о нейтрализации «террористической ячейки», участники которой были связаны с ИГ и готовились совершить теракты на территории королевства. 9 участников этой ячейки были арестованы в различных городах страны, в том числе в Кенитре (40 км к северу от Рабата). Как утверждалось в коммюнике МВД, они находились в «продвинутой стадии подготовки терактов». У арестованных было изъято оружие и боеприпасы.

22 декабря 2015 г. тревогу поднял марокканский еженедельник «ТельКель», сообщивший со ссылкой на двоюродного брата Муамара Каддафи – Ахмеда Каддаф ад-Дама о том, что в Ливии боевики ИГ смогли захватить

запасы отравляющего вещества типа зарин, оставшиеся от ливийской армии и находившиеся в тайниках в ливийской пустыне. Всего джихадисты получили 12 резервуаров зарина. По его данным, затем часть этого газа была переправлена в Марокко. Хотелось бы верить, что эта информация – лишь выдумка родственника М. Каддафи, призванная привлечь внимание к его особе...

8 января 2016 г. МВД королевства сообщило о нейтрализации «террористической ячейки» в городке Дар Буазза в окрестностях Касабланки. Семеро ее участников были объявлены сторонниками ИГ. Как отмечалось в коммюнике МВД, главарь ячейки поддерживал «тесные контакты» с представителями ИГ в Ираке и Сирии. В нем сообщалось, что главной задачей членов группы была вербовка кандидатов в джихадисты с последующей отправкой в Ирак или Сирию. Предполагалось, что после получения боевого опыта они должны были вернуться в королевство с тем, чтобы применить полученные знания на практике, в частности, для совершения терактов.

В тот же день директор BCIJ Абдельхак Хиам в интервью телеканалу Medi1TV рассказал некоторые детали о роли Марокко в отслеживании и локализации джихадистов, причастных к терактам в Париже в ноябре 2015 г. «Благодаря имевшейся у нас информации мы подсказали (французским коллегам – авт.), что руководителем террористической группы являлся Абдельхамид Абауд и что он остался после терактов в Париже, более точно – в Сен-Дени», – сказал он. По его словам, передача этой информации «позволила предотвратить другие теракты».

18 января 2016 г. МВД Марокко объявило об аресте недель ранее бельгийца марокканского происхождения, «прямо связанного» с теми, кто совершил теракты в Париже. В коммюнике МВД сообщалось, что арест был произведен в г. Мохаммедия близ Касабланки. Арестованный в свое время совершил поездку в Сирию в компании одного из тех, кто впоследствии стал смертником, взорвав себя в районе стадиона «Стад де Франс». Во время пре-

бывания в Сирии он получил военную подготовку. Там он сначала воевал в составе связанной с «Аль-Каидой» группировки «Джебхат ан-Нусра», а затем перебрался в одно из формирований ИГ. После Сирии, прежде чем добраться до Марокко, он проследовал через Турцию в Германию, Бельгию и Голландию.

17–18 января сотрудники ВСИJ арестовали в Танжере трех последователей ИГ, которые планировали нападения на их идеологических противников с использованием холодного оружия, а также ограбления с целью получения финансовых средств.

Несмотря на рост числа сообщений об арестах сторонников ИГ, в распространенном в январе ежегодном докладе американской аналитической группы Think tank Марокко не вошло в прогноз потенциально нестабильных зон в 2016 году. Напротив, в нем предсказывалась интенсификация израильско-палестинского конфликта, политическая нестабильность в Ливии, Египте, Ираке, Афганистане, продолжение войны в Сирии. Впервые в списке потенциально нестабильных зон оказалась Европа, что было связано с опасностью терроризма.

2 февраля 2016 г. было объявлено о ликвидации террористической ячейки, связанной с ИГ. 7 ее участников действовали на юге королевства в городах Марракеш, Эль-Аюн и Будждур. По данным марокканских спецслужб, арестованные планировали принять участие в боевых действиях в рядах формирований ИГ в Ливии, куда они намеревались перебраться с помощью сепаратистов из Фронта ПОЛИСАРИО.

Очередная аналогичная новость пришла 18 февраля, когда стало известно о нейтрализации связанной с ИГ террористической ячейки из 10 человек. Власти сразу же обвинили ее участников, среди которых был один француз, в подготовке терактов на территории королевства. Арестованные проживали в городах Эс-Сувейра, Эль-Джадида, Мекнес и Сиди-Касем. У них были изъяты оружие, боеприпасы, военная форма одежды. По данным

марокканских спецслужб, арестованные «поддерживали связь с ИГ, от которой получили инструкции относительно совершения атак на чувствительные объекты королевства». В их планы входило увеличение числа участников группы, которые затем должны были пройти военную подготовку под руководством эмиссара ИГ, который в то время находился в Турции.

23 февраля 2016 г. испанская полиция объявила, что совместно с марокканскими спецслужбами произведены аресты 4 человек в испанском анклав Сеута и марокканском городе Надор. Арестованные подозревались в попытках вербовки кандидатов в джихадисты в интересах ИГ. Трое из них – подданные Испании марокканского происхождения – были арестованы в Сеуте. Один из арестованных ранее успел получить военную подготовку в Афганистане, а затем отсидел определенный срок в американском центре заключения в Гуантанамо. «Уровень его подготовки и умения обращаться с оружием и взрывчаткой делал эту ячейку особо опасной», – отмечалось в коммюнике испанской полиции. Брат одного из арестованных стал смертником и совершил теракт в интересах ИГ в Сирии. По оценке испанских сыщиков, внутри ячейки действовали строгие правила конспирации, однако они не помешали им оставить множество следов в интернете и социальных сетях.

3 марта 2016 г. МВД королевства объявило, что арестованные двумя неделями ранее джихадисты готовились применить «смертельно опасные токсичные и биологические субстанции» для совершения терактов на территории страны. В коммюнике МВД Марокко отмечалось, что «некоторые из субстанций, обнаруженные при арестованных, классифицировались специализированными международными структурами как опасное биологическое оружие, способное воздействовать на нервную систему человека и вызывать смерть».

7 марта в Марокко было объявлено о нейтрализации очередной террористической ячейки, участники которой

действовали в городах Смара, Бельграа и Аит Амира и были связаны с ИГ. Всего было арестовано 5 человек. Известно, что члены группы намеревались принять участие в боевых действиях в Ливии в рядах формирований ИГ, а затем вернуться в королевство для совершения терактов.

25 марта того же года в Марокко было объявлено о нейтрализации джихадистской ячейки, связанной с формированиями ИГ в Ливии. По данным МВД, 9 ее участников готовили теракты на территории королевства. Они были арестованы в городах Марракеш, Сиди Беннур и Смара.

7 апреля 2016 г. глава ВЦИУ А. Хиам предупредил о возможности совершения боевиками ИГ терактов в Европе с использованием химического оружия. «Есть большая вероятность того, что ИГ использует это оружие для нанесения удара по Великобритании и другим европейским странам», – сказал он в интервью британской газете «Сан». Он отметил, что «субстанции, которые намеревались использовать террористы в теракте в Марокко, предотвращенном спецслужбами в феврале, находятся в открытой продаже как в Великобритании, так и в других европейских странах».

В апреле 2016 г. были опубликованы данные марокканского исследования, показавшие уровень пассионарности джихадистов, имеющих марокканские корни. Согласно нему, 16% марокканцев-боевиков ИГ являются смертниками. В данном случае марокканцами были названы как лица, вступившие в ряды ИГ непосредственно из Марокко, так и имевшие марокканские корни. Большой показатель смертников только у джихадистов ИГ саудовского и тунисского происхождения.

В апреле 2016 г. в интернете появилась видеозапись ИГ с угрозами в адрес марокканских военных, обвиненных в том, что они помогают странам ССАГПЗ. Эта угроза была всерьез воспринята в Марокко.

13 мая 2016 г. стало известно, что ВЦИУ предотвратило серию терактов, планировавшихся ИГ на территории

королевства, после которых джихадисты хотели объявить страну еще одной провинцией «Халифата». В тот день в Танжере был арестован гражданин Чада, прибывший ранее в Марокко с миссией создать «спящие» ячейки с тем, чтобы впоследствии нацелить их на западные дипломатические миссии и объекты туристической инфраструктуры и добиться большого числа жертв в результате этих нападений. Уже позднее выяснилось, что в квартире, которую снимал заезжий эмиссар, были обнаружены оружие и компоненты взрывных устройств.

2 июня 2016 г. стало известно, что в связи с приближением рамадана 124 находившихся в заключении салафитов, осужденных в свое время по обвинению в причастности к терроризму, подали прошения о помиловании. Как сообщил один из лидеров салафитского движения Абделькадер Шадли, дворец потребовал от них в качестве предварительного условия помилования гарантий того, что они больше не окажутся причастными к террористической активности.

Как известно, после терактов в Касабланке 16 мая 2003 г. власти арестовали порядка 1200 салафитов. К июню 2016 г. в заключении оставались 975 из них.

Среди 124 просителей помилования фигурировал, в частности, А. Беллирадж. Этот марокканско-бельгиец был осужден в 2009 г. на пожизненное лишение свободы. Согласно обвинению, он возглавлял группу из 37 человек, планировавших теракты в Марокко и Европе. В Бельгии он подозревался в причастности к нескольким убийствам по политическим мотивам.

11 июня начался месяц мусульманского поста рамадан. В связи с отсутствием информации об удовлетворении прошений салафитов о помиловании можно было предположить, что дворец не решился удовлетворить их, либо удовлетворил, но частично.

3 июня 2016 г. стало известно, что сотрудники ВСИД арестовали шестерых участников группы, близкой к ИГ, которые планировали отправлять молодых марокканцев

в тренировочные лагеря этой группировки в других странах с тем, чтобы впоследствии они были готовы совершить теракты в Марокко. Аресты участников группы были произведены 2 июня в Тетуане и Касабланке.

По данным марокканских властей, к тому времени около 1500 марокканцев выехали из страны для участия в джихаде в формированиях ИГ в Сирии и Ираке. 286 из них погибли, 220 удалось вернуться в королевство, где они были арестованы. Эти сведения публиковались достаточно регулярно. Понятно, что данных о том, скольким марокканским джихадистам удалось преодолеть ловушки, созданные марокканскими спецслужбами, не имелось.

23 июня 2016 г. стало известно, что сотрудники ВСИД нейтрализовали террористическую ячейку, состоявшую из 10 человек. В их замыслы входило, в частности, вооруженное ограбление крупного торгового центра в Ужде для того, чтобы получить средства на дальнейшее развитие террористической деятельности в королевстве по инструкциям ИГ.

В начале июня 2016 г. в связи с началом сезона возвращения на родину на период отпусков марокканцев, проживающих за пределами королевства, спецслужбы страны предприняли повышенные меры безопасности в пограничных пунктах, справедливо полагая, что этим потоком могут воспользоваться террористы. По данным газеты «Аль-Ахдат аль-Магрибия», марокканские спецслужбы предписали всем гостиницам страны сообщать о появлении подозрительных лиц.

27 июля 2016 г. марокканские власти сообщили об аресте 52 человек, подозревавшихся в намерении учредить в Марокко местную ветвь ИГ и в планировании терактов, направленных против тюрем, объектов спецслужб, массовых мероприятий, центров досуга в основных городах страны. По данным прессы, всего в ходе кампании арестов были допрошены 143 человека.

3 сентября 2016 г. марокканские СМИ сообщили подробности о двух марокканских джихадистах, арестованных

во Франции и выдворенных 26 августа из этой страны на историческую родину. По данным прессы, в планы экстремистов входило совершение «масштабных терактов» в двух странах от имени ИГ. Среди приоритетных целей были рестораны, ночные клубы, другие общественные места, в частности, площадь Республики во французском городе Мец.

Среди методов, к которым они хотели прибегнуть, значились расстрелы посетителей питейных заведений из автоматического оружия, а также использование грузовиков для атак посетителей общественных мест. Целью подобных акций было достижение максимально возможного числа пострадавших. Обоим несостоявшимся террористам ИГ обещало необходимое для совершения терактов оружие. Выдача Редуана Дахби и Айюба Садки состоялась по просьбе марокканских властей, которые, как посчитали СМИ, «спасли Францию от масштабных терактов».

7 сентября 2016 г. марокканские власти объявили о нейтрализации террористической ячейки, связанной с ИГ и готовившейся совершить теракты на севере страны. Три участника группы были арестованы в Уджде, Касабланке и Фесе. По оценке спецслужб, подготовка терактов была уже в «продвинутой стадии». Мастерская по производству взрывчатки находилась в съемном жилище близ Уджды, где были обнаружены большие запасы необходимых компонентов. После совершения терактов джихадисты намеревались перебраться к их единомышленникам в Ливию.

22 сентября марокканские власти объявили об аресте в районе Танжера 4 «опасных» джихадистов, которые намеревались совершить «серьезные по последствиям» теракты в Марокко от имени ИГ.

3 октября 2016 г. официальный источник сообщил об аресте 10 марокканок, которые принесли присягу на верность ИГ и готовились в качестве смертниц совершить теракты в нескольких городах королевства 7 октября, когда в стране проводились парламентские выборы.

Они поддерживали связи с соотечественниками – боевиками ИГ, окопавшимися в районе границы между Ираком и Сирией. Женская «ячейка» ИГ действовала, в частности, в городах Кенитра, Сиди-Слиман, Сале и Танжер.

До того времени смертницы не использовались в Марокко для совершения терактов. Большинство кандидаток в смертницы были несовершеннолетними: две из них достигли 15 лет, две – 16 лет и три – 17 лет. Все они через интернет оформили браки с боевиками ИГ.

12 октября 2016 г. МВД Испании сообщило об аресте 4 марокканцев-участников двух ячеек ИГ. Два из них были арестованы в Испании, два – в Марокко. Все они находились на «прямой связи» с руководством ИГ. Аресты участников группы были проведены в Альтеа и Сеуте (Испания), Тетуане и Фнидеке (Марокко).

25 октября в Мадриде было объявлено об аресте двух марокканских по происхождению имамов мечети на острове Ибица (Балеарские острова). Их обвинили в пропаганде действий ИГ.

8 ноября 2016 г. от источника, близкого к расследованию терактов в Париже и Брюсселе, стало известно, что в роли их координатора выступал джихадист марокканско-бельгийского происхождения Усама Атар (боевой псевдоним – Абу Ахмад). 32-летний террорист руководил исполнителями терактов из Сирии, где он воевал под знаменами ИГ. Следователи вышли на него благодаря показаниям арестованных в связи с терактами в двух столицах, а также компьютеру, выброшенному на свалку близ места жительства террористов в Брюсселе. У. Атар оказался дальним родственником братьев Аль-Бакрауи – смертников, совершивших теракты в столице Бельгии.

2 декабря 2016 г. марокканские власти объявили о нейтрализации «террористической ячейки», связанной с ИГ и готовившей теракты на территории королевства. 8 ее участников действовали в городах Фес и Танжер. Они поддерживали связи с представителями ИГ в Сирии и Ираке. В их задачу входило, в частности, рекрутирова-

ние добровольцев с последующей их отправкой на фронты джихада. По возвращении в королевство их планировалось использовать для совершения терактов на его территории.

3 декабря 2016 г. власти объявили об аресте в Марокко «сторонника» ИГ, который служил связником между командованием внешних операций ИГ и террористической ячейкой, обвиненной в подготовке теракта 1 декабря во Франции и нейтрализованной французскими спецслужбами 19 ноября. По данным МВД Марокко, связник получал инструкции от своего куратора из ИГ на границе Турции и Сирии, а затем доставлял их участникам группы во Франции. Первоначально при нейтрализации этой ячейки были арестованы 7 человек. 2 из них позднее были освобождены, 5 (4 французов и 1 марокканец) остались за решеткой.

27 января 2017 г. МВД Марокко объявило об аресте 7 человек, подозревавшихся в рекрутировании новобранцев джихада для совершения терактов на территории королевства в интересах ИГ. Аресты были произведены, в частности, в городах Сале и Эль-Джадида. В Эль-Джадиде при арестах не обошлось без стрельбы.

17 марта 2017 г. было объявлено, что марокканские спецслужбы арестовали 15 человек в 10 разных городах королевства по подозрению в связях с ИГ. Как отмечалось в коммюнике МВД страны, арестованные намеревались атаковать «ряд чувствительных объектов, места массового досуга, государственные учреждения в нескольких марокканских городах», в том числе в Касабланке, Марракеше и Танжере. Одни из них к моменту ареста уже занялись приобретением материалов, из которых можно изготовить взрывчатые вещества, другие пытались обзавестись огнестрельным оружием с тем, чтобы заняться «ликвидацией видных политиков и военных».

Приведенные примеры успешных операций марокканских спецслужб, как представляется, раскрывают лишь часть тех усилий, которые прикладывают главы

ИГ в попытках дестабилизировать Марокко. Поэтому вряд ли у королевства будет спокойное будущее, особенно в условиях, когда на начало 2017 г. ИГ теряло позицию за позицией в Ираке и Сирии.

В любом случае в противостоянии угрозе со стороны внутренних джихадистов мощными стабилизирующими факторами для Марокко стали наличие у Рабата хорошо подготовленных Королевских вооруженных сил (КВС) и имеющих высокую репутацию спецслужб.

КВС численностью порядка 200 тысяч человек благодаря длительному конфликту с сепаратистским Фронтом ПОЛИСАРИО находились и находятся в высокой степени боевой готовности, и они не раз использовались Рабатом в критические моменты.

Отношения между дворцом и армией одно время были далекими от безоблачных. Но после неудавшегося покушения на Хасана II в Схирате в 1971 году и попытки сбить королевский «Боинг» в 1972 году дворец сменил многих генералов и старших офицеров берберского происхождения на арабов, прежде всего выходцев из Феса, а также «купил» благонадежность последних многочисленными привилегиями, в частности, лицензиями на морское рыболовство. При этом из КВС безжалостно изгонялись те офицеры, которые тем или иным образом продемонстрировали приверженность исламистским взглядам.

Позиции армейской верхушки еще больше усилились после отставки в 1999 г. до этого всесильного госминистра внутренних дел Дриса Басри.

С учетом реалий региональной гонки вооружений и нехватки финансов на это дорогостоящее мероприятие ближайшие союзники Рабата делали все необходимое для поддержания КВС на надлежащем уровне.

4 августа 2011 г. Марокко получило первые 4 истребителя F-16CD из заказанной в 2009 г. партии из 24 машин этого типа. Как было объявлено при этом, еще 7 самолетов планировались к поставке в начале 2012 г., оставшиеся 13 – в последующие месяцы. Марокко полу-

чило достаточно сложные по комплектации самолеты, относящиеся к «блоку 50–52». Более сложную модель – «блок 60» к тому времени кроме США имели на вооружении только ОАЭ. Общая стоимость контракта – 2,4 млрд долларов.

Марокканские F-16 базировались на авиабазе Бенгерир близ Марракеша. Эта авиабаза известна тем, что ее взлетно-посадочная полоса являлась резервной для американских космических «шаттлов».

В марте 2012 г. королевские ВМС получили второй корвет проекта «Сигма» 9813. Он получил название «Султан Мулай Исмаил». Корабль был построен на голландском судостроительном заводе компании DCNS в г. Влиссинген и к 10 марта успешно завершил ходовые и приемо-сдаточные испытания.

Поставка второго из трех заказанных корветов осуществлена в течение 4 лет с момента подписания контракта. Первый корвет «Тарик ибн Зияд» передан ВМС Марокко 10 сентября 2011 г. Морские приемо-сдаточные испытания третьего корвета начались в мае 2012 г. Третий корвет проекта «Сигма» 10513 имеет увеличенные размеры и по своим возможностям скорее может считаться легким фрегатом.

Корабли проекта «Сигма» предназначены для нанесения ракетно-артиллерийских ударов по кораблям и судам в море и на базах, патрулирования с целью блокады и контроля в заданных морских районах, обеспечения противокорабельной обороны боевых кораблей и судов в море, решения других задач. Корветы этого проекта разработаны в Нидерландах специально на экспорт.

Ракетное и артиллерийское вооружение представлено комплексом противокорабельных ракет MM40 «Экзосет» (блок II), зенитным ракетным комплексом «Мика» с вертикальной пусковой установкой, 76-мм артиллерийской установкой компании Oto Melara и 20-мм зенитным артиллерийским комплексом. Противолодочное вооружение представлено 324-мм торпедным аппаратом ита-

льянского производства. Корвет может нести многоцелевой вертолет AS 565MB.

Полное водоизмещение корабля – 2100 тонн (для проекта 10513 – 2300 тонн), максимальная длина – 97,9 метров (105 метров), ширина – 13 метров, скорость – 28 узлов, дальность плавания при скорости 18 узлов – 4 тыс. миль, экипаж корабля – 91 человек (101).

Стоимость контракта на поставку трех корветов составила 1,2 млрд долларов.

В третьей декаде мая 2012 г. интереснейшая интрига закрутилась при обсуждении в Комиссии по иностранным делам, обороне и делам марокканцев, проживающих за рубежом, Палаты представителей проекта закона, подготовленного марокканскими военными. Депутаты выступили против положений статьи 7 проекта, предоставлявшей военным и жандармам иммунитет от уголовного преследования за деяния, которые могли быть совершены при выполнении приказов старших начальников на национальной территории. Такая позиция депутатов объяснима: марокканская армия не раз использовалась в новейшей истории Марокко для подавления массовых выступлений населения, и при этом она не стеснялась в применяемых средствах.

В любом случае депутаты покусились на «святое»: ранее все вопросы, касавшиеся КВС, были табу для них и всегда проходили на «ура». В частности, бюджет военного ведомства никогда не обсуждался, а принимался сразу.

Кроме указанного иммунитета проектом закона предусматривалась государственная защита военных, равно как и членов их семей, от угроз, клеветы и агрессии.

Для начала парламентские группы от трех партий предложили Национальному совету по правам человека сделать экспертную оценку этого проекта закона, поскольку его статья 7 могла противоречить международному праву. Однако в любом случае можно было утверждать, что то, в каком виде будет принят этот закон, лучше всего покажет, какую роль играет высшая военная иерархия во всех делах в Марокко.

Ждать долго не пришлось. В июле 2012 г. Комиссия по иностранным делам, обороне и делам марокканцев, проживающих за рубежом, Палаты представителей единогласно одобрила проект закона о гарантиях военнослужащих, предложенный министром по делам администрации национальной обороны Абдельлатифом Луди. Подобное единодушие в очередной раз подтвердило неизменность роли военных в делах королевства.

Таким образом, можно было констатировать, что ожидавшейся интриги не получилось: депутатов, выступавших против первой версии статьи 7 проекта, предоставляющей военным и жандармам иммунитет от уголовного преследования за деяния, которые могут быть совершены при выполнении приказов старших начальников на национальной территории, устроила вторая версия. Она гласила: «Военнослужащие КВС пользуются защитой государства».

4 сентября 2012 г., перепутав все и вся, официальное марокканское информационное агентство МАП сообщило о нахождении в Марокко «с официальным визитом» некоей «русской военной делегации» во главе с Михаилом Петуховым, которая обсуждала в королевстве «вопросы военного сотрудничества» между двумя странами. При проверке этой информации выяснилось, что речь шла о визите делегации Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФС ВТС), и, соответственно, в Рабате обсуждались вопросы исключительно военно-технического сотрудничества (ВТС). В чем МАП было полностью право, так это в том, что визит российской делегации подобного уровня в Марокко наносился впервые. Как водится в подобных случаях, когда речь идет о ВТС, никакой информации о работе российской делегации в Марокко не сообщалось. По имеющимся данным, Марокко традиционно проявляет интерес, в частности, к российской бронетанковой технике, средствам ПВО и вертолетам.

ВМС Марокко приняли участие в прошедшей в период с 4 по 9 октября 2013 г. близ побережья Алжира 2-й фазе

военно-морских учений ALMED-13, организованных в рамках группы «5 плюс 5»: пять стран Северной Африки (Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко, Тунис) и пять стран Южной Европы (Испания, Италия, Мальта, Португалия, Франция). Во 2-й фазе маневров были представлены Турция и НАТО. Первая фаза маневров прошла еще в 2008 г., т.е. задолго до «арабской весны». От Франции во 2-й фазе учений принял участие фрегат УРО «Сюркуф». Планировались еще две фазы маневров. Объявленная цель учений – отработка вопросов взаимодействия в борьбе против незаконной торговли и организованной преступности.

В декабре 2013 г. французская компания DCNS передала ВМС Марокко многоцелевой фрегат «Мухаммед VI» проекта FREMM. Этот корабль водоизмещением 6 тысяч тонн и стоимостью 470 млн евро стал флагманом королевских ВМС. Рабат заказал этот фрегат в 2008 г. в противолодочной версии в противовес алжирским подводным лодкам проекта 636 «Варшавянка» (по западной классификации – «Кило») российской постройки. Кроме того, по оценкам западных аналитиков, «Россия тогда делала все возможное, чтобы продать Марокко подводную лодку типа «Амур-1650».

В августе 2014 г. самым заметным событием месяца в Марокко стало внезапное развертывание батарей зенитных ракетных комплексов (ЗРК) КВС близ ключевых объектов страны, в том числе на набережной в Касабланке (с того направления заходят самолеты при посадке в международном аэропорте экономической столицы Марокко), близ аэропорта в Марракеше, в районе крупнейшего в стране НПЗ в Мохаммадии, что никак не могло остаться незамеченным. Любопытная пресса в отсутствие официальных сообщений на этот счет сразу же задалась вопросом – почему? Она же попыталась дать ответ на этот вопрос.

По одной из версий, подобная мера безопасности была предпринята в связи с приближением 11 сентября

(годовщина воздушной атаки террористов на ряд объектов в США в 2001 г.), а также с учетом того, что весьма активная в Ливии АКМ после штурма международного аэропорта в Триполи получила в свое распоряжение до 11 авиалайнеров, которые она могла использовать с тем, чтобы повторить теракты 11 сентября 2001 г., но по новым целям.

Согласно другой версии, развертывание ЗРК китайского производства малой дальности DY-90 стало превентивной мерой на угрозы в адрес Марокко со стороны «Исламского государства» (ИГ) и его лидера Абу Бакра аль-Багдади. В частности, в августе 2014 г. стало известно, что «спящие ячейки» этой организации, находившиеся на территории королевства, получили приказ активизироваться с целью дестабилизации страны. Эмиссары ИГ не жалели денег на вербовку новых боевиков среди марокканцев, выплачивая им единовременно от 1 до 6 тысяч долларов (огромные деньги для бедняков) /5/.

Похоже, что две эти угрозы были восприняты всерьез Рабатом. Иначе как объяснить отзыв из отпусков офицеров и унтер-офицеров ВВС? В повышенную степень боевой готовности были переведены королевские ВВС.

Как стало известно, эти и другие меры были предприняты после получения соответствующего предупреждения от США в адрес Алжира, Марокко и Туниса.

Специалисты тут же заметили, что развертывание ЗРК типа DY-90, ракеты которых имеют боевую часть массой 3 кг, по своим боевым качествам вряд ли способно остановить современные авиалайнеры, летящие либо с крейсерской скоростью на большой высоте, либо пикирующие на выбранную цель.

27 ноября 2014 г. американская пресса сообщила, что Марокко по просьбе США предоставило свои истребители F-16 коалиции, сформированной Вашингтоном против ИГ. Участие марокканских самолетов этого типа в операции против ИГ стало их первым боевым применением. До этого в США побывал генеральный инспектор королевских

ВВС (командующий) корпусной генерал Бушейб Арруб. Несколько дней спустя было объявлено о приобретении Марокко управляемых авиабомб JDAM, носителями которых являются F-16.

Уже 17 декабря 2014 г. стало известно, что Марокко направило несколько своих истребителей F-16 для участия в операции, проводимой западными союзниками против ИГ. Марокканские истребители базировались на одном из аэродромов в ОАЭ и находились в оперативном подчинении у ВВС Эмиратов.

4 февраля 2015 г. стали известны новые детали о действиях базировавшихся в ОАЭ 4 марокканских истребителей F-16 против формирований ИГ в Ираке. По данным специализированного британского издания, за декабрь – январь они выполнили 20 боевых вылетов. В частности, пара марокканских самолетов была в воздухе 24 декабря 2014 г., когда был сбит иорданский F-16. Как утверждал иорданский летчик Мааз аль-Кассасба, позднее казненный боевиками, марокканские истребители в тот день должны были поразить средства ПВО ИГ с помощью управляемых авиабомб типа GBU.

Официальный Рабат ничего не говорил об участии марокканских F-16 в операции против ИГ.

Согласно марокканскому еженедельнику «Аль-Усбуа ас-Сахафи», в октябре 2015 г. Марокко приняло решение присоединиться к операции международной коалиции против ИГ в Ираке и Сирии с использованием базирующихся в ОАЭ марокканских истребителей F-16. Официально эта информация не подтверждалась, поскольку Рабат предпочитал не афишировать свое участие в подобных действиях. Возможно, данный шаг Рабата стал реакцией на сообщения о состоявшейся в Ракке (Сирия) встрече боевиков ИГ – марокканцев и французов марокканского происхождения, в ходе которой обсуждались планы по нанесению ударов как в Марокко, так и во Франции. Не исключено, что именно там замышлялись будущие теракты в Париже.

3 мая 2015 г. король Марокко Мухаммед VI прибыл с рабочим визитом в Саудовскую Аравию. Рабат к тому времени являлся активным участником антишиитской арабской коалиции, воевавшей в Йемене и возглавлявшейся Эр-Риядом. В столице ваххабитского королевства марокканского монарха встречал король Сальман.

Первоначально этот визит планировался на 29 апреля. Однако он был перенесен в связи с изменениями в саудовской властной иерархии, где был назначен новый наследный принц. В Эр-Рияд король Марокко прибыл сразу после того, как там побывал президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси. Египет также являлся одно время активным участником арабской коалиции.

Марокко с 26 марта 2015 г. участвовало в операции арабской коалиции в Йемене: командованию коалиции подчинялись уже шесть истребителей F-16, базировавшиеся в ОАЭ.

4 мая в Рабате было распространено коммюнике кабинета короля, в котором Мухаммед VI, находившийся в тот момент в Эр-Рияде, подтвердил, что его страна «поддерживает арабскую коалицию в Йемене».

Тогда же стало известно, что с января 2011 г. по апрель 2014 г. Саудовская Аравия выделила своим союзникам, включая Марокко, 22,7 млрд долларов. В частности, Марокко получило из этой суммы 1,6 млрд долларов, то есть цена услуги была оплачена сполна.

Уже 11 мая стало известно, что один из марокканских F-16 был сбит в небе над Йеменом. Информацию КВС на этот счет тут же подтвердили шиитские повстанцы.

В феврале 2015 г. специализированное издание «Global Fire Power» опубликовало рейтинг национальных армий за 2014 г. Среди арабских стран Марокко оказалось на 5-м месте после Египта, Алжира, Саудовской Аравии и Сирии. Годом ранее Марокко занимало 7-ю позицию. Рейтинги армий определялись по нескольким десяткам критериев. Как заявил в этой связи марокканский политолог Муссауи аль-Адждауи, определенное для Ма-

рокко место не отражало реалий, поскольку в условиях королевства все, что касается его вооруженных сил и закупок оружия, является абсолютно закрытой информацией, и те, кто определял рейтинг Марокко, не знали реального положения вещей.

Скорее всего, он отчасти прав. В феврале стало известно, что в 2014 г. Марокко получило из США бывшие в употреблении 60 самоходных артиллерийских установок M109A5 калибра 155-мм, 80 трейлеров для транспортировки танков, 260 внедорожников «Хамви», несколько десятков грузовиков.

В целом представлялось, что активное участие Марокко в коалиции во главе с Саудовской Аравией имело прежде всего прагматический подтекст. В условиях региональной гонки вооружений Рабату нужны были все новые средства на перевооружение КВС. Судя по всему, определенные надежды он в этой связи возлагал на Эр-Рияд, который мог пойти на реализацию схемы, уже отработанной в случае Египта.

2 сентября 2015 г. стало известно, что Пентагон объявил о контракте стоимостью 17,2 млн долларов на поставку Марокко по меньшей мере 50 бывших в употреблении танков M1A1 «Абрамс». Контракт исполняла компания General Dynamics Land Systems на своем заводе в г. Лима (шт. Огайо). Срок исполнения – 30 ноября 2016 г. Предпродажная подготовка предусматривала установку на танки дополнительного оборудования с тем, чтобы довести танки M1A1 до уровня M1A1 Special Armor configuration (SAC).

Американское Агентство по сотрудничеству в сфере обороны и безопасности объявило в июне 2012 г., что Марокко запросило поставку дополнительно 200 танков M1A1 в версии SAC.

В сентябре 2015 г. Минобороны Франции опубликовало данные о закупках французских вооружений в период с 1 января 2014 г. по 30 июня 2015 г. Согласно этим данным, Марокко в указанный период стало третьим по-

купателем французского оружия после Саудовской Аравии и ОАЭ. Общий объем закупок составил 3,1 млрд евро. Среди африканских стран Марокко находилось на первом месте. Как отметила в этой связи арабоязычная газета «Ахбар аль-Яум», подобные расходы королевства связаны с гонкой вооружений между Рабатом и Алжиром. Так, в период с 2010 по 2014 годы Марокко подписало 251 контракт на поставки вооружений с французскими фирмами.

По данным Минобороны Франции, 90% от указанной суммы поставок пришлось на технику для ВМС королевства (2% – на вертолетную технику, 4% – бронетанковую технику). Часть вооружений Франция поставляла Марокко в виде помощи или по заниженным ценам. По этой схеме поставлялись, в частности, запчасти для вертолетов, кораблей ВМС Марокко, автомобильная и медицинская техника.

Новые данные от Минобороны Франции последовали 3 июня 2016 г., когда было объявлено, что Марокко является первым покупателем французского оружия среди стран Магриба. В арабском мире по этому показателю оно на тот момент занимало пятое место, в мире – восьмое. В 2015 г. Марокко и Франция подписали 96 контрактов на поставку вооружений на сумму 748 млн евро.

Вслед за Алжиром Марокко озаботилось и проблемой создания собственного оборонно-промышленного комплекса. Несмотря на ряд нерешенных проблем с Испанией, Рабат обратился за поддержкой в данном вопросе именно к Мадриду. Предполагалось, что в первую очередь речь пойдет о создании в Марокко мощностей по производству боеприпасов, а также автомобильной техники.

7 декабря 2015 г. газета «Ас-Сабах» сообщила, что Рабат отправил в Йемен 1500 десантников сражаться в рядах коалиции во главе с Саудовской Аравией против повстанцев-хоуситов. По версии газеты, до отправки в Йемен десантники потренировались в ходе совместных

мароккано-американских учений «Африканский Лев – 2015». Она также утверждала, что в ближайшее время в Саудовскую Аравию на авиабазу «Король Халед» будет также отправлен контингент из состава Королевской жандармерии. Официально на этот счет ничего не сообщалось.

15 января 2016 г. ряд марокканских СМИ, включая газету «Аль-Масаа», сообщил о подписании соглашения между Саудовской Аравией и Марокко, согласно которому Эр-Рияд выделит в течение 4 лет 22 млрд долларов на становление марокканской военной промышленности. Цель этого плана – уменьшить зависимость Марокко от поставок вооружений из Франции, США и Испании. Утверждалось, что часть этих средств будет направлена на создание мощностей по строительству подводных лодок. Кораблей этого класса никогда не было в составе королевских ВМС. Известно, что Марокко и Россия в 2013 г. вели переговоры о возможной поставке королевству подводной лодки типа «Амур-1650», однако они не завершились каким-либо практическим результатом.

В начале февраля 2016 г. рядом с сахарскими провинциями Марокко – на севере Мавритании – произошло боестолкновение между мавританскими военными и наркокурьерами. Это событие вынудило командование Южной зоны привести марокканские войска в сахарских провинциях в повышенную степень боевой готовности, увеличить число разведывательных полетов самолетов королевских ВВС над регионом, сообщила 6 февраля газета «Аль-Масаа». По ее данным, в связи с предшествовавшим захватом мавританскими спецслужбами 2 тонн кокаина латиноамериканского происхождения были арестованы «36 элементов Фронта ПОЛИСАРИО», а также задержаны автомашины с номерами, зарегистрированными в алжирском Тиндуфе (там базируются лагеря сепаратистов). По данным издания, сепаратисты занимались наркотрафиком вместе с туарегами с севера Мали.

Марокко в числе других стран, зависимых от саудовских средств, приняло участие в начавшихся 14 февраля

2016 г. на севере Саудовской Аравии крупнейших учениях «Гром с севера». Формально это было обставлено как маневры стран, вошедших в «антитеррористическую коалицию» во главе с Эр-Риядом, причем не в широкую, в составе которой значится 35 стран, а в узкую. По сути, речь шла об отработке одного из сценариев возможных действий коалиции в Сирии, чем, по всей видимости, и определился «узкий» состав участников маневров. Тем не менее эти учения стали самыми крупными из когда-либо проводившихся в регионе по числу стран (20) и участвовавшей в них техники.

В преддверии проводившихся с 18 по 27 апреля 2016 г. многонациональных учений «Африканский лев – 2016» стало известно, что американцы подготовили 20 марокканских военнослужащих к работе по сбору и анализу разведывательной информации с поля боя. Вместе с ними соответствующую подготовку прошли военные из Мавритании.

10 мая 2016 г. стало известно о подписании контракта с Пентагоном на сумму 45,5 млн долларов на поставку в Марокко единых для ВВС и сухопутных войск систем связи Sincgars (Single Channel Ground and Airborne Radio Systems). Контрактом предусматривалась поставка, обслуживание соответствующего оборудования, а также подготовка марокканских специалистов.

27 мая 2016 г. стало известно о кончине второго лица в иерархии марокканской армии генерального инспектора КВС, командующего Южной военной зоной генерала Бушейба Арруба. Он занял этот пост в июне 2014 г., сменив также скончавшегося месяцем ранее генерала Абдельазиза Беннани, что дало повод некоторым зарубежным СМИ поиронизировать, что марокканские генералы предпочитают не выходить на пенсию.

В начале июля 2016 г. в социальных сетях появились фотографии, подтверждавшие, что Марокко начало получать закупленные в США 200 бывших в употреблении танков «Абрамс» M1A1. Соответствующий контракт был подписан в июне 2012 г. Он предусматривал поставку

танков после их модернизации и ремонта. Первая партия из 50 танков должна быть поставлена до ноября 2016 г. В ходе модернизации предусматривалось, в частности, усиление бронирования боевых машин и их оснащение более современными системами связи. Отмечалось отсутствие у поставлявшихся танков средств активной защиты. В любом случае появление «Абрамсов» на вооружении КВС, судя по всему, стало ответом Рабата на закупку Алжиром танков Т-90С российского производства. На тот момент на вооружении КВС состояли танки Т-72БВ, «Аль-Халед» китайско-пакистанского производства и М-60 американского. 27 июля в Касабланке состоялась официальная церемония приема «Абрамсов».

8 декабря 2016 г. стало известно, что Вашингтон одобрил сделку по продаже Рабату 1200 противотанковых ракет TOW 2A производства компании Raytheon на сумму 108 млн долларов. Этот контракт вписывался в начатую 3 годами ранее программу по модернизации вооружения сухопутных войск Марокко. По ней Рабат должен также получить после модернизации 200 бывших в употреблении танков «Абрамс» на сумму 358 млн долларов.

18 января 2017 г. король Мухаммед VI назначил нового командующего КВС (эта должность называется генеральный инспектор КВС) – дивизионного генерала Абдельфатаха Луарака. Он сменил на этой должности корпусного генерала Бушейба Арруба, находившегося на ней с 2014 г. Согласно конституции, монарх является Верховным Главнокомандующим КВС и начальником их Генштаба.

Одним из факторов обеспечения стабильности Марокко было и остается единение марокканцев вокруг проблемы сахарских провинций, которые Рабат считает своими. За их независимость уже свыше четырех десятилетий борется базирующийся на территории Алжира сепаратистский Фронт ПОЛИСАРИО. Этот фактор по своей сути является пограничным, и внутренним, и внешним.

В мае 2012 г. несколько неординарных событий произошло на сахарском направлении марокканской политики.

17 мая правительство Марокко выступило с официальным коммюнике, согласно которому Рабат в одностороннем порядке заявил, что лишает доверия представителя ООН в Западной Сахаре Кристофера Росса. Согласно документу, последний принял ряд решений, которые в Рабате расценили как «предвзятые и невзвешенные». При этом не уточнялось, о каких решениях К. Росса шла речь.

Американец К. Росс был назначен на пост представителя ООН в Западной Сахаре в январе 2009 г.

По оценке К. Росса, последний по времени раунд неформальных переговоров между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО, проведенный в марте 2012 г. близ Нью-Йорка, как и все предыдущие, не привел к какому-либо прогрессу. Тогда же он объявил о своем намерении посетить в середине мая 2012 г. регион Магриба, «включая расширенный визит на территорию Западной Сахары». Подобная терминология не исключала, что он посетит лагерь Фронта ПОЛИСАРИО близ алжирского города Тиндиф. До того времени ни один из представителей ООН в Западной Сахаре не бывал там, ограничивая свои поездки столицами Марокко, Алжира и Мавритании.

Еще одной возможной причиной недовольства Рабата является то, что в распространенном в апреле 2012 г. очередном докладе представителя ООН в Западной Сахаре Совету Безопасности ООН марокканские власти были подвергнуты критике за создание проблем наблюдателям из Миссии ООН в Западной Сахаре (МИНУРСО).

Как известно, Рабат при короле Мухаммеде VI предлагает урегулировать проблему сахарских провинций путем предоставления им самой широкой автономии в рамках Марокко. Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО категорически отвергают это предложение и выступают за проведение под эгидой ООН референдума о самоопределении сахарских провинций.

В свою очередь Фронт ПОЛИСАРИО назвал решение Марокко «произвольным и необоснованным». Его руководство напомнило, что Совбез ООН в своей резолюции

№ 2044 от 24 апреля 2012 г. «подтвердил полную поддержку К. Россу в его миссии, призванной содействовать переговорам между сторонами (конфликта)». Фронт ПОЛИСАРИО одновременно подтвердил «свое намерение продолжать поддержку миссии К. Росса». Он призвал Совбез принять «необходимые меры с тем, чтобы защитить авторитет ООН». Понятно, что поддержку К. Россу выразил также Алжир.

Резолюцией № 2044 Совбез ООН продлил на год мандат МИНУРСО. Он также потребовал от Марокко «улучшить ситуацию с соблюдением прав человека» в сахарских провинциях, предложив создать независимый механизм по наблюдению за их соблюдением. Понятно, что последнее предложение было отвергнуто Рабатом.

3 сентября 2012 г. американский Фонд им. Роберта Кеннеди опубликовал предварительный доклад по итогам визита его представителей в сахарские провинции Марокко. Согласно выводам авторов доклада, несмотря на определенное улучшение ситуации в регионе, Рабат в целом не уважает права человека в этих провинциях, где царит «климат террора». Они же осудили «полную безнаказанность тех, кто творит нарушения прав человека», потребовав от правительства Марокко «прекратить использование насилия против сторонников независимости сахарских провинций» /6/.

22 сентября 2012 г. специальный докладчик ООН по борьбе с пытками Хуан Мендес по итогам 7-дневного визита в Марокко заявил на пресс-конференции в Рабате, что пытки в стране не исчезли, хотя ситуация по данному вопросу «в целом улучшилась». Он сослался на «достоверную информацию», полученную в ходе поездки, согласно которой наиболее часто «блюстители порядка» используют по отношению к задержанным «избиения, электрические разрядники, прижигания сигаретами». По оценке Х. Мендеса, эти действия «эквивалентны пыткам».

Х. Мендес прибыл в Марокко по приглашению Рабата с целью «помочь властям заставить чиновников уважать

нормы правового государства». Два дня он провел в сахарских провинциях, где встречался как с местными властями, так и представителями гражданского общества. В Эль-Аюне – административном центре сахарских провинций – он посетил местную тюрьму. Мендес сообщил, что до и в ходе визита получил «сотни жалоб» от сахарцев и намерен изучить обращения всех без исключения заявителей.

Говоря о мерах властей по подавлению манифестаций, прошедших в Марокко на фоне «арабской весны», Х. Мендес констатировал «чрезмерное» применение силы со стороны Рабата.

В начале ноября 2012 г. Рабат и Алжир обменялись очередными словесными «залпами» относительно западносахарских провинций. Повод для этого создала 36-я годовщина «Зеленого марша» – невооруженного похода сотен тысяч марокканцев в Западную Сахару, организованного королем Хасаном II. Как обычно, в связи с этой датой с обращением к марокканцам выступил король Мухаммед VI. В выступлении он не сказал ничего принципиально нового, подтвердив приверженность Рабата выдвинутому им проекту решения западносахарской проблемы путем предоставления провинциям самой широкой автономии в составе королевства. При этом он утверждал, что этот проект не был реализован из-за отсутствия «искренней воли» у «других сторон». Под последними в первую очередь подразумевался Алжир, на территории которого находятся лагеря сепаратистского Фронта ПОЛИСАРИО.

Относительно новым стало все же предложение Мухаммеда VI к Верховному комиссариату ООН по делам беженцев провести перепись сахарцев, проживающих в лагерях близ алжирского города Тиндуф. Рабат требует проведения такой переписи для того, чтобы подтвердить выдвигаемый им тезис о лживости утверждения Фронта ПОЛИСАРИО, согласно которому в лагерях проживают 170 тысяч человек.

Выступление короля прозвучало вслед за визитом в регион спецпредставителя генсека ООН по Западной Сахаре К. Росса. Последний в ходе поездки побывал в Марокко и сахарских провинциях, где он не был с момента его назначения на этот пост в 2009 г.

В мае 2012 г. Рабат громко заявил о своем недоверии К. Россу на посту спецпредставителя, однако затем он был вынужден по-тихому дезавуировать его. Как написала в этой связи марокканская газета «Ахбар аль-Яум», в связи с «делом Росса» марокканская дипломатия (читай – дворец) совершила «две ошибки». «Первая была сделана тогда, когда Рабат решил заявить о своем недоверии Россу, не получив на это «зеленого света» от американцев. Вторая – когда Рабат согласился на возвращение Росса, как будто ничего не произошло», – отмечала газета. По имеющимся данным, первый жест Рабата был связан с тем, что К. Росс склонялся в пользу решения западносахарской проблемы через референдум.

Подобная уступчивость Марокко, по всей видимости, была связана с тем, что к ноябрю 2012 г., по оценке наблюдателей, ситуация вокруг западносахарской проблемы резко изменилась не в пользу Рабата. В связи с готовившейся тогда международной военной операцией на севере Мали резко выросло значение Алжира в делах региона. И поэтому нельзя было исключать, что в ответ на предложения Запада сыграть активную роль в будущей операции Алжир потребовал ускорить решение западносахарской проблемы в том виде, на котором он настаивал и настаивает.

7 ноября 2012 г. МВД Марокко сообщило, что потребовало от 19 журналистов (15 испанских и 4 норвежских) покинуть административный центр сахарских провинций город Эль-Аюн. Мотивируя свое решение, МВД пояснило, что эти лица при въезде в Марокко не задекларировали свой род занятий. Как отмечалось в коммюнике МВД, «эти журналисты въехали на национальную территорию, не

раскрыв их рода занятий, делая вид, что речь идет о туристической поездке».

Согласно существующей в Марокко практике, при въезде в страну необходимо при заполнении въездной иммиграционной карты указать свой род занятий. И если в соответствующей графе появляется слово «журналист», то этому человеку негласно будет оказано особое внимание. Кроме того, для работы в королевстве необходимо получить аккредитацию от Министерства информации. Журналисты также обязаны сообщать в это ведомство, если они намерены посетить сахарские провинции, поскольку они считаются военной зоной. Как правило, им разрешают поездки в эти провинции в сопровождении чиновников от соответствующих ведомств. Судя по всему, выдворенные из Эль-Аюна не выполнили каких-то из перечисленных условий.

Как выяснилось, им было что скрывать. Согласно коммюнике МВД, они прибыли в Эль-Аюн, чтобы принять участие в мероприятиях по случаю отмечаемой 8 ноября второй годовщины событий в лагере «Гдим изик». В тот день в 2010 г. марокканские власти демонтировали палаточный лагерь, который соорудили до 10 тысяч сахарцев – сторонников сепаратистов. Эта операция вылилась в ожесточенные столкновения между сахарцами и полицейскими, в ходе которых погибли 13 человек, в том числе, по официальным данным, 11 стражей порядка. 23 сахарца были арестованы по обвинению в принадлежности к некоей «вооруженной милиции». Процесс над ними по состоянию на 8 ноября 2012 г. не начинался.

10 ноября 2012 г. последовал ответ Алжира на выступление Мухаммеда VI. Как заявил газете «Аль-Ватан» «высокопоставленный источник», «именно Марокко торпедировало процесс нормализации отношений между двумя странами после того, как мы обязались придать этим отношениям конструктивную динамику».

В любом случае изначально было понятно, что появившиеся признаки потепления в отношениях между

двумя странами останутся таковыми без урегулирования западносахарской проблемы, а ее урегулировать на данном этапе невозможно. Это, похоже, понимал К. Росс. 12 ноября 2012 г. в Мадриде он предупредил, что если не начнутся «серьезные переговоры» (между Рабатом и Алжиром), сахарские провинции ожидает новый виток насилия. По его оценке, существовавший до сих пор относительно стабильный статус-кво «отныне находится под угрозой в связи с подъемом экстремизма, терроризма и преступности в регионе Сахеля». Можно предположить, что К. Росс задумал некий план урегулирования конфликта, за одобрением которого со стороны великих держав он сразу же после турне по Северной Африке отправился в Париж, Вашингтон, Лондон и Москву.

Уже 28 ноября 2012 г. К. Росс объявил, что он прекращает неформальные переговоры ради переговоров, которые вели при посредничестве ООН Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО с 2009 г.

2 декабря 2012 г. глава делегации сепаратистов на переговорах с Марокко Адду Хатри заявил в Алжире, что никакое решение этой проблемы невозможно без проведения референдума о самоопределении этой территории, который должен быть организован под эгидой ООН среди проживающего на ней населения. А. Хатри призвал мировое сообщество «уважать его обещание, сделанное в 1991 г.» относительно организации референдума в обмен на прекращение боевых действий. «Возможно, настанет день, когда сахарцы решат действовать самостоятельно и окажут необходимое давление с тем, чтобы вынудить Марокко согласиться со справедливым и долгосрочным решением сахарского конфликта», – пригрозил он.

Нереализуемость идеи референдума, которую, кстати, наверное, именно поэтому поддерживал покойный Хасан II, была всегда очевидной, потому что даже когда все стороны западносахарского конфликта были формально согласны с планами проведения плебисцита, они

имели абсолютно разные подходы к порядку формирования избирательного корпуса. Именно эта причина в свое время не позволила провести голосование.

1 февраля 2013 г. начался процесс над 24 выходцами из сахарских провинций, обвиненных в убийстве 11 сотрудников сил безопасности при ликвидации 8 ноября 2010 г. палаточного городка «Гдим изик» сторонников сепаратистского Фронта ПОЛИСАРИО, который они устроили в 13 км от административного центра сахарских провинций города Эль-Аюн, а также в последовавших затем погромах. Процесс проходил в военном трибунале Рабата при повышенных мерах безопасности. Подсудимым было предъявлено обвинение в «создании преступных банд, применении насилия по отношению к силам правопорядка, повлекшего гибель их сотрудников, издевательствах над трупами». Подобное обвинение было чревато смертными приговорами по отношению к тем, против кого оно выдвигалось.

В день начала процесса у здания трибунала собрались две толпы численностью до 100 человек каждая. Одна из них состояла из сторонников независимости сахарских провинций, выступавших против суда над их единомышленниками в военном трибунале, во второй были члены семей погибших полицейских, требовавшие скорейшего суда над участниками беспорядков в Эль-Аюне (первоначально предполагалось, что процесс должен был начаться еще в октябре 2012 г.).

Со своей стороны правозащитная организация «Международная амнистия» распространила коммюнике, в котором утверждалось, что «процесс над гражданскими лицами в военном трибунале не соответствует общепризнанным международным нормам». В нем же содержался призыв провести расследование заявлений родственников подсудимых, согласно которым они подвергались пыткам.

Первое заседание трибунала продолжалось порядка пяти часов. Затем процесс, за которым следили несколько

десятков международных наблюдателей, был перенесен на 8 февраля 2013 г. по просьбе адвокатов подсудимых.

8 февраля процесс возобновился. Первым делом военный трибунал отверг запрос обвиняемых, потребовавших рассматривать их дело в гражданском суде. На следующий день трибунал начал допрос обвиняемых. Все они заявили о своей невинности. Развязка наступила в ночь с 16 на 17 февраля, когда был вынесен вердикт. Согласно приговору, сахарцы получили различные сроки заключения: от 2 лет тюрьмы (2 человека) до пожизненного заключения (8 человек). 4 сахарцев получили по 30 лет тюрьмы, 7 – по 25 лет, трое – по 20 лет.

В третьей декаде марта 2013 года в регионе побывал специальный представитель генерального секретаря ООН по Западной Сахаре К. Росс. К этому визиту было приковано особое внимание во всех столицах стран региона, так как у американца явно не сложились отношения с Марокко. Напомним: в мае 2012 г. Рабат заявил о недоверии К. Россу, однако затем по-тихому дезавуировал это заявление.

В ходе визита в Рабат 21 марта К. Росс заявил, что «с учетом нестабильности в Сахеле стало более важным, чем когда-либо, найти решение западносахарской проблемы». Он же сообщил, что целью его турне является «подготовка следующего этапа переговорного процесса и возможного возобновления прямых переговоров» относительно будущего контролируемых Рабатом сахарских провинций.

По данным источников в ООН, целью поездки К. Росса в регион был «поиск политического взаимоприемлемого решения, которое должно привести к реализации принципа самоопределения населения Западной Сахары». Подобное определение цели поездки между строк читалось как организация референдума о самоопределении сахарских провинций. За организацию такого плебисцита выступают сепаратисты из Фронта ПОЛИСАРИО и поддерживающий их Алжир. Со своей стороны Рабат выступает

категорически против идеи референдума (напомним, что покойный отец Мухаммеда VI – король Хасан II был не против референдума, однако он не нашел общего языка с сепаратистами относительно состава избирательного корпуса). При Мухаммеде VI Рабат предлагает решить проблему путем предоставления сахарским провинциям самой широкой автономии в составе Марокко.

В Рабате К. Росс встречался со спикерами двух палат марокканского парламента, главой правительства А. Бенкираном, а также главой МИД королевства С. аль-Османи и министром внутренних дел М. Лаенсаром.

К. Росс должен был представить свой доклад относительно ситуации в регионе Совбезу ООН 22 апреля. Затем, как предполагалось, Совбез ООН должен был принять решение относительно продления мандата МИНУРСО, которая наблюдает за соблюдением сторонами режима прекращения огня, действующего в регионе с 1991 г.

После Рабата К. Росс отправился в административный центр сахарских провинций город Эль-Аюн, откуда он переместился в город Дахла (500 км к югу от Эль-Аюна). Следующими его остановочными пунктами были Нуакшот и Алжир.

22 марта К. Росс прибыл в Эль-Аюн, где он встретился как со сторонниками марокканской принадлежности сахарских провинций, так и с теми, кто выступает за их независимость. Как сообщил уже 25 марта алжирский телеканал «Ан-Нахар ТВ», в ходе визита К. Росса в Эль-Аюн сторонники независимости сахарских провинций попытались провести манифестацию в поддержку их идей, которая была пресечена марокканской полицией. По данным телеканала, чтобы не допустить аналогичных эксцессов в городе Дахла, он был заранее блокирован крупными силами полиции.

28 марта в Нуакшоте К. Росс вновь призвал все заинтересованные стороны к «скорейшему урегулированию» кризиса, поскольку этого требует «очень серьезная ситуация в регионе Сахеля».

10 апреля 2013 г. в Фесе состоялась встреча между королем Марокко Мухаммедом VI и К. Россом. В ходе переговоров король упомянул «осложнение ситуации в плане безопасности» в Сахеле. Ему было от чего беспокоиться. Как заявил двумя днями ранее генсек ООН Пан Ги Мун, «рост нестабильности в Сахеле и вокруг него может привести к тому, что боевые действия в Мали могут сказаться на безопасности соседних стран и способствовать радикализации умов в лагерях сахарских беженцев».

В ходе переговоров с К. Россом король утверждал, что марокканский план (автономии) представляет собой «открытое и дееспособное решение». «Другие стороны должны продемонстрировать дух компромисса и аналогичной открытости», – сказал он.

Только накануне заседания Совбеза ООН относительно продления мандата МИНУРСО Рабат и Вашингтон достигли компромисса в части, касающейся проекта резолюции Совбеза на этот счет, в первоначальном варианте которого, подготовленном Соединенными Штатами, содержалась идея включить вопрос слежения за соблюдением прав человека в сахарских провинциях в мандат МИНУРСО, как это сделано в мандатах подавляющего большинства аналогичных миссий ООН. Понятно, что подобная редакция проекта резолюции никак не устраивала Рабат. По всей видимости, в результате его усилий в тексте документа упоминалась лишь «необходимость (для МИНУРСО) поощрять уважение прав человека», без включения этой функции в мандат Миссии.

Рабат категорически отверг первый текст, который, по его оценке, был призван «лишить смысла мандат МИНУРСО». Чтобы усилить свою позицию, он отложил на неопределенный срок совместные марокканско-американские учения, в которых должны были принять участие 900 марокканских солдат и 1400 американских.

Именно в американской версии Совбез ООН принял 25 апреля резолюцию, которая продлила мандат МИНУРСО до 30 апреля 2014 г.

26 апреля 2013 г. в столице сахарских провинций городе Эль-Аюн прошла манифестация сторонников их независимости. Она вылилась в столкновения с силами полиции, в результате которых ранения получили до 40 человек, в том числе 8 полицейских. По имеющимся данным, в шествии приняли участие всего до 200 человек, поэтому количество пострадавших показывало, насколько ожесточенными были столкновения. Применение силы власти Эль-Аюна объяснили тем, что эта манифестация не была разрешена. Со своей стороны правозащитная организация «Международная амнистия» утверждала, что шествие проходило в полном спокойствии до тех пор, пока полиция не прибегла к «чрезмерному использованию силы».

На манифестацию в Эль-Аюне тут же отреагировала Франция, подтвердив свою «приверженность праву мирного выражения своих требований». Кому адресовались эти слова – понять трудно.

4 мая 2013 г. в административном центре сахарских провинций городе Эль-Аюн состоялась манифестация сторонников их независимости, названная марокканскими СМИ «беспрецедентной» по размаху за последние десятилетия. По данным городских властей (понятно, явно заниженным), в ней приняли участие около 500 человек. Манифестация вылилась в столкновения с полицией, в результате которых пострадали свыше 20 стражей порядка. Число пострадавших среди сахарцев никто не считал. По данным присутствовавших в тот день в Эль-Аюне и традиционно лояльных Рабату представителей американских СМИ, в манифестации приняли участие свыше 2 тысяч человек (возможно, в связи с их присутствием в городе шествие проходило под флагами сепаратистов из Фронта ПОЛИСАРИО и Соединенных Штатов). Как признала сквозь зубы продворцовая газета «Ожурд`уй ле Марок», манифестация стала результатом «беспрецедентной мобилизации врагов идеи территориальной целостности» королевства.

На следующий день аналогичное шествие прошло в Смаре – втором по значению городе сахарских провинций. Там также не обошлось без столкновений, в которых пострадали 17 полицейских. В Смаре дело дошло до боев на баррикадах, которые сахарцы возвели на основных улицах города.

Уже 7 мая глава МВД Марокко М. Лаенсар отразился в парламенте о 150 раненых полицейских в результате протестных выступлений сахарцев. По его оценке, манифестации были «тщательно подготовлены с главной целью спровоцировать силы безопасности и втянуть их в столкновения с тем, чтобы затем использовать фото- и видеоматериалы в СМИ». При этом он утверждал, что шествия финансировались некими «иностранными кругами».

10 мая 2013 г. руководитель сепаратистского Фронта ПОЛИСАРИО Мохаммед Абдельазиз в выступлении в связи с 40-летием движения заявил, что Марокко практиковало «политику террора и запугивания» в отношении сахарцев, которая, по его оценке, «провалилась». По его мнению, «время, когда эта политика применялась за закрытыми дверями, окончательно завершилось». День спустя М. Абдельазиз пригрозил, что сепаратисты «вновь прибегнут к оружию», если «ООН не решит сахарскую проблему путем референдума». По его оценке, «Марокко превратилось в источник реальной опасности для региона». «Это – страна, производящая и экспортирующая наркотики. Она создала условия для того, чтобы регион превратился в пороховую бочку, способствующую расцвету организованной преступности», – утверждал он.

В октябре 2013 г. в очередное турне по странам Северной Африки отправился спецпредставитель генсека ООН по Западной Сахаре К. Росс. 14 октября он начал переговоры с марокканскими официальными лицами в Рабате, в частности, с новым главой МИД С. Мезуаром и спикерами двух палат парламента. Эта поездка К. Росса стала первой после того, как весной 2013 г. Совет

Безопасности ООН в очередной раз продлил мандат МИНУРСО, развернутой в сахарских провинциях в 1991 г.

Как признал в выступлении в парламенте 11 октября 2013 г. король Мухаммед VI, «ситуация (вокруг сахарских провинций) тяжелая, ничего не решено, и маневры противников нашего территориального единства не прекратятся». Он повторил прием своего отца, покойного Хасана II, призвав «всех марокканцев к мобилизации». «Вместо того, чтобы ждать атак наших противников, а затем отвечать на них, надо заставить их перейти к обороне», – заявил он.

К визиту К. Росса в административный центр сахарских провинций Эль-Аюн несколько сотен сторонников их независимости попытались провести 19 октября 2013 г. манифестацию. Она была пресечена силами безопасности. В завязавшихся столкновениях ранения получили пятеро полицейских и десятки местных жителей. На следующий день аналогичные инциденты имели место в г. Смара (200 км к юго-востоку от Эль-Аюна). Что касается К. Росса, то он провел в Эль-Аюне встречи с местными властями, а также с представителями гражданского общества – сторонниками и противниками независимости сахарских провинций. В дальнейшем он посетил Мавританию и Алжир.

30 октября 2013 г. Марокко отозвало «для консультаций» своего посла в Алжире, отреагировав таким образом на заявление президента АНДР А. Бутефлики относительно сахарских провинций, названное Рабатом «провокационным» и «чрезвычайно агрессивным». Заявление от имени А. Бутефлики было озвучено двумя днями ранее на международной конференции в Абудже. В нем он указал на «настоятельную необходимость учреждения международного механизма по контролю за соблюдением прав человека в Западной Сахаре». В ответ марокканское официальное информационное агентство МАП обвинило Алжир в стремлении «установить свою гегемонию в регионе». В ходе встречи с представителями СМИ министр информации Марокко М. Хальфи заявил, что «назвав Ма-

рокко страной-оккупантом», президент Алжира «перестал быть нейтральным».

В Алжире решение Рабата об отзыве посла назвали необоснованным. Там не стали прибегать к аналогичной ответной мере. Как отмечалось в заявлении МИД АНДР по этому поводу, «принципиальная позиция Алжира о необходимости завершения процесса деколонизации Западной Сахары никогда не изменялась». «В этой связи речь, произнесенная министром юстиции в Абудже, только напомнила об этой позиции, которая не просто известна, а пользуется широкой поддержкой Африканского союза, Европарламента, а также ряда международных акторов», – утверждалось в заявлении. «Бесконечная кампания очернения Алжира, с остервенением проводимая частью марокканской политической элиты и раздуваемая государственными СМИ этой страны, противоречит отношениям братства, сотрудничества и добрососедства между двумя странами», – подчеркивалось в заявлении.

В ноябре 2013 г. получил дальнейшее развитие кризис в марокканско-алжирских отношениях, связанный с нерегулируемостью западносахарского конфликта.

1 ноября у здания алжирского консульства в экономической столице королевства Касабланке состоялась манифестация протеста, в ходе которой молодой марокканец проник на территорию консульства, где сорвал алжирский флаг. В тот же день Алжир осудил этот инцидент и вызвал временного поверенного в делах Марокко в АНДР в МИД для объяснений. Как отметил представитель по печати МИД Алжира Амар Белани, марокканская охрана консульства никак не воспрепятствовала действиям марокканца, который был арестован лишь после того, как покинул территорию консульства. «Этот серьезный поступок был бы невозможным, если бы часть марокканской политической элиты и пресса не развязали бы кампанию по разжиганию ненависти среди марокканцев по отношению к Алжиру», – заметил он.

Похоже, что в Рабате на сей раз не были намерены вести дело к длительному дипломатическому конфликту. Уже 3 ноября «высокопоставленный представитель» марокканских властей заявил агентству АФП, что посол Марокко в Алжире 4 ноября приступит к исполнению своих обязанностей. Он же отметил, что Марокко «предпримет все необходимые шаги против тех, кто пытается покушаться на его территориальную целостность». Одновременно он дал оценку инциденту у консульства АНДР в Касабланке, назвав его «изолированным актом» /7/.

6 ноября 2013 г. на заявление А. Бутефлики ответил король Марокко Мухаммед VI. Смысл его ответа сводился к тому, что Рабат не намерен получать уроки от кого-либо, особенно от тех, кто «систематически попирает права человека». Одновременно он высказал стремление Марокко «достичь окончательного политического решения конфликта» в Западной Сахаре. Монарх косвенно выразил неудовлетворение американским партнером. «Разве есть кризис доверия между Марокко и определенными центрами принятия решений среди стратегических партнеров Рабата?», – задался вопросом он.

7 ноября 2013 г. в Вашингтоне было объявлено, что президент США Б. Обама примет короля Марокко Мухаммеда VI в Белом доме 22 ноября. Как объявил представитель администрации, в ходе встречи планировалось обсудить, в частности, вопросы «борьбы против экстремизма, поддержки демократических преобразований, содействия экономическому развитию на Ближнем Востоке и в Африке». Предварительная договоренность об этом визите была достигнута в телефонном разговоре между главами двух стран в мае. В Рабате по этому поводу заметили, что тот телефонный разговор состоялся после «обмена посланиями» между королем и президентом, касавшимися западносахарской проблематики. До этого, в апреле, Вашингтон вызвал гнев Рабата, предложив, чтобы в мандат Миссии ООН в Западной Сахаре было включено положение о контроле за соблюдением прав человека

в этом регионе. Это предложение вызвало резкий протест Рабата, который добился его отмены.

22 ноября 2013 г. Б. Обама впервые принял Мухаммеда VI. В предыдущий раз марокканский монарх был в Вашингтоне в 2004 г. За несколько часов до начала переговоров американская администрация заявила, что марокканский план автономии сахарских провинций является, по ее мнению, «серьезным и реалистичным». Таким образом Вашингтон дал недвусмысленно понять, на чьей стороне в вопросе западносахарского урегулирования находится он.

В Марокко и Алжире очень ждали визитов в эти страны госсекретаря США Джона Керри. 7 ноября 2013 г. руководитель сепаратистского Фронта ПОЛИСАРИО М. Абдельазиз выразил надежду на то, что визит Дж. Керри в Рабат будет способствовать продвижению на переговорах с королевством по урегулированию западносахарской проблемы. «Мы надеемся, что г-н Керри сможет убедить руководителей марокканского режима освободить десятки заключенных сахарцев и содействовать продвижению в переговорах между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО по урегулированию западносахарской проблемы в соответствии с международными решениями», – заявил он. М. Абдельазиз проинформировал, что «правительство САДР недавно направило послание Дж. Керри, в котором сообщило ему информацию относительно развития сахарского вопроса и беззаконий, творимых в отношении населения оккупированных территорий».

Однако 8 ноября 2013 г. стало известно, что госсекретарь США Дж. Керри, совершавший турне по ряду ближневосточных стран, отложил визиты в Марокко и Алжир из-за необходимости отправиться в Женеву для обсуждения иранского ядерного досье.

17 апреля 2014 г. король Мухаммед VI впервые после нескольких лет отсутствия посетил сахарские провинции, и в частности, город Дахла. Таким образом он предвосхитил голосование в Совете Безопасности ООН 23 апреля

по очередной резолюции о продлении мандата МИНУРСО. Накануне голосования он более чем жестко предупредил генсека ООН Пан Ги Муна о том, что Марокко «решительно выступит против любой попытки использования вопроса о правах человека» применительно к сахарским провинциям. Одновременно Рабат дал понять, что если его не устроит резолюция СБ ООН, он может потребовать вывода из региона контингента МИНУРСО.

29 апреля 2014 г. Совбез ООН принял очередную резолюцию по Западной Сахаре, в которой призвал контролирующей эту территорию Рабат и другие стороны конфликта улучшить на ней ситуацию с правами человека.

1 июля 2014 г. Рабат выразил решительный протест против назначения Африканским союзом его «специального представителя» по Западной Сахаре, отметив при этом, что только ООН вправе заниматься поиском путей окончательного урегулирования данной проблемы. «Королевство Марокко, являясь основным и неоспоримым участником этого регионального конфликта, не считает себя каким-либо образом зависимым от такого одностороннего решения, которое оно полностью отвергает», – отмечалось в коммюнике МИД Марокко.

Напомним, что Марокко вышло из Африканского союза (Организации африканского единства) в 1984 г. в знак протеста против признания этой организацией САДР (Сахарской Арабской Демократической Республики), государства-фантома, созданного сепаратистами из Фронта ПОЛИСАРИО.

В коммюнике также утверждалось, что у АС «нет никакой юридической базы, политических оснований и морального права для какого-либо вмешательства в сахарское досье». По оценке Рабата, позиция АС по сахарской проблеме «противоречит процессу, осуществляемому в настоящее время под эгидой ООН».

АС назначил своим «специальным представителем» по Западной Сахаре бывшего президента Мозамбика Хоакима Чиссано, известного своей поддержкой сепаратистов из Фронта ПОЛИСАРИО.

10 июля 2014 г. глава МИД Марокко С. Мезуар обвинил Алжир в том, что тот стоял за решением АС о назначении его «специального представителя» по Западной Сахаре. «Алжир использует все финансовые и материальные средства для того, чтобы противодействовать усилиям Марокко по поиску путей решения» сахарской проблемы, заявил С. Мезуар в парламенте. По его словам, «в настоящее время мы противостояем в конфликте не Фронту ПОЛИСАРИО, а Алжиру». В Алжире высказывания С. Мезуара называли «оскорбительными».

В октябре 2014 г. беспокойно было в сахарских провинциях Марокко. 3 октября Минюст Марокко объявил, что умерший 28 сентября в тюрьме Дахлы (юг сахарских провинций) сторонник независимости Западной Сахары Хасан аль-Уали скончался естественной смертью и что по отношению к нему не применялось какое-либо насилие. Соответствующее заключение сделали патологоанатомы по итогам двух вскрытий тела скончавшегося, производившихся в Дахле и Касабланке. В коммюнике отмечалось, что еще 24 сентября заключенный был госпитализирован по поводу острых болей в желудке.

28 сентября известие о кончине 43-летнего Х. аль-Уали спровоцировало столкновения в Дахле между сторонниками сепаратистов, сумевшими собрать до 300 человек, и силами безопасности. В ходе столкновений пострадали 7 полицейских. 5 человек из числа участников беспорядков были арестованы.

Сторонники сепаратистов утверждали, что в момент госпитализации Х. аль-Уали проводил голодовку. Они потребовали независимого расследования причин его смерти.

В октябре 2014 г. в Марокко объявился свой «Эдвард Сноуден», назвавший себя в интернете «Крисом Колеманом». Он выложил в «Твиттере» ряд документов и письма частной переписки таких известных в королевстве фигур, как глава МИД С. Мезуар и руководитель разведывательной службы DGED Ясин Мансури. В частности, относительно последнего были выложены некие документы,

касающиеся лоббирования в США марокканских интересов, отношений между DGED и израильской разведкой «Моссад», связей марокканской разведки в африканских СМИ. «Крис Колеман» не скрывал своих политических пристрастий – он поддерживал принцип самоопределения сахарских провинций. И не случайно сделанные им «разоблачения» немедленно получали отклик в СМИ сепаратистского Фронта ПОЛИСАРИО.

11 декабря 2014 г. правительство Марокко осудило начавшуюся еще в октябре «яростную кампанию» по компрометации Рабата путем публикации в социальных сетях дипломатической переписки, касавшейся, в частности, западносахарской проблематики и деятельности марокканского лобби в США. С начала кампании в «Фейсбуке» и «Твиттере» были опубликованы сотни документов, представленных как официальные, причем Рабат не стал опровергать их подлинность. Личность человека, который опубликовал эти документы, осталась неизвестной. Как утверждала марокканская газета «Ахбар аль-Яум» со ссылкой на главу МИД Марокко С. Мезуара, речь идет об «операции алжирских спецслужб» /8/.

6 февраля 2015 г. после переговоров с марокканскими властями канадка Ким Болдак объявила в Рабате, что вступила в должность главы МИНУРСО. К. Болдак была назначена на эту должность еще в мае 2014 г., однако она не могла занять ее из-за позиции Рабата, заявившего, что с ним не консультировались при этом назначении. На самом деле сложности между Рабатом и ООН возникли после того, как США попытались в 2013 г. расширить мандат МИНУРСО, включив в него контроль за соблюдением прав человека в сахарских провинциях. Это предложение вызвало резко негативную реакцию Марокко.

16 февраля глава сепаратистского Фронта ПОЛИСАРИО М. Абдельазиз призвал ООН оказать давление на Марокко с тем, чтобы королевство согласилось на проведение референдума о самоопределении сахарских провинций. До этого он встретился с эмиссаром ООН

по западносахарскому урегулированию К. Россом, который провел три дня в лагерях Фронта близ алжирского города Тиндуф.

В сентябре 2015 г. вновь стало неспокойно в некоторых сахарских городах. В ночь на 29 сентября в трех кварталах города Дахла группы просепаратистски настроенной молодежи атаковали полицейских с использованием палок и бутылок с горючей смесью. По данным официального информационного агентства МАП, общее число нападавших не превышало 40 человек. Стражам порядка удалось арестовать 9 участников этих акций.

Дахла наряду с Эль-Аюном является одним из основных городов сахарских провинций Марокко. В нем проживает 60 тысяч человек. Он находится в 300 км от границы сахарских провинций Марокко с Мавританией.

2 октября 2015 г. марокканское официальное информационное агентство МАП сообщило, что шестеро выходцев из сахарских провинций получили по шесть месяцев тюрьмы каждый по обвинению в «подстрекательстве к насилию» против сил безопасности в ходе одной из манифестаций сторонников независимости Западной Сахары, прошедшей в г. Дахла 29 сентября.

5 ноября 2015 г. генсек ООН Пан Ги Мун призвал организовать в ближайшие месяцы переговоры между сторонами конфликта, сообщив, что его представитель К. Росс интенсифицирует свои усилия в этом направлении. По оценке генсека ООН, 40-летний конфликт вокруг Западной Сахары «сейчас становится все более и более тревожащим». Он выразил надежду на достижение некоего результата в деле урегулирования этого конфликта до завершения срока действия его мандата, истекавшего в декабре 2016 г. В администрации ООН сообщили, что Пан Ги Мун рассчитывает лично посетить сахарские провинции.

Спецпредставитель генсека ООН по Западной Сахаре К. Росс возобновил свои дипломатические усилия в феврале 2015 г. Ранее Марокко объявило о недоверии американцу, обвинив его в «предвзятости».

12 ноября 2015 г. генсек Фронта ПОЛИСАРИО М. Абдельазиз в ходе визита в Мадрид осудил «волну репрессий» со стороны марокканских властей в сахарских провинциях. Выступая по случаю 40-й годовщины «Зеленого марша» (невооруженный поход марокканцев в Западную Сахару), после которого сахарские провинции оказались под контролем Рабата, он утверждал, что при подготовке состоявшегося 7 ноября 2015 г. визита в этот регион короля Марокко Мухаммеда VI туда якобы были перемещены 140 тысяч марокканцев – «главным образом солдат, полицейских и жандармов». По оценке главы сепаратистов, они были направлены туда с тем, чтобы запугать местное население.

В свою очередь король Мухаммед VI при посещении сахарских провинций предупредил, что Рабат будет противостоять «со всей твердостью любым попыткам умалять его право на свою территорию». «Ошибается тот, кто ожидает от Марокко каких-либо уступок», – сказал он. Одновременно Рабат дал понять, что не хочет видеть К. Росса в сахарских провинциях.

Тогда же проявился «шлейф» от визита монарха в Нью-Дели, где он принял участие в саммите Африка-Индия. 7 ноября, в день годовщины «Зеленого марша», президент Мавритании Мухаммед ульд Абдельазиз сделал телефонный звонок не монарху, а руководителю Фронта ПОЛИСАРИО, дав тем самым ясно понять, на чьей стороне он находится в случае западносахарского конфликта. В этой связи некоторые СМИ утверждали, что такая реакция президента Мавритании стала ответом на отказ марокканского монарха принять его за кулисами саммита Африка-Индия. Как утверждала в этой связи хорошо информированная лондонская газета «Аль-Кудс аль-Араби», отказ в аудиенции у монарха вызвал гнев президента. По ее данным, в ходе телефонного разговора с руководителем Фронта ПОЛИСАРИО президент Мавритании якобы заверил своего собеседника, что Нуакшот сохранит полное признание т.н. Сахарской Арабской

Демократической Республики – государства-фантома, провозглашенного сепаратистами.

Еще одним признаком мягко говоря плохих отношений между Мавританией и Марокко является то, что Нуакшот к тому времени уже 4 года не назначал своего посла в Рабате. Кроме того, он резко сократил число мавританских студентов, обучавшихся в Марокко, а также курсантов, учившихся в марокканских военных училищах.

В июне 2016 г. продолжал развиваться кризис в отношениях между Марокко и Мавританией, возникший из-за разных подходов двух стран к решению проблемы западносахарского урегулирования.

В частности, новый импульс ему придало решение Нуакшота приостановить разрешения на работу для марокканцев – сотрудников мавританского оператора мобильной связи Mauritel при том, что 54% капитала этой компании принадлежит марокканской группе Maroc Telecom. Мавританская сторона мотивировала свое решение тем, что марокканская группа не реализовала в установленные сроки планы по «мавританизации» менеджмента Mauritel. Кроме того, утверждалось, что марокканские спецслужбы вели разведку своего южного соседа с использованием возможностей этой компании.

По имеющимся данным, дворец к тому времени уже свыше двух месяцев отказывался принять министра иностранных дел Мавритании, который должен был доставить приглашение для короля Мухаммеда VI принять участие в саммите ЛАГ, который должен был пройти в Нуакшоте в конце июля 2016 г. Согласие Мавритании принять саммит вызвало гнев в Рабате, поскольку ранее, в феврале, Марокко отказалось принимать его. Саммит должен был пройти в апреле в Марракеше.

Кроме того, Мавритания объявила 3-дневный траур в связи с кончиной лидера Фронта ПОЛИСАРИО, что было расценено в Рабате как явно недружественный шаг.

В марте 2016 г. получил дальнейшее развитие кризис в отношениях между Марокко и ООН, возникший на фоне

ранее состоявшегося визита в регион генсека ООН Пан Ги Муна, в ходе которого он не посетил королевство, хотя объявленной целью его поездки было возобновление переговоров между Рабатом и Фронтом ПОЛИСАРИО. Обычно всегда правилом хорошего тона считалось, что если некий политик совершает поездку в регион и посещает Алжир, тут же он должен посетить и Рабат, или наоборот.

9 марта правительство Марокко обвинило генсека ООН в том, что тот в ходе визита в регион сделал неуместные «словесные выпады». Поводом для такого заявления послужило то, что будучи в Алжире, генсек ООН констатировал, что Рабат и Фронт ПОЛИСАРИО «не добились никакого реального прогресса с целью достижения справедливого и приемлемого для всех решения, основанного на праве народа Западной Сахары на самоопределение». Он отметил, что персонал МИНУРСО «готов организовать референдум (о самоопределении Западной Сахары), если на это дадут согласие стороны (конфликта)». Пан Ги Мун при посещении лагерей сахарских беженцев близ алжирского города Тиндуф, характеризуя статус сахарских территорий, использовал термин «оккупированные». Понятно, что это могло вызвать только зубовой скрежет в Рабате.

Как подчеркивалось в последовавшем затем заявлении правительства Марокко, вместо содействия возобновлению политических переговоров визит генсека ООН в регион «рискует скомпрометировать их».

13 марта 2016 г. марокканские власти в очередной раз сделали то, что они умеют блестяще делать: вывели сотни тысяч марокканцев на улицы Рабата, чтобы выразить протест против «отсутствия нейтралитета» у генсека ООН Пан Ги Муна в западносахарском досье. Манифестация была организована по призыву ряда политических партий и профобъединений. Ее целью было осудить заявления генсека ООН по Западной Сахаре, сделанные в ходе турне по региону.

15 марта в Нью-Йорке, принимая главу МИД Марокко С. Мезуара, Пан Ги Мун выразил свое разочарование «недостатком уважения» Марокко по отношению к его персоне и ООН. Он высказал свое «глубокое разочарование и гнев» в связи с массовой манифестацией в Рабате, которая была направлена «лично против него». Генсек потребовал от министра заверить его, что «ООН будет уважаться в Марокко». Какая последовала реакция на это требование – неизвестно.

Со своей стороны Москва в ходе состоявшегося в марте 2016 г. визита в Россию короля Марокко фактически поддержала Рабат в его тяжбе с ООН. «Россия учитывает позицию Марокко относительно урегулирования этой (западносахарской) проблемы, – отмечалось в совместном заявлении по итогам встречи глав двух стран в Кремле. – Россия и Марокко не поддерживают какие-либо попытки ускорить или подтолкнуть продолжение политического процесса».

16 марта 2016 г. Марокко объявило о значительном сокращении МИНУРСО за счет гражданской составляющей Миссии.

Стоит напомнить, что МИНУРСО была создана в 1991 г. с задачей организации референдума в Западной Сахаре: покойный король Хасан II формально не был против плебисцита, однако он выступал за самый широкий состав избирательного корпуса, против чего были Алжир и Фронт ПОЛИСАРИО. К марту 2016 г. в составе Миссии значились 482 человека, в том числе 226 военных и 246 гражданских сотрудников. Из числа последних 162 – марокканцы. Речь шла о сокращении прежде всего иностранных сотрудников Миссии, занимавших как технические, так и важные политические посты.

Одновременно Рабат заявил об «аннулировании добровольного содействия, которое Марокко оказывало функционированию МИНУРСО». Как известно, королевство предоставило Миссии ряд административных зданий и несло определенные затраты на ее содержание. Он

также сообщил о намерении рассмотреть условия вывода марокканских воинских контингентов из состава миротворческих операций ООН. К тому времени в составе ряда миротворческих контингентов ООН проходили службу около 2300 марокканских «голубых касок».

17 марта 2016 г. в ответ на критику со стороны генсека ООН относительно прошедшей в Рабате манифестации глава правительства Марокко А. Бенкиран призвал Пан Ги Муна уважать право марокканцев на самовыражение.

17 марта вопрос об отношениях между ООН и Марокко рассматривался на заседании Совбеза ООН. По его итогам совместное заявление не получилось. Марокко получило поддержку со стороны Франции, Испании, Египта, Японии и Сенегала. Как было объявлено, каждый член Совбеза будет индивидуально работать с Марокко с тем, чтобы «стабилизировать ситуацию».

Уже 20 марта 2016 г. территорию сахарских провинций были вынуждены покинуть свыше 80 гражданских сотрудников МИНУРСО. Вслед за этим Марокко начало давить на военную часть Миссии: 21 марта оно потребовало от ООН закрыть военное бюро по связи в Дахле.

Со своей стороны Совбез ООН 25 марта выразил пожелание, чтобы МИНУРСО «могла бы возобновить функционирование в полном объеме». Он призвал Марокко урегулировать проблему «конструктивным образом».

25 марта марокканская газета «Аль-Масаа» сообщила, что марокканские войска в Южной военной зоне приведены в повышенную степень боевой готовности. Она связала эту меру с возможностью возобновления боевых действий между Марокко и сепаратистским Фронтом ПОЛИСАРИО на фоне резкого снижения дееспособности МИНУРСО. Примерно в это же время стало известно, что по другую сторону мароккано-алжирской границы к аналогичной мере прибегло командование Национальной народной армии Алжира. В итоге конфронтации все-таки удалось избежать.

В целом с учетом того, что перед Москвой и Рабатом стояли и стоят схожие проблемы в виде Крыма и сахар-

ских провинций соответственно, как представляется, у России появился прекрасный шанс политически приблизить к себе Марокко. Что касалось Рабата, то было очевидно, что он будет пытаться добиться решения западносахарской проблемы и других спорных вопросов в свою пользу, подчеркивая его важную роль в решении задачи борьбы с терроризмом.

Тем временем события на сахарском направлении шли своим ходом. 7 апреля 2016 г. марокканские власти задержали и выдворили из страны группу юристов из европейских стран, которые поддерживали находившихся в тюрьмах сторонников независимости сахарских провинций. Европейцев обвинили в нарушении общественного порядка.

Как следовало из официального коммюнике, речь шла о восьми юристах из Франции, Бельгии и Испании. Они являлись участниками Международного коллектива защиты сахарцев, осужденных по делу о разгоне лагеря «Гдим Изик». В их планы входило проведение 8 апреля пресс-конференции с тем, чтобы «осудить несправедливость, с которой сталкиваются сахарские заключенные».

14 апреля 2016 г. в письме к генсеку ООН глава сепаратистского Фронта ПОЛИСАРИО М. Абдельазиз предупредил о возможности возобновления боевых действий против Марокко в сахарских провинциях в случае, если МИНУРСО окажется неспособной выполнять свой мандат в полном объеме.

По его словам, если Совбез ООН не окажет «реальное и прямое давление» на Марокко с тем, чтобы то позволило МИНУРСО «возобновить работу в рамках ее мандата по организации референдума по самоопределению (сахарских провинций), это будет «зеленым светом» для военной агрессии» Марокко против сахарцев.

«В этом случае сахарский народ снова будет вынужден защищать свои права всеми законными способами, включая вооруженную борьбу, которая признана ООН легальной для всех колониально зависимых народов», – предупредил он.

19 апреля 2016 г. это заявление фактически поддержал генсек ООН Пан Ги Мун, потребовавший от Совбеза ООН «восстановить и поддержать» роль МИНУРСО в сахарских провинциях, резко сокращенную действиями Марокко. В докладе Совбезу ООН генсек констатировал, что марокканские меры по затруднению работы Миссии привели к «изменению де-факто ее мандата».

20 апреля 2016 г. в Эр-Рияде прошел саммит с участием шести стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Марокко. По его итогам ССАГПЗ выразил поддержку Рабату в сахарском «досье». В свою очередь марокканский монарх указал на опасность ситуации, складывавшейся на этой территории в связи с «заговором против территориальной целостности» Марокко.

Он же сообщил, что Марокко за предшествовавшие месяцы начало политику «диверсификации своих политических, стратегических и экономических» отношений при сохранении отношений со своими стратегическими партнерами. При этом была упомянута поездка монарха в Россию и объявлены визиты в Китай и Индию.

По итогам саммита было объявлено, что в ближайшие 10 лет страны ССАГПЗ инвестируют в экономику Марокко 120 млрд долларов.

27 апреля 2016 г. США предложили партнерам по Совбезу ООН проект резолюции по Западной Сахаре, в котором указывалось на «срочную необходимость» урегулировать проблему полноценного функционирования МИНУРСО. Для ее урегулирования предполагалось дать ООН и Рабату 4 месяца при одновременном продлении мандата Миссии на очередные 12 месяцев. В проекте отмечалось, что главной задачей МИНУРСО остается организация референдума, против которого выступает Рабат. Поэтому можно признать, что проект резолюции был в целом неблагоприятным для Марокко.

17 мая 2016 г. разразился дипломатический кризис между Рабатом и Вашингтоном. В тот день посла США

в Рабате вызвали в МВД, а на следующий день – в МИД королевства в связи с публикацией ежегодного доклада Госдепа США о правах человека в Марокко, который марокканские власти расценили как «скандальный» и «не соответствующий действительности». Ранее Марокко никогда не отвечало так резко на подобные доклады, хотя они из года в год содержали примерно одни и те же утверждения. Интересно также, почему марокканские власти молчали целый месяц? Ведь возмутивший их доклад был опубликован еще 13 апреля. Нестандартным был и вызов посла в два марокканских ведомства.

В американском докладе за 2015 год, в частности, отмечалось, что «силы безопасности неоднократно совершали нарушения прав человека», а «правительство подавляло свободу выражения мнений и прессу, в том числе арестовывая журналистов за их работу при освещении тем, которые оно считает чувствительными». Такие же или похожие утверждения из года в год переключаются из доклада в доклад госдепа.

По оценкам некоторых наблюдателей, столь резкая реакция Марокко последовала после «предшествовавших маневров американцев по сахарскому досье».

Удивительное продолжилось и в дальнейшем. 24 мая стало известно, что посольство США в Марокко провело серию контактов с марокканскими СМИ с тем, чтобы уведомить их, что оно представило свои извинения за ошибку, совершенную в докладе Госдепа. При этом не было опубликовано каких-либо коммюнике, хотя это – обычный для американского диппредставительства путь общения с марокканской прессой. Как стало известно, речь шла об утверждении о том, что судебному преследованию якобы подвергся журналист Хамид Махдауи.

23 мая 2016 г. стало известно, что Марокко и ООН ведут секретные переговоры относительно возвращения в состав МИНУРСО выдворенных ранее 73 иностранных гражданских сотрудников Миссии. Их возвращение Рабат обусловил выполнением ряда требований. В частности,

он требовал, чтобы сотрудники Миссии занимались исключительно наблюдением за соблюдением режима прекращения огня, отказавшись от работы по подготовке референдума и контроля за соблюдением прав человека в сахарских провинциях. Сотрудникам Миссии было предложено отказаться от каких-либо заявлений относительно сахарского конфликта.

3 июня 2016 г. Марокко отреагировало на кончину 31 мая лидера Фронта ПОЛИСАРИО М. Абдельазиза. Как заявил для официального информационного агентства МАП безымянный «официальный источник», под которым в марокканских реалиях, как правило, подразумевается дворец, смерть лидера сепаратистов «не является событием в политической жизни, и она не будет иметь никаких последствий для досье о марокканской Сахаре».

«Марокко приняло к сведению информацию о смерти М. Абдельазиза. Как для всех событий подобного рода, она вызывает сострадание, особенно когда речь идет о его семье и близких. Покойный, равно как все сепаратистское движение, которому он принадлежал, были главными действующими лицами досье, которое было и остается зависимым от внешних игроков», – заявил источник /9/.

9 июля 2016 г. стало известно, что по итогам прошедшего чрезвычайного конгресса Фронта ПОЛИСАРИО его руководителем избран Брахим Гали, долгое время представлявший Фронт в Алжире. Он сменил на этом посту М. Абдельазиза, скончавшегося в конце мая от рака. 67-летний Б. Гали получил два поста – генсека Фронта ПОЛИСАРИО и «президента» непризнанной САДР. Он был единственным кандидатом на избрание. За него проголосовали 93% из 2300 участников конгресса. В период от кончины М. Абдельазиза до избрания Б. Гали руководство Фронтом осуществлял председатель Национального совета («парламента») Катри Адду.

Б. Гали считается сторонником жесткой линии в руководстве Фронта ПОЛИСАРИО. В иерархии организации

карьеру начинал как военный специалист. Несмотря на репутацию «ястреба», ему придется противостоять сахарской молодежи, родившейся и воспитанной в лагерях беженцев, получившей образование, включая военное, за границей и считающей, что режим прекращения огня, действующий в сахарских провинциях с 1991 г., уже давно изжил себя.

13 июля 2016 г. стало известно, что Марокко и ООН договорились относительно возвращения в сахарские провинции части гражданских служащих Миссии ООН в Западной Сахаре, которым в марте Рабат предложил покинуть контролируемые им территории. Первоначально речь шла о возвращении 25 сотрудников Миссии. Известно, что в конце апреля 2016 г. Совбез ООН дал Марокко 90 дней для решения вопроса о возвращении изгнанных 84 сотрудников Миссии.

25 июля Фронт ПОЛИСАРИО потребовал от Совбеза ООН усилить давление на Марокко с тем, чтобы добиться от него скорейшего возвращения всех выдворенных ранее гражданских сотрудников Миссии ООН в Западной Сахаре.

18 июля 2016 г. сенсацию сотворил король Марокко Мухаммед VI, заявивший, что «настала пора» для его страны вернуть ей ее «естественное место» в Африканском союзе (АС). Марокко вышло из предшественницы АС – Организации африканского единства (ОАЕ) в 1984 году в знак протеста против принятия САДР в состав ОАЕ.

«Очень долго наши друзья требовали от нас вернуться в их ряды с тем, чтобы Марокко восстановило свое естественное место. Этот момент настал, – заявил монарх в послании, адресованном 27-му саммиту АС в Кигали. – Этим историческим и ответственным актом Марокко показывает свое намерение работать в рядах АС с целью преодоления существующих разногласий». При этом он подчеркнул, что САДР состоит в составе АС, хотя 34 страны-участницы АС не признают страну-фантом. Псевдострана никак не признана ни ООН, ни Организацией

исламского сотрудничества, ни ЛАГ. Тем самым как бы указывалось, что условием возвращения Марокко в АС является исключение из его состава САДР, что явно было малореалистичным. Как утверждал монарх, «настало время отбросить в сторону манипуляции и финансирование извне сепаратистов».

Через три дня марокканскому монарху ответил Алжир. Его позицию изложил министр-делегат при МИД АНДР по делам Магриба, АС и ЛАГ Абделькадер Месахель. «Никакая страна не может требовать своего включения в АС, выдвигая при этом условия. Относительно этих условий некоторые говорят о приостановке членства САДР. В Учредительном акте АС нет ни слова о приостановке, – заявил он. – Если вы хотите вернуться – возвращайтесь, но без выдвигания условий. Нет условий ни для замораживания (членства САДР), ни для изгнания, ни для приостановки. Приостановка производится только в единственном случае – если в стране произошли антиконституционные изменения».

Уже 30 июля король Мухаммед VI пояснил, что недавнее решение Марокко вернуться в лоно АС не означает его отказ от прав на сахарские провинции.

1 августа 2016 г. заместитель официального представителя ООН Фархан Хак сообщил, что Объединенные Нации готовят «формальное предложение» сторонам западносахарского конфликта и соседним странам для возобновления переговоров о Западной Сахаре и что эмиссар генсека ООН американец К. Росс планирует в этой связи поездку в регион.

Ранее, 26 июля, Совет Безопасности ООН потребовал возобновить переговоры между Рабатом и Фронтом ПОЛИСАРИО. До этого состоялись 4 раунда переговоров между ними, но в итоге этот процесс оказался в тупике из-за диаметрально противоположных позиций сторон.

СБ ООН также констатировал определенный прогресс в урегулировании конфликта между ООН и Рабатом, связанного с высылкой последним гражданских специали-

стов МИНУРСО. Как утверждал в этой связи Ф. Хак, «отныне ничто не препятствует тому, чтобы К. Росс вернулся в регион для содействия возобновлению переговоров».

16 августа 2016 г. официальное информационное агентство МАП сообщило о начале широкомасштабной операции «по борьбе против контрабанды», проводившейся силами безопасности на границе с Мавританией, с которой у Марокко к тому времени сложились достаточно напряженные отношения. Операция проводилась в районе населенного пункта Гаргарат (местные жители уже давно называют его Кандагар) за пределами так называемой марокканской стены (гигантское по протяженности – 2500 км – инженерное сооружение из песка вдоль границ сахарских провинций с Алжиром и Мавританией), где тут же были обнаружены в трех точках и конфискованы предназначавшиеся для перегона в страны Западной Африки 600 бывших в употреблении легковых автомашин, числившихся в угоне.

Уже 17 августа стало понятно, что марокканская операция кое-кого затронула «за живое». В тот день руководство Фронта ПОЛИСАРИО в обращении к ООН осудило действия марокканских войск близ границы с Мавританией. В ответ представитель МИНУРСО заявил, что сотрудники Миссии не выявили «подозрительных военных маневров» марокканских войск, дислоцированных в сахарских провинциях. Этот вывод был сделан после того, как МИНУРСО 16 и 17 августа «развернуло наземные и воздушные средства наблюдения с тем, чтобы проверить обвинения» (сепаратистов). В результате Миссия «не обнаружила ни военного присутствия, ни военной техники» в указанном регионе. По ее данным, проникавший за «марокканскую стену» автотранспорт не был военным.

30 августа достоянием гласности стал конфиденциальный документ ООН, согласно которому Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО нарушили соглашение о прекращении огня 1991 г., развернув вооруженные подразделения в зоне Гаргарат, примыкающей к Мавритании. Согласно

документу, операция в этой зоне, представленная Марокко как полицейская, выполнялась без предварительного уведомления МИНУРСО, как того требует соглашение 1991 г., и сопровождалась силовым прикрытием в лице подразделения Королевской жандармерии. Что касается сепаратистов, то миротворцы констатировали появление в указанной зоне примерно 30 вооруженных лиц из Фронта ПОЛИСАРИО.

7 сентября 2016 г. представитель ООН Стефан Дуджарич оценил ситуацию в районе местечка Гаргарат на юге сахарских провинций Марокко как «очень напряженную» в связи с намечавшимся там противостоянием КВС и формирований Фронта ПОЛИСАРИО. По его оценке, несмотря на усилия миротворцев из состава МИНУРСО, позиции сторон в этом месте разделяют всего 120 метров, и там в любой момент у кого-нибудь просто могут не выдержать нервы. В этой связи он от имени ООН выразил опасения относительно вероятности возобновления боевых действий «с возможным региональным вмешательством», под которым читался Алжир. Командование МИНУРСО развернуло в конфликтной зоне невооруженных наблюдателей, но они, понятно, ничего не смогли бы сделать в случае обострения ситуации.

10 сентября официальный источник заявил в Рабате, что в конфликте вокруг Гаргарата Марокко проявило «максимум сдержанности». Он сообщил, что королевство намерено довести до конца строительство в этом районе автодороги, названной им «стратегическим объектом». Одновременно стало известно, что Рабат отклонил запрос спецпредставителя генсека ООН по Западной Сахаре К. Росса о посещении региона, отметив, что он направлен в «неподходящее время».

Вяло протекавший, но чреватый большими осложнениями конфликт между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО из-за зоны Гаргарат, находящейся на границе королевства и Мавритании вне «марокканской стены», получил дальнейшее развитие в марте 2017 г. В первый день ме-

сяца было восстановлено автомобильное движение через зону после того, как марокканские силы выполнили «односторонний выход» из нее. Как утверждали в Рабате, это было сделано по требованию ООН. По данным водителей грузовиков, следовавших через зону, там заметно уменьшилось и присутствие вооруженных сепаратистов, что позволяло предположить, что они также выполняли требование ООН.

Ситуация в зоне стала накаляться с середины августа 2016 г., когда марокканские военные приступили к строительству автодороги протяженностью 4,5 км в ее южной части. Эта автодорога рассматривалась Рабатом как важная часть инфраструктуры, связывающей Марокко с африканскими странами южнее Сахары. Со своей стороны сепаратисты стали то и дело отправлять в этот район вооруженные патрули, поскольку они относят его к так называемым «освобожденным территориям». ООН сделала все возможное и невозможное, чтобы не допустить эскалации конфликта, к которой были готовы обе стороны.

5 марта 2016 г. Фронт ПОЛИСАРИО заявил, что его формирования останутся в зоне Гаргарат.

6 марта представитель ООН по вопросам Западной Сахары К. Росс подал в отставку после 8 лет безуспешных попыток урегулировать западносахарский конфликт.

13 сентября 2016 г. сепаратистский Фронт ПОЛИСАРИО одержал важную политико-юридическую победу над Рабатом после того, как генеральный адвокат Суда Европейского союза (CJUE) Мельхиор Вателе признал, что соглашение 2012 г. между ЕС и Марокко о либерализации торговли сельскохозяйственными и морепродуктами не распространяется на Западную Сахару, которая «не является частью территории Марокко». Эта констатация содержалась в рекомендациях Суду Европейского союза. Упомянутый документ «обнулil» также соглашение об ассоциации ЕС и Марокко.

По имеющимся прецедентам считается, что рекомендации генерального адвоката выполняются в 70% случаев.

Развитие этой истории последовало в феврале 2017 г., когда продолжилась тяжба между Марокко и Евросоюзом, связанная с решением суда ЕС от декабря 2015 г. не считать действующим соглашение между Рабатом и Брюсселем от 2012 г. относительно сельского хозяйства и морского рыболовства в части, касающейся сахарских провинций. 6 февраля Марокко направило в адрес ЕС «суровое предупреждение», призвав Брюссель к реализации соглашения «в полном объеме». В противном случае Рабат угрожал некими «последствиями».

Суд ЕС в декабре 2015 г. отреагировал соответствующим образом на иск Фронта ПОЛИСАРИО. В конце 2016 г. иск сепаратистов был отвергнут более высокой европейской судебной инстанцией. Как подчеркивалось в коммюнике Министерства сельского хозяйства и морского рыболовства Марокко, «этот (второй по счету) юридический эпизод по всей логике подтвердил действие сельскохозяйственного соглашения», и ЕС «должен отныне применять его в полном соответствии с духом переговоров, которые предшествовали его заключению». «Любое нарушение положений соглашения окажет прямое воздействие на тысячи рабочих мест с обеих сторон в чрезвычайно чувствительных секторах», – подчеркивалось в документе. В нем содержалось предупреждение о том, что в противном случае Европа столкнется с «настоящим риском возобновления миграционных потоков, которыми Марокко, благодаря совместным усилиям, удается управлять и сдерживать». «Отсутствие четких обязательств со стороны ЕС поставит Марокко перед решающим выбором, – отмечалось в документе. – Либо сохранить терпеливо выстроенное экономическое партнерство, либо безвозвратно отказаться от него с тем, чтобы сконцентрироваться на строительстве новых отношений и торговых потоков».

17 февраля 2017 г. последовало вольное или невольное подтверждение серьезности предупреждения Марокко. В тот день несколько сотен незаконных иммигрантов

из стран Африки штурмом взяли укрепления на границе испанского анклава Сеута и проникли на его территорию.

23 сентября 2016 г. Марокко официально заявило о своем намерении вернуться в лоно АС, который (тогда это была ОАЕ) королевство покинуло в 1984 г. в знак протеста против принятия в ряды организации т.н. САДР. Как отмечалось в коммюнике АС, «Королевство Марокко официально направило запрос о присоединении к Учредительному акту АС с тем, чтобы стать участником этого союза».

27 января 2017 г. король Мухаммед VI отправился на африканский саммит в Аддис-Абебу, где 30–31 января прошло оформление возвращения Марокко в ряды АС. Как сообщили в Рабате, он заручился поддержкой 42 африканских столиц в этом вопросе из 54 стран – членов АС. Против возвращения Марокко в АС выступали два африканских «тяжеловеса» – Алжир и ЮАР. Тем не менее 30 января 2017 г. возвращение состоялось. За него проголосовали 39 стран. Выступая 31 января на церемонии закрытия саммита, монарх признал, что «мы не можем игнорировать того, что это возвращение не было единогласным».

В начале февраля 2017 г. не было недостатка в комментариях относительно возвращения Марокко в ряды АС. Их авторы были едины в том, что это – политическая победа Рабата, однако она носит больше символический характер и не будет иметь каких-либо заметных последствий в ближайшей перспективе, особенно в том, что касается западносахарской проблематики. Тем не менее очевидно, что большинство африканских стран (39 из 54) поддержало Марокко, а значит, у королевства будет еще больше стимулов развивать отношения с ними на двусторонней основе, над чем немало потрудились за предшествовавшие месяцы король Мухаммед VI.

5 февраля 2017 г. возвращение Марокко в АС прокомментировал глава сепаратистов Брахим Гали, заявивший о возможности для них всех выборов, включая

военный. При этом он утверждал, что членство Марокко в АС должно обязать королевство уважать «международные» границы САДР.

В тот же день прозвучал ответ Рабата. Как заявил министр–делегат при МИД Марокко Насер Бурита, королевство «никогда не признает» САДР. Он также пообещал, что Марокко повлияет на «меньшинство» африканских стран, признавших САДР с тем, чтобы они изменили свои позиции. Тем самым он фактически открыл одну из причин, побудивших Рабат вернуться в АС.

Еще одним источником относительной стабильности Марокко стало достаточно поступательное развитие экономики королевства, что давало работу тысячам марокканцев и заметно сокращало число поводов, способных вывести людей на улицы.

Так, по официальным данным, в 1-м полугодии 2011 г. показатель экономического роста страны (без учета сектора сельского хозяйства) составил 5,1%. Это примерно соответствовало данным нескольких предыдущих лет, по итогам которых этот показатель варьировался от 4 до 5%. Показатель экспорта за 1-е полугодие 2011 г. вырос на 19,8% по сравнению с аналогичным показателем 2010 г. Что касается 2012 финансового года, то по его итогам ожидалось достижение экономического роста в 5–5,5% (без сельского хозяйства) при уровне инфляции в 2% и стоимости барреля нефти в 100 долларов на мировом рынке.

Марокко остается единственной арабской страной, которая является экспортером значительных объемов фруктов и овощей при том, что она не в состоянии обеспечить себя зерном, которое закупается за рубежом.

В период за январь – июль 2011 г. заметно вырос дефицит торгового баланса, увеличившийся на 21% и составивший 106,4 млрд дирхамов (9,67 млрд евро), что объяснялось, в частности, большими расходами на энергоносители, составлявшими четверть от общего объема импорта. За эти 7 месяцев доходы от туризма выросли

на 8,3% по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. и составили 3 млрд евро. Примерно столько же валюты принесли переводы от марокканцев, работавших вне страны.

Тем не менее объективная реальность современного Марокко – значительная часть подданных зависит от денежных переводов своих почти 2 (иногда называют 5) млн родственников, перебравшихся за пределы королевства. При этом неуклонно растет число отверженных системой, а это – 5 млн из более чем 30 млн марокканцев. Их существование в бидонвиях вокруг и внутри больших городов тщательно скрывается властями от иностранных туристов, которые ничего не знают о том, что творится за высокими стенами.

Сильной стороной режима стало то, что он исторически не позволил появиться в стране крупным финансово-экономическим холдингам, которые могли бы составить конкуренцию бизнесу и влиянию королевской семьи.

Дворец также регулярно закрывал глаза на существование параллельной экономики, функционировавшей, в частности, за счет приграничной торговли с испанскими анклавами Сеута и Мелилья, а также наркотрафика в Европу за счет производимого в королевстве каннабиса. Эти две «отрасли» обеспечивали и обеспечивают существование больших групп марокканцев, что очень важно в условиях перманентного социально-экономического кризиса.

Как отмечалось в ежегодном докладе организации «Геополитическое наблюдение за наркотиками» (OGD) за 1993 г., «в действительности, наркоторговцы не защищают революционные идеи, напротив, они являются объективными сторонниками властей, поскольку в сельскохозяйственных зонах они побуждают население поддерживать на выборах кандидатов от правых партий под предлогом того, что они не против выращивания кифа».

«Во время предвыборных кампаний наркоторговцы предоставляют необходимые средства для покупки голосов.

Кроме того, в дни голосования «мелкий персонал» их сетей – проститутки, мелкие торговцы, перевозчики – становятся на службу политикам, расклеивая листовки, контролируя избирательные участки, вплоть до сведения счетов со сторонниками других кандидатов. Таким образом, как на местном уровне, так и на национальном, деньги от наркотрафика способствуют финансированию политических партий», – отмечалось в докладе /10/.

Более того, известный адвокат, бывший министр по правам человека Мухаммед Зиан (кстати, выходец с севера королевства) прямо заявил в интервью журналу «Аль-Маджалла аль-Магрибия», что партия НОН, долгое время возглавлявшаяся родственником Хасана II и бывшим премьер-министром Ахмедом Османом, была создана «благодаря деньгам от наркомбизнеса» /11/.

Как отмечал известный французский исследователь марокканской проблематики Игнасий Даль, «в момент отставки осенью 1999 г. всесильного (ранее) главы МВД Дриса Басри один из вопросов, который немедленно был задан знатоками реалий королевства, состоял в следующем: «Кто будет управлять деньгами от наркотрафика?». Понятно, что власти не предоставили никаких объяснений на этот счет, но известно, что Д. Басри и его преемник провели несколько важных «рабочих совещаний». Более чем вероятно, что на них обсуждался этот чувствительный вопрос, поскольку ответственные лица не могли обойти стороной столь значительные суммы!» – полагал он /12/.

В сентябре 2014 г. появилось новое подтверждение того, что Марокко не только является главным поставщиком «мягких» наркотиков в Европу, но оно стало одним из транзитных пунктов на пути туда же латиноамериканского кокаина. 5 сентября марокканские власти объявили о захвате в регионе Марракеша 226 кг кокаина. Стоимость этой партии оценивалась в более чем 20 млн евро. Партия кокаина была замаскирована в автомашинерефрижераторе с грузом морепродуктов, предназначав-

шихся для внешнего рынка, с юга Марокко. В связи с захватом кокаина были арестованы 4 человека в Марракеше и 2 в Рабате. По данным следствия, все они входили в некую «международную сеть».

В июне 2016 г. очередной годовой доклад представил Офис ООН по борьбе против наркотрафика и организованной преступности. Как и в предыдущих докладах, его авторы констатировали, что Марокко остается крупнейшим в мире производителем и экспортером каннабиса. Его годовое производство оценивалось в 70 тысяч тонн. Считалось, что под посевы каннабиса в Марокко – главным образом в горном массиве Риф – использовались свыше 47 тысяч гектаров. Большая часть «урожая» наркотики отправлялась в Европу.

4 декабря 2012 г., пять лет спустя после ввода в эксплуатацию порта Танжер-Мед, в Рабате было объявлено о завершении проектирования еще одного нового глубоководного порта на средиземноморском побережье. Порт Надор-Вест-Мед предполагалось построить за 5 лет в районе города Надор. Его главное предназначение – перевалка нефтепродуктов. Стоимость проекта – 7,5 млрд дирхамов (примерно 673 млн евро).

6 декабря 2012 г. генеральный директор национальной железнодорожной компании ONCF Мохаммед Хли сообщил, что сверстан бюджет проекта строительства первой на африканском континенте скоростной железной дороги (TGV), которая свяжет Танжер и Касабланку. Он был определен в сумме 20 млрд дирхамов (1,8 млрд евро). Эти средства пошли на разработку проекта, создание необходимой инфраструктуры, приобретение подвижного состава и оборудования.

Предполагалось, что марокканская скоростная железная дорога начнет работать в 2015 г., что позволит преодолевать расстояние между Танжером и Касабланкой через Рабат за 2,5 часа.

У проекта TGV имелось немало противников, которые считали, что он не является проектом первой необходи-

мости для Марокко. Один из их аргументов – прекрасные «обычные» пассажирские составы ONCF и ранее перемещались со скоростью 120–140 км в час.

12 декабря 2012 г. в экономической столице Марокко Касабланке в присутствии короля Мухаммеда VI и премьер-министра Франции Жана-Марка Эйро состоялась торжественная церемония начала эксплуатации первой трамвайной линии, построенной в огромном мегаполисе французской компанией Alstom. Общая протяженность трамвайных путей – 31 км, на них оборудованы 48 остановок. Предполагалось, что ежедневно трамваи Касабланки будут перевозить 250 тысяч человек в день. Считалось, что реализация этого проекта частично решит проблемы уличного движения в городе с населением, оцениваемым в 4,5 млн человек.

Проект строительства трамвайной линии в Касабланке обошелся Марокко в 600 млн евро. Из них 120 млн ушло на укладку полотна, 160 млн – на приобретение подвижного состава. Первая линия взяла начало от Площади ООН близ портовой медины и дальше следовала через старые кварталы города, индустриальные районы до квартала «Факультеты». Эксплуатацией трамвайной сети занялось совместное марокканско-французское СП Casa-Tram. Стоимость разового билета составила 6 дирхамов (примерно 20 рублей по курсу на тот год).

Столица Марокко город Рабат к тому времени уже имела две трамвайные линии, построенные при участии Alstom.

10 мая 2013 г. близ Уарззата в присутствии короля Мухаммеда VI начались работы по строительству первой из пяти запланированных солнечных электростанций. Как заявил в этой связи генеральный директор Марокканского агентства по солнечной энергии (Masen) Мустафа Баккуру, эта станция «станет самой большой среди подобного рода в мире». Стоимость станции составила 650 млн евро. Подрядчиком работ выступил консорциум с преобладающим участием саудовского капитала. Запуск первой

очереди станции планировался на конец 2015 г. Ее мощность на первом этапе составит 160 МГВт в год. После завершения строительства второй очереди ее мощность будет равняться 500 МГВт в год, что эквивалентно потреблению города с населением в 1,5 млн человек.

В планах Марокко строительство к 2020 г. пяти солнечных электростанций общей мощностью 2000 МГВт. Эти станции вместе с ветровыми должны к 2020 г. обеспечить 42% потребностей королевства в электроэнергии. Общая стоимость программы развития солнечной электроэнергетики в перспективе до 2020 г. оценивалась в 9 млрд долларов.

3 апреля 2014 г. дала первые киловатты электроэнергии самая большая в Африке ветряная электростанция, построенная на берегу Атлантики близ г. Тарфаи. Выход на полную мощность этого объекта, в составе которого насчитывается свыше 130 генераторов, состоялся осенью того же года. Электростанция вырабатывает 300 МГВт электроэнергии, что позволяет обеспечить потребность нескольких сотен тысяч человек. Стоимость электростанции близ Тарфаи – 500 млн евро. Ее работу обслуживают 50 человек.

Еще одна ветряная электростанция из 60 генераторов к тому времени уже работала в Ахфеннере в 100 км от Тарфаи. Ее мощность – 100 МГВт. Малонаселенный район Тарфаи граничит с сахарскими провинциями Марокко.

25 сентября 2013 г. Национальный офис воды и электричества (ONEE) объявил о намерении инвестировать до 2017 г. около 10 млрд евро в новые мощности по производству электроэнергии. Реализация этого инвестиционного плана позволит Марокко увеличить выработку электроэнергии на 67%, причем примерно половина роста будет получена за счет возобновляемых источников электроэнергии. 3 млрд евро из этой суммы выделяло непосредственно ONEE.

Предусматривалось, что порядка 450 млн евро пойдет на реализацию программы электрификации в сельской

местности. Электричество поступит примерно в 5 тысяч деревень.

12 сентября «Офис шерифьен де фосфат» (ОШФ) объявил, что Марокко в качестве одного из самых крупных в мире производителей фосфатов намерено в ближайшие годы инвестировать 15 млрд долларов для создания новых мощностей по добыче и переработке этого сырья.

По состоянию на 2013 г. по объемам добычи фосфатов Марокко занимало третье место в мире. В 2011 г. оборот отрасли достиг 6,7 млрд долларов, что составило 6% ВВП. В отрасли трудились десятки тысяч человек.

В то время ежегодный объем добычи фосфатов составлял 30 млн тонн. Цель – довести этот показатель к 2017 г. до 50 млн тонн. Будет ли она достигнута – сказать трудно, поскольку к тому времени на мировом рынке наметилась тенденция к снижению цен на фосфаты. Так, за первые семь месяцев 2013 г. экспорт марокканских фосфатов составил 2,8 млрд долларов, что почти на 20% ниже аналогичного показателя предыдущего года.

30 сентября 2013 г. близ Касабланки состоялась церемония открытия промышленной зоны «Мидпарк», которая будет специализироваться на производстве комплектующих для мировых гигантов авиастроения. В частности, первое промышленное предприятие зоны, которое строила компания «Бомбардье», начало работать уже в середине 2014 г. На нем заняты 850 человек. Предполагалось, что всего в этой зоне будут работать до 10 тысяч человек на примерно 100 предприятиях.

12 декабря 2014 г. в Рабате было объявлено, что родственники небезызвестного Усамы бен Ладена, владеющие саудовской строительной компанией Middle East Development LLC, начнут в июне 2015 г. в Касабланке реализацию мегапроекта по строительству самого высокого в Африке небоскреба высотой 540 метров. Как утверждал Амеде Сантало – руководитель проекта и советник генерального директора саудовской компании Тарика Мухам-

меда бен Ладена, «это будет самый высокий небоскреб в Африке». Стоимость проекта оценивалась в 1 млрд долларов. Башня должна быть построена к июню 2018 года. Ее временное название – «Ан-Нур» («Свет»). Организаторы проекта надеялись, что ей будет присвоено имя Мухаммеда VI – действующего монарха. В башне будет 114 этажей.

20 июня 2015 г. французская группа «Пежо – Ситроен» сообщила о намерении открыть в 2019 г. в Марокко завод по производству автомобилей с начальной мощностью 90 тысяч авто в год. Стоимость проекта оценивалась в 557 млн евро. Завод будет построен в районе г. Кенитра (40 км к северу от Рабата). На нем будут трудиться 4,5 тысяч человек. Когда он наберет обороты, его мощность составит 200 тысяч машин в год. Показатель локализации сначала составит 60%, затем достигнет 80%.

4 февраля 2016 г. в Марокко состоялось давно ожидавшееся и несколько раз переносившееся событие: в Уарзазате король Мухаммед VI принял участие в торжественной церемонии открытия одной из самых больших в мире солнечных электростанций «Нур-1». Ее строительство составляет первый этап грандиозного плана по созданию в Марокко источников генерации возобновляемой энергии.

Мощность электростанции «Нур-1» – 160 МГВт. После завершения строительства других объектов каскада к 2018 г. в Уарзазате будет производиться свыше 500 МГВт электроэнергии, что достаточно для обеспечения энергией 1 млн квартир.

Строительство электростанции «Нур-1» началось в 2013 г. Стоимость первой очереди проекта – свыше 600 млн евро. Эти средства были получены за счет частно-государственного партнерства. Среди инвесторов проекта – Африканский банк развития, Марокканское агентство по использованию солнечной энергии, Европейский союз, частные операторы.

9 июля 2016 г. король Марокко Мухаммед VI принял участие в торжественной церемонии открытия крупней-

шего в Африке подвесного моста, ставшего частью идущей с севера на юг скоростной автодороги, огибающей Рабат. Длина моста над уэдом Бурегрег – 950 метров. Мост построен китайской компанией China Railway Major Bridge Engineering Group. Стоимость проекта – 295 млн евро. В финансировании его строительства принял участие Европейский инвестиционный банк.

С учетом достаточно сложного финансового положения Марокко в августе 2016 г. королевству вновь на помощь пришел МВФ. Тогда стало известно, что он готов выделить Рабату третью часть «предохранительного» кредита в объеме 3,47 млрд долларов. Эта сумма должна была поступить в течение двух лет, в том числе 1,73 млрд – в первый год.

Первая часть «предохранительного» кредита объемом в 6,21 млрд долларов предлагалась в 2012 г. и была рассчитана на 4 года. Вторая – объемом в 5 млрд долларов – на два года. Надо отметить, что Марокко не использовало эти предложения МВФ, решив свои проблемы за счет прямых иностранных инвестиций, кредитов от других заимодавцев и средств, предоставленных в дар.

2 декабря 2016 г. миссия МВФ в Марокко предсказала ускорение роста марокканской экономики в 2017 г. По ее прогнозам, показатель экономического роста составит в 2017 г. 4,4%. Одновременно миссия призвала Рабат к продолжению начатых структурных реформ. По ее данным, показатель экономического роста в 2016 г. составил 1,5 – 2%, что связано с засухой и низким урожаем зерновых в этом году, а также низкой активностью секторов экономики, не связанных с сельским хозяйством.

20 марта 2017 г. Марокко и китайская компания Haite подписали конвенцию о строительстве в районе Танжера промышленного центра Cite Mohammed VI Tanger Tech, который примет производственные мощности примерно 200 китайских компаний и позволит создать десятки тысяч рабочих мест. Площадь промышленного центра – 2 тысячи га. С марокканской стороны в финансировании

проекта участвует банк ВМСЕ. Предполагаемый объем инвестиций – 10 млрд долларов. Строительство центра начнется во второй половине 2017 г. и продлится 10 лет. Он станет базой для китайских предприятий, специализирующихся в авто- и самолетостроении, производстве текстильной продукции.

В целом реализованные в Марокко с начала десятилетия экономические проекты дали десятки тысяч новых рабочих мест, что значительно сузило социальную базу протеста. Однако вряд ли можно сказать, что были реализованы все потенциальные проекты, поскольку бизнес в марокканских условиях, по признанию многих предпринимателей, явление достаточно специфичное.

Однако главным условием стабильности Марокко в период после «арабской весны» стало, как представляется, наличие мощной подпорки дворца в виде махзена – традиционной политической элиты, во главе которой был и остается монарх. Ее изобретателем не был покойный Хасан II. Она родилась вместе с династией Алауитов, первым представителем которой был Мулай Исмаил (1672–1727), и стала ее традицией.

Как отмечал марокканский политолог Абдалла Хамуди, «в центре такой системы находится монарх, который в зависимости от обстоятельств может быть как источником благочестия, так и генератором насилия, и все это – без каких-либо намеков на промежуточные варианты» /13/.

По оценке французского исследователя Жана-Пьера Тюкуа, «ключ таинственности находится в сердце дворца, в этом закрытом мире, который живет вне времени и из которого вышел король Марокко». «Именно там он был воспитан, и, если хотят понять сына, необходимо долго изучать деяния отца. Последние объясняют поведение первого. Новый король (Мухаммед VI) является наследником мира, который строился на примере дворов Великих Моголов и Людовика XIV. Архаичная традиция, атмосфера двора с его играми влияния, постоянный страх

заговоров, неизмеримая и провоцирующая роскошь, исключительный отец, при жизни окруженный десятками женщин, далекая мать сформировали его личность», – отмечал он /14/.

Можно полагать, что монарх в марокканских реалиях находится не в центре политической системы, а на ее вершущке. В целом он аккумулирует властные полномочия президента и премьер-министра вместе взятых, причем на пожизненной основе. Так, он назначает министров, послов, директоров государственных компаний, признанных «стратегическими», он определяет основные направления внешней и внутренней политики страны. Монарх назначает судей, которые вершат правосудие от его имени. Он же, будучи верховным главнокомандующим КВС, назначает старших офицеров и генералов на высокие должности. Монарх наделен правами объявления войны, помилования, роспуска парламента, объявления чрезвычайного положения. И это все – помимо его прав, определенных его титулом «Предводителя верующих».

Но подобный дуализм продемонстрировал проблемы системы, при которой марокканцы становятся никем перед фигурой монарха, без которой они не могут существовать. Тем более, что махзен опирается на всесилие полицейской и юридической машин, полностью управляемые политическую систему и парламент.

Махзен в версии конца XX – начала XXI веков присутствовал везде – в политике, религии, военном деле, спорте. В этот период «его основной задачей было не допустить подъема никакого движения, политической партии или предпринимателя, способного составить конкуренцию дворцу». /15/. Для него были неразрывно связаны политика и экономика при том, что именно его представители контролировали значительную часть последней. Такой механизм позволял тем, кто был связан с махзеном, жить в гармонии с материальным миром.

Эту традицию достойно продолжило «поколение М6», составленное главным образом из однокашников монарха

по учебе в королевском колледже, которое фактически управляет сегодня страной, считает политолог А. Амар /16/. В числе этих людей, ставших олицетворением махзена, в первую очередь называют Фуада Али аль-Химму, Ясина Мансури, Мухаммеда Рошди Шрайби, Нуреддина Бенсуду, Фаделя Беняиша. Особый случай представляет собой Мухаммед Мунир Маджиди (его еще зовут МЗ). Первая его особенность – он никогда не учился вместе с Мухаммедом VI. Официально он занимает пост «личного секретаря» монарха, но на самом деле он является главным управляющим предприятий и учреждений, которые представляют собой личную собственность короля. Подобное положение дает ему огромное влияние при назначении руководителей основных государственных финансовых учреждений /17/.

Про МЗ известно, что его ввел в свое время в окружение монарха двоюродный брат короля Навфель Осман. Последний из-за болезни скончался в США в 1992 г. в возрасте 30 лет. Его мать – принцесса Лала Незга – умерла в 36-летнем возрасте в результате ДТП с ее машиной. Она была младшей сестрой короля Хасана II. МЗ получил высшее образование в США. С 1999 г. он является главным казначеем монарха и управляющим его состоянием. Считается, что МЗ и Фуад Али аль-Химма являются двумя думающими «головами» дворца в части, касающейся финансов и политики.

По оценке А. Амара, «если Хасан II имел историческую оппозицию, которая нередко была революционной и склонной к насилию, Мухаммед VI получил политическое поле, служившее инструментом интеграции политических элит». «В результате Марокко трансформировалось от абсолютной монархии, репрессивной и brutальной, к институциональной монархии, которая правит страной из дворца, используя гипертрофированную политическую и экономическую власть, основанную на махзене», – полагает он /18/.

Мухаммед VI получил махзен в наследство и не стал отказываться от него, как это он сделал со многими дру-

гими традициями и персоналиями. Равно как он не стал ничего менять в доставшейся ему системе парламентаризма, ставшей в марокканских реалиях одной из составных частей махзена. «Чтобы лучше понять, как Хасан II шаг за шагом сделал из парламентаризма, равно как и из многих других институтов, совершенно пустую раковину, а из большинства парламентариев – сообщников его режима, нужно вспомнить историю тех трех десятилетий. В ходе этой работы было использовано все – от обольщения и подкупа до террора. Самые сильные фигуры, которых махзен не смог подкупить, такие как Мехди бен Барка или Омар Бенджеллун, были устранены физически. Другие, не очень удобные, но, без сомнения, более гибкие, после долгих лет молчания или изгнания, закончили тем, что приняли систему такой, какая она есть. Наконец, большинство третьих построилось под королевскими знаменами. В результате марокканский парламент уже давно не интересуется нуждами собственного народа. Хасан II мог умирать спокойно – практически весь политический класс оказался у его ног», – писал в этой связи французский политолог И. Даль /19/.

В условиях, когда значительное число марокканцев остается неграмотными и при этом очень религиозными, большое значение имеет унаследованный Мухаммедом VI от своего отца титул «Предводителя верующих» при том, что это звание, присвоенное себе в свое время Хасаном II, оспаривается рядом исламистских группировок.

Как отмечал в этой связи марокканский политолог М. Този, «признание власти халифа, подчинение этой власти во всех ее проявлениях, как в гражданском, так и в религиозном, возведены тем самым в религиозный акт, подчинение халифам стало знаком приверженности исламу, доказательством принадлежности к мусульманской вере».

Примечательно, что дворец исторически нередко забывал о некоторых религиозных традициях, когда это было ему выгодно. Так, формально традиция и предписания Корана требуют, чтобы суверен, корни которого восходят

к Пророку, назначался коллегией улемов, докторов религиозного права на общем собрании в Фесе. Эта процедура могла повлечь за собой определенные риски. Поэтому еще в 1957 г. дед Мухаммеда VI – Мухаммед V выступил с инициативой назначить наследным принцем своего старшего сына Хасана, после чего это решение было одобрено улемами и Консультативной ассамблеей королевства. Благодаря этому демаршу Хасан был провозглашен королем несколько часов спустя после смерти отца. Можно только отдать должное прозорливости Мухаммеда V, прекрасно понимавшего, что в марокканских реалиях промежутков времени между двумя объявлениями – «Король умер» и «Да здравствует король!» должен быть минимальным.

В любом случае, по оценке О. Брукси, в Марокко монарх концентрирует в своих руках власть, соответствующую президенту Французской Республики, ее премьеру, а также религиозную власть, которая делает его первым среди марокканцев. Марокканские и французские юристы отмечают, что прерогативы марокканского монарха обусловлены двумя типами законности – исторической и религиозной.

Параллельно религиозному измерению существует «историческая законность», вытекающая из следующего «исторического» прочтения: марокканская монархия (применительно к Алауитам – имеющая возраст в несколько сотен лет) сама по себе является фактором стабильности, единства и источником законности, что оправдывает широкие полномочия короля.

В любом случае находящийся на вершине махзена монарх неприкасаем, потому что он по определению не может совершать ошибок. Любая критика в его адрес – это одно из трех табу, существующих в королевстве (два других – ислам и марокканская принадлежность сахарских провинций).

Мощным рычагом «привязывания» тех, кто составляет махзен, к королевской особе является церемония приве-

дения самых высокопоставленных подданных короны присяге байя на верность монарху.

В день смерти короля Хасана II первым такую присягу принес младший брат монарха Мулай Рашид. Он поцеловал правую руку короля и подписал акт верноподданничества.

Текст присяги устанавливает «священную связь между верующими и их эмиром».

Нисколько не измененная церемония байя повторилась 31 июля 2000 г., в первую годовщину интронизации Мухаммеда VI. На ней были представлены несколько тысяч человек, которые олицетворяют махзен: министры, генералитет, губернаторы, префекты, высокопоставленные чиновники, депутаты парламента, вожди племен, улемы. Как отметил в этой связи Жан-Пьер Тюкуа, «с Мухаммедом VI байя нашла вторую молодость».

Необходимо признать, что махзен – не застывшая константа, а постоянно развивающийся организм, втягивающий в свою орбиту или приближающий к ней все новых людей. Наглядный пример первому – блестящая карьера Дриса Басри, прошедшего путь от простого полицейского до госминистра, министра внутренних дел и информации, ставшего при Хасане II настоящей опорой трона.

Пример работы в интересах махзена дает последний премьер при Хасане II социалист А. Юсуфи. Долгое время бывшие враги после парламентских выборов 1997 г. заключили моральный пакт, который позволил социалистам формально прийти к власти, а стареющему монарху – укрепить алауитский трон. «Добиться от левых, всегда бывших противниками монархии, согласия возглавить правительство «альтернативы», было шедевром политического искусства со стороны монарха», – считает французский исследователь Марокко Жан-Пьер Тюкуа /20/. Этому пакту достаточно долго следовал и король Мухаммед VI.

При этом вот какую оценку дает Ж.-П. Тюкуа институту главы правительства в марокканских реалиях: «В Ма-

рокко премьер-министр – это только лишь один из слуг монарха. Власть находится во дворце в руках короля и его ближайшего окружения» /21/.

Он же справедливо отмечает, что «существует махзен экономический, который смеется над правилами конкуренции, махзен политический, при котором процветают партии без активистов, депутаты без избирателей». «В Марокко стало ритуалом осуждать махзен – гидру без головы, анонимного монстра – при этом не называется ни одного имени марокканской номенклатуры», – говорит француз.

Символами власти в Марокко стали примерно 30 королевских дворцов и резиденций, разбросанных от Танжера до Агадира, от Марракеша до Ифрана /22/. Часть из них находится в собственности у государства, часть – в собственности у монарха. Так, дворец в Ифране был построен при Мухаммеде V в 50-е годы XX столетия, а затем Хасан II «продал» его государству. Он является одним из излюбленных мест отдыха Мухаммеда VI. Самый большой символ династии Алауитов – королевский дворец в Рабате, мешуар, своего рода город в городе.

Отец Мухаммеда VI – Хасан II имел репутацию кочевника, время от времени перемещаясь между дворцами при том, что у него были любимые (в Фесе, Марракеше, Схирате, Бузнике и Ифране) и нелюбимые (в Танжере и Мекнесе). Сын унаследовал это свойство, однако предпочел многочисленные зарубежные перемещения, в том числе частные.

На службе махзена находятся очень квалифицированные спецслужбы, сотрудники которых воспитаны на ожидании и предотвращении любой ценой покушений на монарха типа тех, которые имели место в 1971 и 1972 годах против Хасана II. Главная идея при этом – не дать преуспеть тем военным, кто может последовать примеру генерала Мухаммеда Уфкира, ближайшего сподвижника Хасана II, предавшего своего хозяина. Тем более, что как при Хасане II пало несколько режимов, казавшихся непо-

колебимыми, так и при Мухаммеде VI аналогичные события прошли в рамках «арабской весны».

Иное приходится сказать про верхушку Королевских вооруженных сил (КВС). Хасан II в свое время переоценил верность ему со стороны генералитета и старшего офицерства, что едва не стоило ему жизни. «Есть только одна сила порядка и прогресса в этой стране. Это – ее армия. Только мои офицеры дисциплинированы и преданны. Я могу потребовать от них все, что угодно. Только они способны занимать административные посты без злоупотреблений. Только они являются олицетворением честности. Они не занимаются политикой, и они любят свою профессию. Я буду назначать военных на посты губернаторов провинций, и я наполню местные администрации за счет офицеров и унтер-офицеров», – говорил он в начале правления в 1966 г. /23/. Однако эта вера в армейскую верхушку оказалась слепой: в начале 1970-х годов последовали две попытки военных переворотов. Вторую (в 1972 г.) возглавил генерал М. Уфкир, долгое время бывший ближайшим сподвижником монарха.

Несколько дней спустя после предательства М. Уфкира король Хасан II скажет: «Больше я не буду доверять кому бы то ни было. Эту травму нанес я сам себе. Но речь идет не обо мне, а о миллионах марокканцев, которыми я правлю» /24/.

Однако монарх не сдержал это обещание и забыл про преподанный ему урок: история повторилась с генералом Ахмедом Длими, сменившим М. Уфкира. Однако он был последним из генералов, решившихся пойти против монарха.

В любом случае король Хасан II сделал выводы. С помощью ряда мер, в том числе втягиванием в предпринимательство, он попытался купить армейскую верхушку, и это ему удалось. Эту линию продолжил и его сын. Более того, он умело использовал не только материальную мотивацию генералитета. Летом 2000 г. в районе Эр-Рашидии КВС проводили первые за предыдущие 30 лет учения с боевыми стрельбами. Некоторое время

спустя, используя церемонию производства в офицеры выпускников военных училищ, монарх в присутствии премьер-министра А. Юсуфи присвоил трем самым главным военачальникам королевства воинские звания «корпусной генерал».

До этого такие звания были неизвестны в Марокко. Новоиспеченными корпусными генералами стали командующий Королевской жандармерией Хосни Бенслиман, командующий группировкой войск КВС в сахарских провинциях Абдельазиз Беннани, шеф контрразведывательной службы Абдельхак Кадири. Менее чем через 6 месяцев после этого дворец объявил о повышении жалования военнослужащих, включая солдат, а также принятии ряда мер по сокращению разрыва между окладами офицеров и унтер-офицеров /25/.

Про место военных в системе махзена есть две точки зрения. Первая – «оптимистичная», согласно которой в «новом Марокко», то есть при Мухаммеде VI, КВС остаются неприкосновенным и священным институтом, не подлежащим критике. Вторая, «более мрачная», представляет военных в качестве истинных хозяев страны. «Долгое время находившиеся вне политики и отправленные в ссылку в Сахару Хасаном II, у которого были веские причины презирать их после попыток путчей в 1970-е годы, – они, возможно, взяли реванш, используя относительную слабость Мухаммеда VI, его слабое понимание дел государства и размытость его ближайшего окружения», – считает французский политолог Ж.-П. Тюкуа /26/.

И отец, и сын прекрасно смогли использовать золотое правило – разделяй и властвуй. Политики настраивались против военных, и наоборот, жандармерия – против военных. Поняв опасность зависимости от одного источника информации, король Хасан II после уничтожения А. Длими довел число марокканских спецслужб, как минимум, до семи /27/. Это – находящиеся в структуре МВД DST и Служба общей разведки (Renseignement generaux), 2-е Бюро КВС (военная разведка), контрразведка DGED,

разведывательные службы Королевской жандармерии и Вспомогательных сил, небольшая по численности, но огромная по влиянию разведка дворца, подчиняющаяся Службе безопасности короля. Взаимная слежка между ними и борьба за право доступа на доклад стали с того времени правилом. Кроме того, король Хасан II поддерживал тесные отношения с высокопоставленными представителями спецслужб Франции, США, Израиля, арабских стран Персидского залива. Вряд ли что-то изменилось при сыне.

При Мухаммеде VI число спецслужб даже увеличилось за счет ВСИД.

Отдельная тема – как совместить интересы загнанных в Сахару военных (в сахарских провинциях находится 70% военнослужащих КВС /28/) и привилегированной Королевской жандармерии? В данном вопросе, как представляется, кроется немало подводных камней.

Еще один мощный сторонник режима – марокканское зажиточное крестьянство, в первую очередь сельские бароны, которые благодаря политике Хасана II традиционно не платили и не платят налоги /29/ при том, что у огромной массы простых крестьян, слишком занятых выживанием собственных семей, просто нет времени для выражения недовольства в том или ином виде. Махзену способствует и то обстоятельство, что за более чем 60 лет независимости в Марокко никуда не делась проблема неграмотности. По последним по времени статистическим данным, относящимся к 2011 г., в стране не умели читать и писать свыше 50% населения. На неграмотных, как представляется, легче всего влиять...

Махзен также пользуется поддержкой огромной армии чиновников. Что это такое в марокканских реалиях, нагляднее всего продемонстрировать на примере вполне успешного городка Азру, где на 60 тысяч жителей приходится порядка 300 муниципальных чиновников, на зарплату которым город расходует 65% своего бюджета в 37 млн дирхамов (примерно 3,7 млн евро).

Еще один столп, на котором базируется махзен – безоговорочная поддержка со стороны официальных СМИ во главе с марокканским информационным агентством Maghreb Arabe Presse (МАР). Вот только один образец творчества официальных СМИ: «Ни одна сфера жизни страны не ускользает от его всеобъемлющего внимания и от его природной щедрости. Он вдохновляет самые гуманные и самые эффективные решения. Его Величество король Мухаммед VI явился как монарх, преданный своему народу, призванный облегчить его ношу, поощрять любую инициативу, полный решимости освободить своих подданных. Отныне мы на верном пути, потому что мы имеем Вождя, который соответствует нашим амбициям, а его любовь к своему народу общепризнана и способна свернуть горы» /30/. Интересно, что бы сказал по поводу изложенного его отец?

Исключение из общего правила составили несколько независимых изданий, проявивших себя в первые годы правления Мухаммеда VI. Впрочем, монополия официальных СМИ на информацию была разрушена с появлением спутниковых антенн и интернета.

Традиционно сильной стороной махзена в новейшей истории, позволяющей ему держать руку на пульсе марокканского общества, является тщательное изучение настроений этого общества и достаточно оперативное реагирование на них: вспомним действия дворца сразу после начала «арабской весны». Но если покойный король Хасан II сам позволял себе выходы в Рабат инкогнито, то в распоряжении его сына имеется несколько специализированных институтов, в частности, Центр исследований марокканского общества, который одно время возглавлял одноклассник монарха по учебе в королевском колледже, советник короля и официальный представитель дворца Хасан Аурид. Впрочем, про последнего говорили, что он не имел прямого доступа к монарху. Чтобы встретиться с последним, ему предварительно надо было получить разрешение от директора

личного кабинета короля /31/, хотя именно ему были поручены деликатные переговоры как с исламистами, так и с берберскими активистами. В 2009 г. он занял пост главного историографа королевства. Что касается Мухаммеда VI, то он, похоже, предпочитает пешие прогулки по Парижу.

Еще одна характеристика олицетворения махзена: от своего отца Мухаммед VI унаследовал такую черту характера, как острое осознание своего положения и ранга. Это очень хорошо почувствовал бывший спикер Национальной ассамблеи Франции Лоран Фабиус, когда в ходе официального визита в эту страну в марте 2000 г. монарх предоставил ему аудиенцию в отеле «Марини». Она получилась очень краткой. Через несколько минут после начала аудиенции под предлогом другой встречи Мухаммед VI поднялся и сообщил своему собеседнику, что встреча завершена. На самом деле монарху не понравилось то, как Л. Фабиус повел себя в его присутствии. Последнему надо было быть более почтительным, менее развязным. Инцидент не имел каких-либо последствий. Но он, возможно, стал причиной того, что Мухаммед VI сократил свое пребывание во Франции на 24 часа /32/.

В то же время яростным критиком махзена (причем неоспоримо, что критиком со знанием дела) является двоюродный брат Мухаммеда VI – принц Мулай Хишам. Последний является носителем соответствующего титула не только от отца, но и по материнской линии. Его мать Ламия ас-Сольх – дочь премьер-министра Ливана Рийяда ас-Сольха, убитого в 1949 г. Ее сестра Муна вышла замуж за саудовского принца Талаля, двоюродного брата короля Фахда, сын которого Аль-Валид бен Талаль является одним из самых богатых людей в мире.

«Ни один из наших традиционных институтов, в том числе монархия, по-настоящему не занялся внедрением новых политических структур, которых заслуживает наш народ. Все происходит так, как если бы хотели продолжить режим ожидания, который был типичным для марок-

канской политики в последние годы, когда все наши проблемы оказались в подвешенном состоянии. Мы видим сконфуженные жесты, очевидное отсутствие управления. Все это может быть выгодно лишь экстремистам», – писал Мулай Хишам /33/.

В апреле 2014 г. проживающий в США принц Мулай Хишам вновь напомнил о себе. По случаю выхода его книги «Записки запрещенного принца» он дал интервью французской газете «Монд», в котором подверг критике своего двоюродного брата и призвал к «демонтажу махзена». По словам Мулая Хишама, своей книгой он хотел бы «просветить людей, способствовать диалогу и пониманию новейшей истории своей страны». Говоря об отношениях между дворцом и махзеном, Мулай Хишам заметил, что «махзен опирается на монархию, чтобы выжить, и монархия опирается на махзен, чтобы выжить на свой манер». Он указал на «необходимость уничтожения махзена, поскольку эта неопатримониальная власть мешает экономическому развитию» страны.

Сравнивая Хасана II и Мухаммеда VI, Мулай Хишам отмечал, что «эти два абсолютно разных человека пришли к одному и тому же результату». «Хасан II слишком жаждал власти, и это подтолкнуло его к абсолютизму. В случае с Мухаммедом VI все выглядит наоборот: нехватка жажды власти привела к тому же абсолютизму, поскольку он стал единственной альтернативой отсутствию демократии», – утверждал «Красный принц» /34/.

Власти решили бороться с изданной во Франции «крамольной» книгой чисто по-мароккански, отдав распоряжение выкупить весь ее тираж: большую рекламу книге трудно придумать! Авторы этой идеи, по всей видимости, напрочь забыли про интернет, где книга к тому времени уже давно была предложена читателям.

Здесь было бы неправильно не упомянуть и об особой роли монарха в марокканских реалиях как «Предводителя верующих». Хотя эту роль оспаривают радикальные исламисты, она нередко срабатывает.

Так, 15 мая 2014 г. в Фесе собрались свыше тысячи адептов суфийского братства «Тарика Тиджания», приехавшие из примерно 50 стран с тем, чтобы отметить 200-летие со дня смерти основателя ордена шейха Сиди Ахмеда Тиджани, проповедовавшего «умеренный ислам». В духовной столице королевства действует мечеть, носящая имя этого человека, основавшего в XVIII веке это влиятельное братство, утверждающее, что сейчас во всем мире насчитывается до 300 млн его сторонников, главным образом в странах Западной Африки. С 14 мая в Фесе под руководством главы братства Ахмеда Тиджани Шерифа проходил третий форум адептов ордена. Предыдущие два были организованы в 2007 и 2009 годах. В послании к участникам форума король Марокко Мохаммед VI как «Предводитель верующих» отметил «роль суфизма в поддержании духовной безопасности и распространении ценностей любви и согласия». «Необходимо преградить дорогу радикализму, терроризму, расколу и братоубийственным доктринам», – подчеркнул монарх.

Следует сказать несколько слов про иную, достаточно малоизвестную сторону монарха. 21 ноября 2014 г. американский журнал «Форбс» в очередной раз подтвердил, что король Мухаммед VI является одним из самых состоятельных людей планеты. В рейтинге 50 самых богатых африканцев его состояние оценивается в 2,1 млрд долларов. «Обидный» для монарха факт: он является не самым богатым человеком в королевстве. Его обогнал Осман Бенджеллун, состояние которого оценивалось в 2,4 млрд долларов. Он находился на 13-м месте в рейтинге.

Еще в августе 2012 г. с достаточно интересными прогнозами относительно перспектив Марокко выступил в прессе известный в королевстве политолог и борец за права берберов Ахмед Ассид. По его оценке, страна еще не вышла из критической ситуации, возникшей на фоне «арабской весны», и «продолжающийся экономический кризис может привести к новым напряжениям».

Он признал оперативность дворца, который в течение 10 предшествовавших лет ничего и никого не слышал, но немедленно начал маневрировать под давлением «арабской весны», тут же предложив реформу конституции. «Это доказывает, что марокканский режим гибок и достаточно прагматичен», – полагал он.

А. Ассид поставил достаточно интересный вопрос: монархия и махзен (политическая элита) – это два разных института или единое целое? Отвечая на него, он говорил: «Сегодня их трудно разделить, но не невозможно. Монархия может ликвидировать махзен, если последний начнет представлять собой опасность для стабильности страны и монархии».

Еще одно интересное утверждение А. Ассида: он считал, что если бы у власти в Марокко оставался Хасан II (умер в 1999 г.), то королевство ждала бы судьба Туниса и Египта. Однако этого не произошло. Почему? «После более чем 10 лет правления Мухаммед VI показал себя сторонником изменений. Он преодолел несколько табу, сохранившихся с эпохи Хасана II. Он предложил, в частности, автономию для (Западной) Сахары, реформировал мудаввану (семейный кодекс), признал идентичность амазигов (так себя называют берберы), в значительной мере урегулировал проблемы «свинцовых годов» (так в Марокко называют годы политических репрессий, которые обрушил на своих противников Хасан II). Нельзя говорить, что все проблемы решены, но они открыты для обсуждения. В результате большинство марокканцев требует постепенных реформ, а не радикальных изменений», – полагал он.

А. Ассид был очень категоричен по отношению к исламистской ПСР. «ПСР не может быть локомотивом демократизации и модернизации страны. Она может править, может считаться большой политической силой, но она не может осуществить переход к демократии. В ходе недавнего съезда ПСР исламисты показали, что они использовали демократические нормы (для

прихода к власти), но они отвергают их содержание», – отмечал он.

А. Ассид напомнил, что ПСР не отказалась от идеи создания в Марокко исламского государства. «Я не вижу никакой разницы между салафитами и умеренными (исламистами), – подчеркивал он. – В долгосрочном плане у них общая цель».

Эти мысли А. Ассида во многом соответствуют тому, что автор хотел изложить в заключении этой главы. В дополнение: остаются не сказавший своих слов «великий немой» в лице верхушки КВС, ПСР, в очередной раз оказавшаяся «при власти», а также берберы Рифа с их протестными настроениями и богатейшим историческим прошлым...

ГЛАВА 3

ПОЧЕМУ СТАБИЛЬНОСТЬ МАРОККО НУЖНА ВСЕМ

К началу 2011 г. стало очевидным, что всему миру нужно стабильное Марокко. Такое желание было обусловлено во многом геостратегическим положением Марокко и его статусом одного из двух защитников пролива Гибралтар – одной из важнейших мировых судоходных артерий. Отсюда – стремление к тому, чтобы не допустить вооруженного конфликта между Марокко и Алжиром и чтобы королевство выстояло под непрерывно увеличивавшимся давлением со стороны джихадистских группировок как изнутри, так и извне. А это давление росло постоянно.

Прекрасно понимая это, Марокко всегда выступало за налаживание тесного международного сотрудничества в борьбе с джихадистами и во многом преуспело в этой работе с подавляющим большинством соседних стран.

4 октября 2011 г. по итогам состоявшейся в Мадриде встречи между главой МВД Марокко Тайебом Шеркауи и его испанским коллегой Антонио Камачо стороны высказали их обеспокоенность «ростом числа терактов в зоне Сахеля». Как отмечалось в совместном коммюнике, Марокко и Испания «указали на необходимость коллективных действий всех стран региона (Сахеля)» в борьбе с терроризмом. В документе подчеркивалось, что в ходе встречи министры «обсудили эволюцию ситуации в плане безопасности в Средиземноморье и Сахеле в свете последних политических изменений, происшедших в регионе», а именно – в связи с событиями в Ливии. Как метко заметил глава МИД Нигера Мухаммед Базум, Сахель, за-

нимающий площадь в 8 млн кв. км и который делят Алжир, Мали, Нигер и Мавритания, «превратился в пороховую бочку» из-за ливийского кризиса.

11 декабря 2011 г. столица Мавритании Нуакшот приняла встречу глав военных ведомств стран-участниц группы «пять плюс пять» (пять стран Северной Африки – Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко, Тунис и пять стран Южной Европы – Испания, Италия, Мальта, Португалия, Франция). Официальной целью встречи было расширение взаимодействия участников группы в борьбе с действующей в регионе АКМ и расползанием по нему оружия из Ливии. В таком формате группа собралась впервые после изменений режимов в Ливии и Тунисе и победы исламистов на выборах в Марокко. Ливию на встрече представлял незадолго до этого назначенный на пост министра обороны Усама Джуили.

Неофициальной целью встречи в Нуакшоте для ее участников от Европы было изучение позиций новых властей Ливии и Туниса по вопросам, касающимся безопасности в Средиземноморье. Как отметили в окружении министра обороны Франции Жерара Лонге, последний использовал свое пребывание в Нуакшоте с тем, чтобы «оказать поддержку усилиям правительства Мавритании по борьбе с терроризмом в зоне Сахары и Сахеля».

Выступивший на церемонии открытия встречи министр обороны Мавритании Ахмеду ульд Идеи призвал страны-участницы группы не выплачивать террористам выкуп за захваченных ими заложников. К тому времени проблема захваченных в регионе заложников резко обострилась – по состоянию на 11 декабря 2011 г. боевики АКМ и близкого к ней «Движения за единство и джихад в западной Африке» (ДЕДЗА) удерживали 12 иностранцев, в том числе 6 французов.

В течение 2012 г. в Рабате внимательно следили за событиями в общем-то недалеко от Марокко Мали. 6 августа министр-делегат при Министерстве иностранных дел Марокко Юсеф аль-Амрани высказал опасения в связи

с возможной «сомализацией» этой африканской страны, северная часть которой оказалась захваченной несколькими исламистскими группировками. Он призвал страны Северной Африки и зоны Сахеля к немедленным действиям с тем, чтобы сохранить территориальную целостность Мали. По его оценке, «безрезультативность дипломатических усилий приведет Экономическое сообщество западноафриканских государств ЭКОВАС и Совет Безопасности ООН к необходимости прибегнуть к альтернативным мерам», дав тем самым понять, что Рабат выступает за военное решение проблем Мали. «Сегодня необходимо действовать с тем, чтобы север Мали не превратился в убежище для террористов и организованной преступности», – сказал Ю. аль-Амрани /1/.

15 января 2013 г. президент Франции Франсуа Олланд в ходе визита в ОАЭ объявил, что Марокко и Алжир разрешили самолетам французских ВВС, выполнявшим полеты на боевое применение в Мали, использовать свое воздушное пространство. Причем, по имеющимся данным, если через воздушное пространство Алжира следовали самолеты французской военно-транспортной авиации, доставлявшие в Мали французских военных и оружие, то воздушное пространство Марокко использовали истребители «Рафаль», наносившие удары по наземным целям.

16 января 2013 г. представители салафитского течения в исламистском движении Марокко осудили военное вмешательство Франции в Мали, назвав его очередным «крестовым походом», тем самым пойдя против официальной позиции Рабата. Они назвали «неверными» всех тех мусульман, которые поддержали это вмешательство прямо или косвенно. «Ни одно исламское государство не должно содействовать таким действиям немусульманской страны против мусульманской, и в частности, путем предоставления своего воздушного пространства. Это запрещено исламом», – утверждал один из лидеров марокканских салафитов шейх Омар Хаддуши. По его мне-

нию, «любой, кто оказывает помощь немусульманам, должен рассматриваться как неверный».

Еще один представитель салафитов шейх Мухаммед Рафики утверждал, что «ни в коем случае нельзя поддерживать силы оккупантов в их агрессии против мусульманской страны».

Ему вторил один из самых известных марокканских салафитов Хасан Кеттани, согласно которому «ни один иностранец и ни под каким предлогом не имеет права вмешиваться во внутренние дела мусульманского государства». Все трое после терактов в Касабланке в мае 2003 г. были осуждены на сроки от 10 до 30 лет по обвинению в подстрекательстве к насилию, однако позднее помилованы, видимо, в рамках некоего проекта, задуманного властями и связанного с пониманием того, что из двух зол выбирают меньшее.

25 января 2013 г. в Рабате состоялась встреча глав МВД Марокко, Франции, Испании и Португалии, по итогам которой было объявлено о намерении этих стран углублять сотрудничество в сфере безопасности. В совместной декларации подчеркивалась необходимость давать «скоординированные и эффективные ответы угрозам стабильности и безопасности». На пресс-конференции по итогам встречи глава МВД Марокко М. Лаенсар заявил, что королевство «безоговорочно поддерживает» действия Франции в Мали. «Мы считаем, что вмешательство Франции было своевременным и уместным, так как оно направлено на защиту территориальной целостности Мали», – сказал он. По его оценке, «благодаря французскому вмешательству Мали было спасено» /2/.

В свою очередь глава МВД Франции Мануэль Вальс заметил, что если бы Париж «быстро не откликнулся на запрос о помощи со стороны Мали, то столица этой страны Бамако уже была бы в руках террористических группировок».

Таким образом, несмотря на отсутствие общей границы с Мали, в Рабате с пониманием и поддержкой восприняли

действия Франции в этой стране. Ответные сигналы от благодарного Парижа последовали незамедлительно. В ходе 4-го Марракешского форума по вопросам безопасности бригадный генерал Жан Морен высказался по-военному прямо и однозначно: «Поскольку Фронт ПОЛИСАРИО пользуется поддержкой Алжира в его войне против Марокко, королевство может рассчитывать на поддержку Франции, которая считает реалистичным марокканский план предоставления сахарским провинциям автономии». Тем самым французский военный подтвердил известную позицию французских политиков, которые по вопросу западносахарского урегулирования традиционно поддерживают Рабат.

5 февраля 2013 г. в Мавритании было объявлено о проведении начиная с 18 февраля на юго-востоке страны многонациональных учений с участием 19 европейских, африканских и арабских стран, в том числе Марокко. При этом подчеркивалось, что данные учения были «запланированы давно и никак не связаны с событиями, происходившими в Северном Мали», где с 10 января проходила военная операция французских войск, призванная уничтожить действовавшие там группировки радикальных исламистов, в частности формирования АКМ.

24 февраля 2013 г. Марокко в очередной раз поддержало военную операцию Франции в Мали. На сей раз слово взял премьер-министр А. Бенкиран, приветствовавший в интервью для ряда французских СМИ «смелость» Парижа, решившегося на вторжение в Мали. Он же утверждал, что действия Парижа стали следствием отсутствия взаимодействия между странами региона. «Я говорю об Алжире, Марокко, других окружающих Мали странах. Прежде всего, это – наша зона ответственности, – утверждал он. – Если можно было бы найти решение между нами и нашими алжирскими братьями относительно сахарской проблемы, мы бы могли лучше взаимодействовать и мы были бы способны вдвоем решить эти проблемы».

17 января 2014 г. король Мухаммед VI попытался реанимировать «Комитет по Иерусалиму» Организации ис-

ламского сотрудничества, которым он формально руководит, собрав в Марракеше представителей 15 мусульманских стран и главу Палестинской национальной администрации (ПНА) Махмуда Аббаса. Это заседание Комитета стало первым с 2000 г. Фактически Мухаммед VI унаследовал этот пост от отца, Хасана II. Однако в отличие от сына, которому все это, судя по всему, было не очень интересно, отец регулярно организовывал заседания Комитета, решая при этом важные политические задачи.

18 января 2014 г. «Комитет по Иерусалиму» в бесчисленный раз призвал мировое сообщество «оказать давление» на Израиль с тем, чтобы вынудить его прекратить «незаконную и провокационную колонизацию Западного берега реки Иордан». В итоговом коммюнике заседания утверждалось, что прекращение колонизации создало бы «ситуацию, способствующую продолжению переговоров о мире» между Израилем и палестинцами.

4 апреля 2014 г. в Рабате побывал с визитом госсекретарь США Джон Керри. В столице Марокко он приветствовал усилия союзника Соединенных Штатов по обеспечению региональной безопасности. Одновременно он призвал Рабат направить больше усилий на решение социальных проблем страны, главная из которых – безработица среди молодежи. По данным Всемирного банка, среди марокканцев моложе 30 лет около 30% не имели работу, что толкало некоторых из них в ряды экстремистских организаций.

Визит Дж. Керри в Марокко совпал по времени с проведением ежегодных мароккано-американских учений. В 2014 г. они проходили в районе г. Агадир. В 2013 г. эти учения были отменены по инициативе Рабата, ответившего таким образом на попытку Вашингтона придать Миссии ООН в Западной Сахаре функцию контроля за соблюдением прав человека в сахарских провинциях. После того, как США отказались от этой затеи, инцидент был исчерпан.

В начале августа 2014 г. стало известно, что король Марокко Мухаммед VI и ранее избранный президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси не примут участия в широко

разрекламированном Соединенными Штатами саммите Африка – США в Вашингтоне. Его планировалось провести в период с 4 по 6 августа с участием глав африканских стран. Критерием для Вашингтона для приглашения на этот саммит являлось членство той или иной страны в Африканском союзе. Таких набралось 50. Как известно, Марокко не являлось тогда членом Африканского союза, хотя наравне с Египтом было ближайшим союзником США. Главам четырех стран – Судана, Зимбабве, Эритреи и ЦАР – такие приглашения не направлялись.

7 августа 2014 г. Госдеп США объявил о намерении Вашингтона и Рабата укрепить двустороннее сотрудничество в вопросах «борьбы против терроризма» и подготовке кадров для этой борьбы. Согласно рамочному соглашению, подписанному по завершении саммита Африка – США, Вашингтон и Рабат намеревались сотрудничать в «урегулировании кризисов, укреплении безопасности границ, проведении расследований дел обвиняемых в терроризме». Стороны также договорились вместе действовать подготовке антитеррористических кадров в странах-партнерах в Магрибе и Сахеле.

Марокко с 2004 г. имеет привилегированный статус «главного вненатовского союзника» США, что позволяет Рабату без каких-либо ограничений закупать американские вооружения. Кстати, в августе 2014 г. стало известно, что Марокко стало вторым по значимости партнером Пентагона после Израиля по американской программе реализации излишков вооружений. Только в 2014 г. по этой программе Марокко получило вооружения на сумму в 90 млн долларов. В номенклатуре поставлявшейся бесплатно техники – колесный и гусеничный автотранспорт, средства связи, артиллерийские системы, индивидуальная амуниция. Согласно действовавшим по этой программе нормам, страна – получатель оружия берет на себя его доставку и страховку доставки.

15 октября 2014 г. в Рабате состоялась встреча между главой МВД Марокко М. Хассадом и его мавританским кол-

легой Мохаммедом ульд Ахмедом Салемом. В ходе встречи была достигнута договоренность об усилении взаимодействия МВД двух стран в вопросах борьбы с терроризмом и незаконной иммиграцией. В частности, в ближайшее время предполагалось подписать соответствующее соглашение.

21 ноября 2014 г. эксперты из 10 стран Северной Африки и Франции по итогам трехдневной встречи в Нуакшоте объявили о создании специализированного электронного журнала, посвященного проблемам борьбы с терроризмом и организованной преступностью в регионе. Во встрече приняли участие эксперты из Алжира, Буркина-Фасо, Камеруна, Кот-д'Ивуар, Мавритании, Мали, Марокко, Нигера, Сенегала, Туниса и Франции. Информационный бюллетень получил название «Письма из Нуакшота». Целью его издания было определено информирование о «проблемах безопасности – вообще, и о терроризме – в частности». Организационные вопросы взяла на себя Служба безопасности Мавритании и региональный атташе по вопросам внутренней безопасности при посольстве Франции в Дакаре.

19 ноября 2014 г. в Фесе побывал вице-президент США Джо Байден. В духовной столице королевства его принял король Мухаммед VI. Как отмечалось в коммюнике Белого дома, в ходе встречи обсуждались вопросы совместной борьбы с экстремизмом в Сахеле и на Ближнем Востоке.

26 марта 2015 г. Марокко объявило о своем вхождении в очередную военную коалицию, на сей раз – руководимую Саудовской Аравией, поддержавшей президента Йемена Абд Раббо Мансура Хади. Этот шаг был достаточно понятен: Рабат все больше нуждался в саудовских средствах для закупок оружия.

27 июля марокканская газета «Ас-Сабах» сообщила со ссылкой на американскую «Уолл стрит джорнэл», что Рабат и Вашингтон вели секретные переговоры по поводу развертывания на территории королевства базы, с которой могли бы действовать американские ударные беспилотные летательные аппараты. Цель создания этой базы – слежение, а в случае необходимости – нанесение ударов по формиро-

ваниям ИГ на территории Сахары к востоку от «марокканской стены» (система оборонительных сооружений вдоль границы сахарских провинций Марокко). Предполагалось развернуть эту базу в районе Эль-Аюна – административного центра сахарских провинций.

С учетом особых, исторически сложившихся отношений между Рабатом и Вашингтоном не приходилось сомневаться в том, что Марокко даст согласие на прием американской базы. Тем более, что в прошлом такие базы на территории королевства уже были.

11 мая 2016 г. в Рабате с визитом побывал глава правительства Туниса Хабиб Эссид. На пресс-конференции по итогам визита он высказался за расширение сотрудничества между Рабатом, Тунисом и Алжиром в сфере борьбы с терроризмом. По его словам, Тунис «поддерживает тесные узы сотрудничества как с Алжиром, так и с Марокко» в этой области. Он отметил, что Тунис «смог сорвать несколько террористических операций благодаря нашему сотрудничеству в сфере безопасности с Алжиром, и в частности, на границах». Что касается Марокко, между двумя странами «существует обмен информацией, и в ходе моих переговоров с премьер-министром Марокко (А. Бенкиран) мы договорились укреплять это взаимодействие».

13 сентября 2016 г. Рабат по понятным причинам осудил одобренный Конгрессом США закон, который позволял родственникам жертв терактов 11 сентября 2001 г. преследовать в судебном порядке отдельные страны, такие, как Саудовская Аравия. «Ни в коем случае теракты, совершенные отдельными индивидами, не могут быть связаны со странами их происхождения», – отмечалось в коммюнике МИД страны. В нем указывалось на незыблемость принципа юридического иммунитета стран в международных отношениях.

Известно, что из 19 террористов, совершивших атаки 11 сентября 2001 г., 15 были саудовцами. Также хорошо известно, сколько террористов, проявившихся во Франции, были марокканцами по происхождению...

В течение первой половины текущего десятилетия поступательно развивались отношения между Москвой и Рабатом. Во многом это было связано с тем, что Россия всегда очень взвешенно относилась к проблеме сахарских провинций. Она как будто предчувствовала, что в 2014 г. получит похожую проблему в связи с воссоединением с ней Крыма.

9 февраля 2012 г. стало знаковым в развитии военного и военно-технического сотрудничества (ВТС) между Россией и Марокко. В тот день в Москве были подписаны два соглашения. Первое из них – о сотрудничестве в военной области – со стороны Минобороны РФ подписал заместитель министра обороны РФ Анатолий Антонов. Второе – о военно-техническом сотрудничестве – заместитель директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству Вячеслав Дзиркалн. С марокканской стороны подписи под документами поставил посол Марокко в РФ Абделькадер Лешехеб.

18–19 апреля 2012 г. в Москве побывал с визитом глава МИД Марокко С. аль-Османи. В ходе визита он констатировал, что военное и военно-техническое сотрудничество Марокко и России способствует укреплению безопасности королевства. «Два месяца назад у нас с Россией были подписаны два соглашения по сотрудничеству в военной и военно-технической сферах, – напомнил министр. – Такое взаимодействие имеет хорошие перспективы». По его словам, «эти соглашения способствуют укреплению безопасности, но не стоит забывать о сотрудничестве в политической, экономической, культурной и других областях». По итогам переговоров с С. Лавровым глава МИД Марокко отметил «растущую роль России в международных делах, ее вклад в баланс сил».

В свою очередь глава департамента безопасности «Рособоронэкспорта» Валерий Варламов сообщил, что ранее подписанное российско-марокканское соглашение по ВТС «создает основу законодательной базы для заключения контрактов в будущем». «Мы надеемся, что оно ста-

нет основой для активизации ВТС между двумя странами. Такую заинтересованность недавно подтвердил министр иностранных дел Марокко, – сообщил В. Варламов. – К концу года планируется провести заседание смешанной комиссии, создание которой подразумевается подписанным соглашением» /3/.

12 февраля 2013 г. безрезультатно завершился пятый раунд переговоров между Марокко и Европейским союзом относительно нового соглашения по морскому рыболовству в экономической зоне королевства. Отсутствие прогресса европейские источники, близкие к переговорному процессу, назвали политически мотивированным. Эти переговоры должны были разблокировать ситуацию, созданную в конце 2011 г. Европарламентом, отказавшимся пролонгировать предыдущее соглашение. Это соглашение разрешало 120 европейским судам, в том числе 100 испанским, вести промысел в экономической зоне Марокко. Европарламент мотивировал свое решение тем, что предыдущее соглашение было слишком затратным, а также не учитывало интересов населения сахарских провинций. В ответ Марокко потребовало вывести все европейские рыболовецкие суда из своей экономической зоны.

В то же время 14 февраля 2013 г. Марокко подписало 6-е по счету начиная с 1992 г. соглашение по морскому рыболовству с Россией. Согласно этому документу, право пелагического (глубоководного) лова в марокканской экономической зоне получили 10 российских рыболовецких судов. Взамен Россия обязалась выплатить Марокко «финансовую компенсацию».

В период с 15 по 17 сентября 2014 г. в Рабате прошли заседания марокканско-российской межправкомиссии. Марокканские предприниматели, специализирующиеся в сфере производства продуктов питания, с нетерпением ждали этого события с учетом введенных Россией санкций против европейских и американских производителей. Для ускорения и увеличения объемов марокканских поставок было решено, что российская фитосанитарная служба получит

от марокканских коллег список марокканских предприятий, продукция которых будет поступать на российский рынок без дополнительных проверок со стороны российских компетентных органов. К тому времени 87 марокканских заводов по обработке морепродуктов уже получили разрешения российских санитарных властей на экспорт их продукции.

В ходе работы межправкомиссии была достигнута договоренность о значительном увеличении поставок в Марокко российского зерна. Россия и раньше поставляла зерно в Марокко, а с 2014 г. дополнительно заняла часть марокканского рынка, которая раньше принадлежала Украине. Так, из-за известной ситуации на Украине Россия в первом квартале 2014 г. увеличила экспорт зерна в Марокко на 40%. В свою очередь Марокко рассчитывало на увеличение поставок в Россию морепродуктов и оливкового масла. Россия приняла решение впервые участвовать в Международном сельскохозяйственном салоне, который в 2015 г. принимал г. Мекнес. Решено было также создать совместные компании, которые займутся логистическими вопросами, связанными с поставками марокканских продуктов в Россию. Ранее значительная часть марокканских товаров поступала в Россию через европейских посредников.

5 апреля 2016 г. стало известно, что российский автогигант КАМАЗ начал переговоры с марокканскими властями относительно строительства в Марокко сборочного производства, имея в виду последующую продажу грузовиков в африканские страны. КАМАЗ к тому времени уже развернул аналогичное производство в Эфиопии и поставлял свои машины в 10 африканских стран.

12 апреля 2016 г., месяц спустя после визита в Москву короля Марокко, состоялся продолжительный телефонный разговор между королем Мухаммедом VI и Владимиром Путиным. Можно только догадываться, какие темы при этом были затронуты. Марокканские СМИ писали, что речь могла идти о сахарской проблеме, о возможной закупке Марокко 20 истребителей Су-30МК, о сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом. Следует заметить, что за неделю

до этого разговора в Москве побывал уже упоминавшийся выше шеф DGST А. Хаммуши.

В этой связи можно предположить, что устав от нестабильности позиций его традиционных союзников (США и Европа) по сахарской проблематике, король Мухаммед VI стал искать новые альянсы, и Россия с ее известными проблемами может стать естественным союзником королевства. Хотя главное препятствие здесь – привилегированные отношения России с Алжиром.

В июне 2016 г. правительство Марокко одобрило соглашение с Россией по морскому рыболовству, определившее условия пелагического лова для российских судов в марокканской экономической зоне. Документ определил объемы лова, зоны ведения промысла, число российских судов, которым разрешено вести лов в этой зоне. Кроме того, он определил квоты марокканцев, которые будут работать на российских научных и промысловых судах.

6 декабря 2016 г. министру иностранных дел Марокко С. Мезуару пришлось «корректировать стрельбу» в адрес России со стороны премьер-министра – исламиста А. Бенкирана, 30 ноября обвинившего Россию в «разрушении Сирии». В тот день министр принял посла России в Марокко Валерия Воробьева «по его просьбе». Как отмечалось в коммюнике МИД Марокко, посол выразил «озабоченность Москвы заявлениями для прессы, приписанными очень высокому представителю марокканского правительства, который обвинил Россию в том, что она несет ответственность за разрушение Сирии». Хотя, согласно коммюнике, В. Воробьев не назвал этого представителя, марокканская пресса тут же указала на лидера исламистской ПСР.

Опять-таки согласно коммюнике, С. Мезуар заявил о приверженности королевства «поддержанию крепких отношений с Российской Федерацией», напомнив при этом о «ясной позиции Марокко относительно сирийского кризиса». По его словам, Марокко уважает роль России в сирийском досье, равно как и в других международных вопросах. Не обошлось и без колкостей в адрес премьера, вновь воз-

главившего правительство после победы ПСР на парламентских выборах 7 октября. По словам С. Мезуара, «изложение официальной позиции Марокко не может быть объектом поспешной импровизации». В коммюнике подчеркивалось, что только король Мухаммед VI, находившийся в тот момент в турне по странам Западной Африки, «остается гарантом постоянства и взвешенности дипломатических позиций Марокко».

Демарш А. Бенкирана последовал 10 месяцев спустя после визита монарха в Москву. Этот шаг, очевидно, пришелся не по вкусу во дворце, явно рассчитывающем на содействие Москвы в решении ряда вопросов, включая сахарский. Тем более, что уже 16 декабря 2016 г. кабинет монарха сообщил, что король отправил приглашение Владимиру Путину посетить королевство с государственным визитом. Это приглашение было передано с секретарем Совета Безопасности РФ Николаем Патрушевым, посетившим Марокко. В королевстве Н. Патрушев встречался также с главой МВД М. Хассадом и шефом DGSN А. Хаммуши.

29 декабря 2016 г. марокканские власти арестовали 5 участников молодежной организации ПСР, «отпраздновавших» в социальных сетях убийство посла России в Турции Андрея Карлова и, похоже, показавших истинное лицо этой организации.

В целом у России и Марокко в середине второго десятилетия XXI века появился уникальный шанс сблизиться друг с другом, и, как представляется, его необходимо максимально оперативно использовать. Однако есть одно но: положительную перспективу могут подпортить исламисты из ПСР. Здесь так и просится цитата от бывшего президента Туниса Зин аль-Абидина бен Али: «Нет умеренных и радикальных исламистов. Все они плохие». Похоже, одна из причин, по которой король Мухаммед VI в итоге отказался от услуг А. Бенкирана, была связана с его антироссийскими высказываниями. Однако вряд ли его преемник на посту премьера имеет другую позицию в отношении России и ее участия в конфликте в Сирии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно признать, что Марокко благодаря достаточно умелой политике дворца без больших потерь прошло «арабскую весну» и последовавшие за ней события. Но будет ли так всегда? Ведь проблемы страны только усугубляются. Становится вечной проблема сахарских провинций и отношений с Алжиром, а это требует огромных денег: чего стоит содержание огромной армии на юге страны? Есть проблемы с политической и финансовой стабильностью. ВВП страны остается ниже 3% в год, а этого явно недостаточно для динамичного развития страны, где требуется этот показатель в 7–8%. С населением почти в 35 млн человек сельские жители королевства остаются наиболее обездоленными. Примерно 50% марокканцев являются неграмотными, один из пяти живет ниже и так минимального порога бедности, причем этот показатель не прекращал ухудшаться.

Поэтому вряд ли стоит удивляться, что любая спичка, брошенная на благодатную почву, может дать свой результат: на момент завершения работы над книгой не было понятно, во что в итоге выльются волнения в Эль-Хосейме, поскольку рифаи (берберы, проживающие в районе горной цепи Риф на севере Марокко) всегда были неудобны для центральных властей. Альтернатива этому – негласное поощрение незаконной иммиграции. Не секрет, что 70% молодых марокканцев мечтают о том, чтобы покинуть пределы своей родины. Нельзя исключать, что сбудется и пророчество француза Л. Шалара, предсказавшего социальный взрыв в Марокко в период с 2017 по 2020 годы.

В то же время можно согласиться с О. Брукси, согласно которому «Мухаммед VI в самом деле убежден,

что призывы к «глубокой реформе» исходят от незначительного меньшинства активистов, которые не принимают в расчет остальное общество, которое выступает за сохранение существующего статус-кво, и эта точка зрения – необходимо это признать – является частью истины» /1/.

С другой стороны, удивительно то, что все проблемы Марокко – и это делает его похожим на Россию – заметно не влияют на него, что позволяет королевству держать все удары. Практически никто в этой стране не отвергает монархию. В случае финансовых проблем у Марокко есть вечный спонсор – Франция. Несмотря на длительные «командировки» монарха, неспособность что-либо изменить со стороны его ближайшего окружения, страна пусть особо и не процветает, но держится на плаву. И пусть бы так было и далее! Но марокканское общество все больше и с нарастающей тревогой ощущает, что у него нет такого лидера, каким был покойный Хасан II.

Впрочем, нельзя исключать, что ситуация изменится в связи с новыми тенденциями во внешней политике Рабата.

Еще одним источником потенциальной дестабилизации монархии могут оказаться исламисты, как радикальные, так и умеренные. Если первые, несомненно, под воздействием идей ИГ и «Аль-Каиды» будут стараться пошатнуть устои монархии силовыми действиями, вторые могут канализировать гнев марокканской «улицы», как это было в связи с событиями в Эль-Хосейме в 2017 г. Недавняя история страны знает примеры того, насколько «улица» страшна в этом состоянии.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ ПО ГЛАВАМ

Введение

1. Amar Ali. Mohammed VI. p. 8.

Глава 1

1. Слово «Мулай» унаследовано от эпохи рабовладения, которую пережил арабо-мусульманский мир. Оно означает «мой повелитель». Это слово официально добавляется к именам не только принцев, но и к именам старших детей мужского пола в семьях, происходящих от Шерифов. Для принцесс к их именам добавляется титул «Лалла», что означает «моя повелительница».
2. АФП, 08.06.2011.
3. TelQuel, 07.2011.
4. Liberte, 31.07.2011.
5. L`Economiste, 15.08.2011.
6. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: ноябрь 2011 г. 13.12.2011. www.iimes.ru.
7. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: декабрь 2011 г. 09.01.2012. www.iimes.ru.
8. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: февраль 2012 г. 12.03.2012. www.iimes.ru.
9. АФП, 17.03.2012.
10. Ахбар аль-Яум, 04.05.2012.
11. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: ноябрь 2012 г. 04.12.2012. www.iimes.ru.
12. Ахбар аль-Яум, 07.01.2013.

13. АФП, 03.03.2013.
14. L`Economiste, 10.06.2013.
15. АФП, 01.08.2013.
16. El Mundo, 05.08.2013.
17. MAP, 05.08.2013.
18. Le Monde, 06.08.2013.
19. АФП, 13.02.2014.
20. Le Monde, 26.06.2012.
21. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: сентябрь 2016 г. 23.10.2016. www.iimes.ru.
22. АФП, 05.05.2017.
23. Brouksy Omar. Mohammed VI, derriere les masques. p. 71.

Глава 2

1. АФП, 28.10.2011.
2. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: февраль 2012 г. 12.03.2012. www.iimes.ru.
3. Аль-Масаа, 20.02.2014.
4. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: июнь 2015 г. 27.07.2015. www.iimes.ru.
5. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: август 2014 г. 10.09.2014. www.iimes.ru.
6. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: сентябрь 2012 г. 10.10.2012. www.iimes.ru.
7. АФП, 03.11.2013.
8. Ахбар аль-Яум, 11.12.2014.
9. MAP, 03.06.2016.
10. Dalle I. Maroc 1961–1999, p. 142.
11. Rapport annuel de l` OGD, 1997.
12. Dalle I. Maroc 1961–1999, p. 143.
13. Там же, с. 8.
14. Tuquoi Jean-Pierre. Le Dernier Roi. Crepuscule d`une dynastie. p. 42.
15. Dalle I. Maroc 1961–1999, p. 282.
16. Amar Ali. Mohammed VI. p. 10.

17. Brouksy Omar. Mohammed VI, derriere les masques. p. 143.
18. Amar Ali. Mohammed VI. p. 12.
19. Dalle I. Maroc 1961–1999, p. 186.
20. Tuquoi Jean-Pierre. Le Dernier Roi. Crepuscule d'une dynastie. p. 24.
21. Tuquoi Jean-Pierre. Le Dernier Roi. Crepuscule d'une dynastie. p. 265.
22. Brouksy Omar. Mohammed VI, derriere les masques. p. 80.
23. L'Evenement, 1966, № 9, 10.
24. Le Figaro, 25.08.1972.
25. Tuquoi Jean-Pierre. Le Dernier Roi. Crepuscule d'une dynastie. p.248.
26. Там же, с. 243.
27. Там же, с. 112.
28. Brouksy Omar. Mohammed VI, derriere les masques. p. 27.
29. Dalle I. Maroc 1961–1999, p. 14.
30. Le Matin du Sahara et du Maghreb, 07.03.2001.
31. Tuquoi Jean-Pierre. Le Dernier Roi. Crepuscule d'une dynastie. p.222.
32. Там же, с. 233.
33. Le Monde, 27.06.2001.
34. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: апрель 2014 г. 26.05.2014. www.iimes.ru.

Глава 3

1. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: август 2012 г. 10.09.2012. www.iimes.ru.
2. MAP, 25.01.2013.
3. Куделев В.В. Ситуация в Марокко: апрель 2012 г. 14.05.2012. www.iimes.ru.

Заключение

1. Brouksy Omar. Mohammed VI, derriere les masques. p. 231.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Amar Ali. Mohammed VI. Le Grand Malentendu. Dix ans de regne dans l'ombre de Hassan II. Calmann-Levy, Paris, 2009.
2. Brouksy Omar. Mohammed VI, derriere les masques. Nouveau monde editions, Paris, 2014.
3. Dalle Ignace. Maroc 1961–1999. L'esperance brisee. Maisonneuve & Larose, Tarik Editions. Paris, 2001.
4. Ney Jean-Paul. Pourquoi ils font le djihad. Enquete sur la #generationmerah. Edition du Rocher. Monaco. 2015.
5. Rapports annuels de l` OGD.
6. Tuquoi Jean-Pierre. Le Dernier Roi. Crepuscule d'une dynastie. Grasset, Paris, 2001.
7. Агентство Франс-пресс (АФП), Париж.
8. Аль-Масаа, Касабланка.
9. Ахбар аль-Яум, Касабланка.
10. El Mundo, Madrid.
11. L`Economiste, Casablanka.
12. L`Evenement, Paris.
13. Le Figaro, Paris.
14. Le Matin du Sahara et du Maghreb, Rabat.
15. Le Monde, Paris.
16. Liberte, Alger.
17. Maghreb Arab Press (MAP), Rabat.
18. Monde arabe/Maghreb-Machreq, Paris.
19. TelQuel, Casablanka.
20. www.iimes.ru.
21. www.ledesk.ma

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АКМ – «Аль-Каида в странах (исламского) Магриба».
АС – Африканский союз.
ВСИЖ – Центральное бюро криминальных расследований.
ВИНД – Верховная инстанция по национальному диалогу.
ВСБ – Высший совет безопасности.
ВСМТ – Всеобщий союз марокканских трудящихся.
ВИГ-М – Воюющая исламская группа – марокканская.
ВТС – Военно-техническое сотрудничество.
СЈUE – Суд Евросоюза.
СМР – Марокканская касса пенсионеров.
ДЕДЗА – Движение за единство и джихад в Западной Африке.
ДЕР – Движение за единство и реформу.
ДММ – Движение муджахидинов в Марокко.
DGED – Direction generale d`etudes et documentation.
ДКТ – Демократическая конфедерация труда.
DST – Direction de la surveillance du territoire.
ДП – Демократический путь.
ДФТ – Демократическая федерация труда.
ЕДМИ – «Единство и джихад в Магрибе Аль-Акса (Иерусалима)».
ЗРК – Зенитный ракетный комплекс.
ИГ – «Исламское государство».
ИГИЛ – «Исламское государство в Ираке и Леванте».
ИФС – Исламский фронт спасения.
КВС – Королевские вооруженные силы.
КЗР – Коалиция за родину.
КС – Конституционный союз.
ЛАГ – Лига арабских государств.
МА – «Международная амнистия».
МАПЧ – Марокканская ассоциация по правам человека.
МАР – Maghreb Arabe Presse.

Masen – Марокканское агентство по солнечной энергии.
МВФ – Международный валютный фонд.
МИНУРСО – Миссия ООН в Западной Сахаре.
МПЛЗ – Марокканская партия левых зеленых.
МСТ – Марокканский союз труда.
НД – Народное движение.
НОН – Национальное объединение независимых.
НПМП – Национальный профсоюз марокканской прессы.
НСПЧ – Национальный совет по правам человека.
OGD – L` Observatoire geopolitique des drogues.
ОАЕ – Организация африканского единства.
ОНЕЕ – Национальный офис воды и электричества.
ОСП – Объединенная социалистическая партия.
ОШФ – Офис шерифьен де фосфат.
ПДП – Партия «Демократический путь».
ПДСА – Партия демократического и социалистического аван-
гарда.
ПИМ – Партия истинность и модернизм.
ПИ – Партия Истикляль.
ПИО – Партия исламского освобождения.
ПНС – Переходный национальный совет.
ППС – Партия прогресса и социализма.
ПСР – Партия справедливости и развития.
РБГ – «Репортеры без границ».
САДР – Сахарская Арабская Демократическая Республика.
СП – Социалистическая партия.
ССАГПЗ – Совет сотрудничества арабских государств Пер-
сидского залива.
ССНС – Социалистический союз народных сил.
ТИ – Transparency International.
ТМ – Transparency Maroc.
ФДС – Фронт демократических сил.
ФС ВТС – Федеральная служба по военно-техническому
сотрудничеству.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян**: "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов**: "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко**: "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова**: "Экономическое сотрудничество Турции и турецких государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев**: "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева**: "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин**: "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 г.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 г.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривполитическое развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".
277. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 49 (Совместно с ИВ РАН).
278. **Е.Э.Успенский:** "Инвестиционный климат в арабских странах в конце XX – начале XXI века".
279. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали".

2016 г.

280. **Г.Г.Косач:** "Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015 гг.)".
281. **Н.П.Подгорнова:** "Страны Магриба в поисках оптимального пути развития".
282. **М.Чернин:** "Арабское население Израиля и палестинских территорий: происхождение, клановая и конфессиональная структура" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
283. **Алек Д. Эпштейн:** "Горизонты и миражи палестинской государственности" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
284. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления об «Исламском государстве»" (запрещено в России).
285. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва".
286. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 50 (Совместно с ИВ РАН).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)"
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Podgornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist
armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. "«The Third Israel»: Russian-speaking community and political
process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by
Vladimir (Ze'ev) Khanin
269. "«Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North
Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by
N.Podgornova
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and
Georgia)" by **V.Mesamed**.
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by
N.Podgornova
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel
(1985–2012)" by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development
of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising.
(90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**
277. "The Contemporary Middle East" № 49 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences

278. "Investment climate in the Arab countries in the end of XX – XXI centuries" by **E.Uspenskiy**

279. "The contemporary Somali" by **S.Aleinikov**

2016

280. "Russian-Saudi relations: a political aspect (1990-2015)" by **G.Kosach**

281. "The Arab Maghreb in a search for optimal way of development" by **N.Podgornova**

282. "The arab population of Israel and Palestinian territories. Origin clan and confessional structure" by **M.Chernin**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

283. "Horizon and mirages of the Palestinian statehood" by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

284. "Thoughts about the Islamic State" by **Ju.Scheglov**

285. "Problem of Israeli political system reform in the light of prerequisite and results of election campaign to the XX Knesset" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

286. "The Contemporary Middle East" № 50 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

В.В. Куделев

**«АРАБСКАЯ ВЕСНА»:
МАРОККАНСКИЙ ФЕНОМЕН**

Подписано в печать 30.11.2017 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 21,5 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 5326

Первая оперативная типография
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12